

Международный
научно-практический междисциплинарный журнал

**РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И УПРАВЛЕНИЕ**

№ 1

январь-июнь 2002

Том 2

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Международный научно-практический междисциплинарный журнал

УЧРЕДИТЕЛИ: *Институт психологии Российской академии наук,
Владимир Лепский (Россия)*

Выходит два раза в год
(на русском и английском языках)

№ 1, 2002, январь-июнь, том 2

Главный редактор: **В.Е.Лепский (Россия)**
E-mail: lepsyk@online.ru (lepsyk@psychol.ras.ru)

Члены редакционного совета:

С. Амплеби (США), Б.И.Бирштейн (Канада), А.В.Брушлинский (Россия),
В.П.Зинченко (Россия), В.А.Лефевр (США), Г.В.Осипов (Россия),
Д.А.Поспелов (Россия), И.В.Прангшвили (Россия), В.В.Рубцов (Россия),
В.С.Степин (Россия), А.А.Стрельцов (Россия), Ю.Е.Фокин (Россия),
Ю.П.Шанкин (Россия)

Члены редакционной коллегии:

Д.Адамс-Вебер (Канада), О.С.Анисимов (Россия), К.К.Богатырев (США),
В.И.Боршевич (Молдова), О.И.Генисаретский (Россия), И.Е.Задорожнюк
(Россия), Г.Г.Малинецкий (Россия), В.А.Петровский (Россия),
С.П.Расторгуев (Россия), В.М.Розин (Россия), Г.Л.Смолян (Россия),
Т.А.Таран (Украина)

Члены редакционно-издательской группы:

Б.П.Бороденков (Россия), В.Н.Крылова (Россия),
В.Н.Новосадиук (Молдова), Р.Цвик (Молдова)

Издание зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, теле-
радиовещания и средств массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №77-7309 от 19 февраля 2001 г.

Адрес редакции: 129366, Москва, ул. Ярославская, 13, комн. 430

Факс: 282-92-01

E-mail: lepsyk@psychol.ras.ru

<http://www.reflexion.ru>

Журнал издается при поддержке Бориса Бирштейна
(доктор философии и экономики, профессор)

Перепечатка материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Присланные в редакцию рукописи не рецензируются и не возвращаются.

- © Институт психологии РАН
(Лаборатория психологии рефлексивных процессов), 2002
- © Лепский В.Е., 2002

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редактора</i>	4
---------------------------	---

ГЛОБАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ – СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

<i>Лепский В.Е. (Россия)</i> . Становление стратегических субъектов: постановка проблемы	5
<i>Лефевр В.А. (США)</i> . Стратегические решения и мораль	24
<i>Бириштейн Б.И. (Канада), Боршевич, В.И. (Молдова)</i> . Стратегемы рефлексивного управления в западной и восточной культурах	27
<i>Круглый стол (8 октября 2001 г.)</i> . Проблемы становления рефлексивных субъектов	45

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

<i>Томас Т.Л. (США)</i> . Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения	71
--	----

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ИНТЕРНЕТ

<i>Зинченко В.П. (Россия)</i> . Рефлексивные процессы в интернет- взаимодействиях (на примере шахматных игр)	90
---	----

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД И КИБЕРНЕТИКА ВТОРОГО ПОРЯДКА

<i>Лефевр В.А. (США)</i> . Кибернетика второго порядка в Советском Союзе и на Западе	96
<i>Таран Т.А. (Украина)</i> . Отображение принципов рефлексивного управления в математических моделях рефлексивного выбора	104

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Третий международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление»	118
Междисциплинарный научно-практический семинар «Рефлексивные процессы и управление»	122

НОВЫЕ КНИГИ

«Рефлексивные процессы и управление». Тезисы III Международного симпозиума	123
<i>Лефевр В.А. (США)</i> . Алгебра совести	123
<i>Бириштейн Б.И. (Канада)</i> . Партнерство ради жизни	126
Памяти А.В. Брушлинского	128

ОТ РЕДАКТОРА

Очередной номер журнала в значительной степени группируется вокруг проблем, поднятых на III Международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление» (8-11 октября 2001, Москва). Симпозиум состоялся почти месяц спустя трагических событий в США. Мир после 11 сентября 2001 года резко изменился. И всполохи этих изменений отразились на всех выступлениях участников симпозиума.

Конечно, сформировавшееся к этому времени международное научное сообщество рефлексологов какие-то тенденции в данном направлении предвидело. Более того, два года назад в Лос-Аламосе, а также в Вашингтоне за месяц до трагических событий мы обсуждали с американскими коллегами учеными и специалистами министерства обороны США совместный научный проект по разработке рефлексивных технологий защиты от террористических организаций. К сожалению, бюрократические преграды не позволили нам тогда внести свой интеллектуальный вклад в создание технологий раннего выявления и нейтрализации угроз терроризма. Удастся ли объединить усилия российских и зарубежных специалистов сегодня? Специалисты уверены в целесообразности такого объединения усилий. Пора понять, что проблемы безопасности и устойчивого развития человечества – наше общее дело. Пора не подвергаться неосмысленным страхам в связи с возможными угрозами. Надо преодолевать их еще до их появления!

Ведущую роль в этих процессах должны выполнять элиты – национальные и международные, деловые, политические, культурные, образовательные, и другие. Наши планы – сделать журнал интересным и полезным для их представителей, а также для тех ученых и практиков, которые готовы взять на себя ответственность за решение проблем обеспечения безопасности и устойчивого развития человечества. Надо научиться размышлять об условиях собственного существования с опорой на инструментальный анализа рефлексивных технологий – лишь в таком случае можно предотвратить многие глобальные угрозы и даже устранить причины их появления. Иначе нам не выжить ...

Владимир Лепский

**СТАНОВЛЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

© В.Е. Лепский (*Россия*)

Институт психологии
Российской академии наук,
доктор психологических наук

1. Наследие XX века: стереотипы механизмов взаимодействия и развития

С первых шагов в новом тысячелетии человечество все более отчетливо начало осознать, что старые парадигмы организации мирового порядка, отношений между государствами, этносами, культурами, конфессиями и другими социальными образованиями и их носителями безнадежно устарели и могут привести всех нас к гигантской катастрофе.

Совсем недавно мы были на грани ядерной катастрофы, угрозу которой смогли существенно ослабить, но нет полной уверенности, что ядерное оружие надежно защищено от экстремистов.

Сегодня удалось запустить новые механизмы, дающие надежду на предотвращение экологической катастрофы, но нет полной уверенности, что мы успеем остановить процессы загрязнения среды до того как будет достигнута черта необратимых явлений.

Процессы формирования глобального информационного общества таят в себе угрозы разрушения самобытных культур и их носителей, что нанесет непоправимый ущерб всему человечеству. При этом в основополагающих документах мирового сообщества этим аспектам уделяется явно недостаточно внимания [13].

Наконец, «неожиданно» возникшие угрозы глобального терроризма снова поставили человечество перед проблемами, к решению которых оно, как всегда, оказалось неподготовленным.

Почему человечество постоянно оказывается в ситуациях «неожиданно» возникающих угроз (ядерной, экологической, информационной, террористической и др.)? Каждый раз осознание этих угроз приходит тогда, когда требуются невероятные усилия для их нейтрализации, а порой отсутствуют гарантии успешности их нейтрализации.

Ответ прост: «Человечество не свободно в определении своего пути развития». У него не сформированы механизмы рефлексии, позволяющие осознанно организовывать процессы своего развития. Человечество само ограничило свою свободу, в силу того, что оказалось в плену стереотипов, преодолеть которые не удалось в прошедшем тысячелетии. Главных стереотипов пять [8, 9].

Стереотип 1. Доминанта каузального (исторического, генетического) подхода, когда причины явлений ищутся в «прошлом», а главный вопрос – «Почему?» В философии такой подход называется также Лапласовским детерминизмом. С позиций этого подхода Вселенная стремится от более организованного состояния к менее организованному.

Стереотип 2. Представление о научно-техническом прогрессе как естественном механизме развития человечества, допустимость обособления научной истины от нравственности, главный вопрос – «Как?»

Но всегда ли готово человечество к использованию научных открытий и разработанных на их основе технологий? Есть ли у него механизмы способные дать ответ на этот вопрос и при необходимости остановить процессы их внедрения? Очевидно, нет.

Стихийные процессы включения в жизнь человечества продуктов научно-технического прогресса, подгоняемые запросами общества потребления, сделали его заложником лавинообразно нарастающих угроз для его существования. Сегодня безопасность и развитие человечества оказалась в зависимости не только от национальных концепций, военных доктрин государств и действий их лидеров, но также от целей и нравственной ограниченности отдельных группировок и лиц.

Стереотип 3. Представление об «обществе потребления» как безальтернативной и прогрессивной модели.

Все ли люди земли хотят участвовать в бесконечной гонке за все возрастающими материальными потребностями? Куда приведет эта гонка в условиях ограниченных ресурсов планеты? Все ли хотят обменять духовное богатство и свободу на явно избыточное материальное благополучие? Лично я не пожелал бы этого своим детям и внукам.

Стереотип 4. Доминанта рациональности в экономической, политической, военной и других социальных сферах.

XX век можно назвать «веком рациональности». На ней базируется рыночная экономика. Рациональность в войнах довела человечество

до полной патологии, когда военные стратеги могли совершенно серьезно анализировать альтернативы действий, в которых закладывались миллионы жертв ядерной войны. Она же породила концепцию «золотого миллиарда», в которой кто-то берет на себя право решать, кому жить на планете, а кому не жить.

Стереотип 5. Доминанта индивидуализма при формировании социальных отношений и общностей (западная модель) - это гипертрофия прав субъектов перед обязанностями взаимной регуляции целей, отношений и действий.

Индивидуализм - основа рыночной экономики. Однако он же привел сегодня мир к нестабильной однополярной системе, стал одной из главных причин нахлынувшей волны терроризма.

Указанные стереотипы жестко детерминируют целевую направленность человечества. Первые три органично связаны между собой; именно они определяли ведущий механизм развития человечества во второй половине XX века. Однако это механизм, который неизбежно приведет человечество к катастрофе, если оно не станет субъектом своего развития.

Четвертый и пятый стереотипы в основном связаны с механизмами регуляции взаимных отношений субъектов. Свой вклад в преодоление доминанты рациональности над нравственностью внесли многие светлые головы человечества [17, 19], однако только сегодня человечество приближается к пониманию важности этой проблемы.

После трагических событий 11 сентября американцев волнует вопрос: «Почему они нас ненавидят?» Средние американцы искренне считают себя замечательными людьми. Они не нарушают законов, любят детей, жертвуют на благотворительность, регулярно ходят в церковь. К сожалению, сегодня средние американцы в большинстве имеют неадекватный ответ на поставленный вопрос. Часто можно услышать мнение: «Они нам завидуют». На мой взгляд, правильный ответ другой, он четко прозвучал в статье экономиста нью-йоркского аналитического центра The Globalist: «... мы мало знаем о мире. Нас не интересует ни Ирак, ни бывшая Югославия. В наших программах новостей больше времени занимают репортажи о транспортных заторах, чем международные события» [1].

Индивидуализм не может быть основой для регуляции отношений в современном мире. Ярким доказательством этого может служить изменение отношения к правам человека в США. Еще несколько месяцев назад невозможно было бы предположить, что США с такой легкостью и невероятной быстротой смогут поступиться правами человека, которыми они так гордились и через критику несоблюдения которых они разваливали СССР. Оказывается, что кроме прав должны быть

обязанности, а также механизмы контроля и обеспечения совместного сосуществования субъектов.

Многие стереотипы сформировались в условиях, когда можно было провести четкие границы между государствами, локализовать сферы экономической деятельности; когда воздействие на окружающую среду отдельных субъектов не приводило к глобальным последствиям для всей планеты; когда человечество не было заложником отдельных асоциальных элементов и группировок; когда корректным было понимание автономного существования отдельных государств и других видов социальных образований. Сегодня на планете сложилась другая ситуация – все мы зависим друг от друга, живем в «коммунальной квартире». Необходимы другие механизмы регулирования совместного проживания, основанные на кооперативном начале, а не на индивидуализме, позволяющие обеспечивать взаимопонимание и доверие субъектов, динамичные переходы от конфликтов к управляемой конфронтации и кооперации.

Актуальна проблема разработки новых «высоких гуманитарных технологий» на основе интеграции гуманитарных и естественнонаучных областей знаний. Эти технологии должны быть в первую очередь ориентированы на задачи, связанные с разрешением моральных и этических коллизий, раздирающих современное общество. Эти коллизии, как правило, столь сложны, что разобраться в их существе, опираясь на элементарную общечеловеческую моральную интуицию, практически невозможно.

Число вопросов, требующих профессионального и комплексного морально-этического изучения, непрерывно возрастает. Это проблемы, возникающие в связи с успехами биологии и медицины, вопросы социальной справедливости и ответственности, дилеммы, возникающие в международных отношениях, проблемы борьбы с глобальным терроризмом и др.

2. «Бессубъектность» – главная болезнь человечества

Человечество не осознает целей и возможностей своего развития, не берет в должной степени ответственности за свои же деяния перед жителями планеты и различными социокультурными образованиями, перед Природой и Мирозданием в целом. «Бессубъектность» – главная болезнь человечества.

Вирусом бессубъектности заражены государства, этносы, различные типы сообществ, индивидуумы. Пока человечество будет оставаться рабом каузального подхода, оно не найдет принципиально новых решений. С этим связаны весьма ограниченные успехи в поиске механизмов «устойчивого развития». Постоянно будет гонка в устраниении

угроз и вечное отставание, которое когда-то кончится глобальной катастрофой. На наш взгляд, методологической основой для разработки новых концепций развития человечества должен выступить телеологический (целевой, финальный) подход. Такой подход начинается с вопроса – «Для чего?». Причины явлений ищутся в «будущем». С позиций телеологического подхода Вселенная стремится от менее организованного состояния к более организованному. Он ориентирован на целеустремленные системы, способные осознавать свои цели, способы и средства их достижения, свои возможности и ограничения. Основа телеологического подхода – субъектность. При этом важно отметить, что «...познающий и действующий субъект вынужден применять особые стратегии деятельности, учитывающие специфику человекоразмерных, развивающихся объектов» [16].

3. «Стратегический субъект» – базовый элемент социальной инженерии XXI века

Взаимообусловленность, взаимопроникновение и взаимодействие при решении социальных задач различных типов субъектов (личность, группа, организация и др.) и различных видов сознания (индивидуальное, групповое, массовое) подталкивает многих исследователей к принятию некоторой обобщенной логической структуры, инвариантной по отношению к видам и «носителям» сознания. Такого рода структура позволяет в единых понятиях анализировать процессы информационного взаимодействия качественно различающихся элементов, не снимая возможностей учета их специфики [12,18]. В этих логико-психологических схемах мы имеем дело с формализованными субъектами, которые могут выступать как модели различных типов реальных субъектов.

Для решения современных проблем обеспечения безопасности и устойчивого развития мирового сообщества мы предлагаем ввести понятие «стратегического субъекта». Это понятие задает обобщенную модель различных типов субъектов (личность, группа, организация, этнос, государство и др.), наделенных свойствами, способствующими преодолению пяти выделенных нами стереотипов XX века.

В качестве основных при рассмотрении свойств стратегических субъектов предлагаются: целевой (телеологический), функциональный (регуляционно-коммуникативный) и структурный аспекты.

Предварительный эскиз отдельных базовых характеристик стратегических субъектов представлен в табл. 1.

Стратегические субъекты – это идеальные образцы, стремление к реальному воплощению которых могло бы, на наш взгляд, способствовать повышению безопасности и устойчивому развитию человечества.

Таблица 1

Отдельные характеристики стратегических субъектов

Аспекты	Частные признаки	Характеристики	
		Стратегические субъекты	Субъекты, полярные стратегическим
Телеологический (целевой) аспект	Наличие целей	Целеустремленность	Пассивность
	Наличие общих целей	Целевая общность субъектов	Целевая разобщенность субъектов
	Социальная направленность целей	Социальность	Асоциальность
	Устойчивость целей	Стабильность	Джокеры
	Совпадение реализуемых и декларируемых целей	Целевая адекватность	Целевой диссонанс
Регуляционно-коммуникативный аспект	Рефлексивная регуляция деятельности и коммуникаций	Рефлексивность	Реактивность
	Доминирующие потребности	Духовные	Материальные
	Социальная ориентация механизмов регуляции деятельности	Социальная ответственность	Эгоцентризм
	Доминирующие основания при принятии решений	Морально-этические	Рациональные
	Ведущая этическая система [17]	Первая этическая система (совмещение «добра» и «зла» рассматривается как «зло»)	Вторая этическая система (совмещение «добра» и «зла» рассматривается как «добро»: цель оправдывает средства)
	Ведущая ориентация во взаимодействиях с другими субъектами	Коллективизм	Индивидуализм
	Ведущая форма отношений с другими субъектами	Партнерство (субъект-субъектные отношения)	Потребление (субъект-объектные отношения)
	Отношение к мнению (точке зрения) других субъектов	Толерантность	Толерантность
	Доминанта поведения в конфликтных ситуациях	Ориентация на компромисс	Агрессивность
	Готовность на жертву ради общего дела	Жертвенность	Эгоизм
Свобода действий (защищенность от внешнего явного или скрытого управления)	Независимость	Зависимость	
Структурный аспект	Деление на единицы	Функционально-целевая фрактальность (часть-целое)	Функциональная разнородность

Принятие этого тезиса позволяет по-новому взглянуть на проблему создания общепринятых механизмов оценки и регулирования действий субъектов мирового сообщества, а также открывает новые горизонты для совершенствования различных типов субъектов от индивидов до государств и различных видов международных сообществ. Такой подход не следует понимать как призыв к разрушению самобытных культур и их носителей: предлагаются лишь ориентиры для формирования «общего поля» мировой культуры, базовых характеристик носителей самобытных культур, которые создадут предпосылки для усиления гуманистического начала в развитии человечества.

При реализации такого подхода принципиально важна ориентация на позитивное влияние друг на друга различных культур и их носителей, на интеграцию мирового опыта формирования разных типов субъектов. Особое значение приобретают обобщенные различия культур и их носителей: «Запада» и «Востока». С этой целью мы провели «пилотные» экспертные оценки. Экспертами выступали российские молодые специалисты в области внешнеполитической деятельности. Им было предложено дать оценки на шкалах конструкторов (характеристики стратегических и полярных им субъектов) соотносящихся с обобщенными субъектами «Запада» и «Востока». Наиболее ярко выраженные различия приведены в табл. 2. Заметим, что оценки носят крайне обобщенный и иллюстративный характер и могут отличаться при сравнении конкретных субъектов.

Таблица 2

Сравнительные оценки характеристик обобщенных субъектов «Запада» и «Востока»

Аспекты и признаки сравнения субъектов	«Запад»	«Восток»
Телеологический (целевой) аспект	Целеустремленность	Целевая общность (субъектов)
Регуляционно-коммуникативный аспект	Независимость	Рефлексивность Духовность Коллективизм Жертвенность
Структурный аспект		Функционально-целевая фрактальность (часть-целое)

Даже поверхностный анализ указывает на целесообразность интеграции культур «Запада» и «Востока» при постановке проблемы становления стратегических субъектов. Этот процесс крайне сложный, и возможно Россия, за которой исторически закрепились роль моста между «Западом» и «Востоком» могла бы выступить в роли посредника

и катализатора такого рода интеграции. Очевидно, для решения этой проблемы потребуется и создание новых высоких гуманитарных технологий социальной инженерии.

4. Готова ли Россия стать лидером в создании новых гуманитарных технологий становления стратегических субъектов?

Россия располагает необходимым культурным и научным потенциалом для лидерских позиций в создании новых гуманитарных технологий становления стратегических субъектов, однако она не готова сегодня к выполнению этой миссии. Главная причина – в ее «системной дезорганизации». Среди признаков системной дезорганизованности России следует указать [8]:

- *государство не является четко выраженным субъектом управления*, оно не сформировало стратегию развития (понимаемую и принимаемую большей частью населения), не обеспечило нормальные условия жизни своим гражданам, не гарантирует соблюдения основных конституционных прав;
- существенную роль в управлении всеми сферами общественной жизни играют коррумпированные чиновники, криминал и другие асоциальные элементы;
- «средний класс» и элиты атрофированы, дезорганизованы, не включены в реальные механизмы управления и развития;
- политические партии и движения в основной своей массе имеют бутафорский характер;
- общественные (не политические) образования слабо организованы и практически не влияют на социальные процессы;
- граждане в подавляющем большинстве социально пассивны, имеют трудноразрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.).

Адекватная оценка сложившейся ситуации находит все более широкое распространение в обществе, многие из указанных признаков отражены в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному собранию.

За 2001 год сделаны важные шаги на пути укрепления целостности России, усиления вертикали власти. Эти шаги были необходимы, однако, такая организованность в чем-то однобока. Необходимы экстренные меры по повышению степени организованности в целом государства и одновременно становлению гражданского общества в России.

Такого рода процессы надо планировать и организовывать, а не надеяться на естественное их развертывание, как это было с рыночной экономикой.

Отдельные механизмы разрушения субъектности в России

Стихийный характер вхождения в глобальное информационное общество приведет к дальнейшему разрушению самобытной культуры России, к навязыванию чуждого ей образа жизни, что представляет угрозы национальным интересам России, а также интересам развития мирового сообщества в целом.

Болезнь «бессубъектности» охватила Россию в ярко выраженной форме. В работах [3-11] рассмотрены отдельные механизмы разрушения субъектности в России, предложения по разворачиванию механизмов становления и поддержки стратегических субъектов в России.

Социальные и экономические изменения в России повлекли за собой крайне важные психологические последствия. Ситуация таит в себе самую главную, явно недооцениваемую угрозу национальной безопасности России. Для большей части населения все происходящее стало бессмысленным и непонятным. Деидеологизация, распад социальных отношений привели к «атомизации», к разрыву социальных связей между обществом и индивидуумами. Как следствие - массовая потеря позиции человека как субъекта жизни [2]. Одновременно происходило разрушение субъектности государства, чему способствовали многочисленные механизмы, связанные как с внешними, так и с внутренними источниками угроз [3, 14].

Среди основных механизмов разрушения субъектности Российского государства в последние десять лет выделим:

- внешний перехват инициатив в реформировании отечественной экономики (навязывание экономических моделей, неадекватных российским условиям, затягивание в кредитную зависимость и др.);
- профессионально организованные рядом стран информационно-психологические операции, направленные на «перехват» государственного управления;
- ангажирование лидеров российской системы управления и использование их для внешнего управления Россией;
- создание благоприятных условий для бурного роста коррупции в системе государственного управления, для перехвата управления финансовыми группировками и криминальными структурами.

Осознание индивидом или группой себя сопряжено с интерпретацией общества как субъекта и объекта. Большая часть населения стала воспринимать себя как объект по отношению к обществу и государству.

В условиях, когда значительная часть населения оказалась в «пассивной» позиции по отношению к своей роли носителя суверенитета и источника власти, создаются благоприятные возможности для осу-

ществления различного рода манипуляций по управлению свободным волеизъявлением народа. Широко используются психотехнологии с целью превращения человека (группы) из субъекта жизнедеятельности в объект манипуляций в интересах отдельных лиц и организаций. В частности, действенные механизмы разрушения субъектности граждан России связаны с политическим PR, СМИ, влиянием «черной культуры», несоответствием системы образования актуальным проблемам социальных преобразований России, деятельностью культовых организаций, неадекватной ролью интеллигенции.

Наиболее общие и инвариантные механизмы разрушения субъектности граждан связаны с воздействиями на рефлексивные структуры сознания, мощнейшим инструментом при этом является блокировка рефлексии. Рассмотрим примеры такого рода механизмов, способствующих разрушению субъектности граждан.

Политический PR в России

Политический PR является ярким примером массового использования механизмов разрушения субъектности граждан России. Оказывать воздействия на свободное волеизъявление граждан можно различными способами. Что касается психологических воздействий, то базовым критерием «чистоты» этих воздействий, а соответственно и «чистоты» избирательных технологий в целом может выступить ориентация на один из двух способов существования человека как субъекта жизнедеятельности (рефлексивный и реактивный) [15] и использование этой ориентации при выборе или конструировании конкретных акций [5].

Ориентация на стимулирование, поддержку и использование «реактивного» способа жизнедеятельности граждан в избирательных технологиях определяется, прежде всего, намерениями организаторов управлять поведением избирателей, управлять их выбором. Основные методы, как правило, базируются на формирование «целевого» сознания, различного рода манипулятивных воздействиях, в том числе на широком использовании воздействий на эмоциональную сферу, провокациях импульсивных действий и др.

Ориентация на стимулирование, поддержку и использование «рефлексивного» способа жизнедеятельности граждан определяется, прежде всего, намерениями организаторов сформировать представление избирателей о целях, программах, механизмах их реализации, а также последствиях, вытекающих для различных типов субъектов, в том числе и для избирателя. Главная задача этого способа – помочь в осуществлении сравнительного анализа альтернативных предложений, способствовать повышению «политической культуры» граждан и т.п.

Основные методы базируются на убеждении, расширении «сферы сознания», осознании персональной ответственности, поддержке осознанного свободного волеизъявления. Такая ориентация организаторов избирательных кампаний создает предпосылки для использования психологически корректных избирательных технологий.

Сегодня в России актуальная проблема организации конструктивного движения к созданию систем детализированных (частных) критериев и принципов построения психологически корректных избирательных технологий, ориентированных на построение гражданского общества. Такое общество в России находится в зачаточном состоянии. Практически отсутствует контроль со стороны общества над государством, финансовыми олигархами и различными типами корпоративных группировок, активно действующих в социально-политической сфере. Крупномасштабные избирательные кампании фактически представляют собой поле борьбы за власть упомянутых корпоративных структур. Такие кампании – это их скрытая информационно-психологическая война, в которой «безоружным» участником оказываются россияне. Точнее не участником, а ресурсом, ради установления контроля над которым организуются батальи с широким включением СМИ и Интернета. Они осуществляются на основе этики корпоративных структур, с вытеснением других этических систем, прежде всего за счет подкупа, силовых воздействий и различного рода манипуляций.

Вследствие этого в контексте построения гражданского общества политический PR в России может быть охарактеризован в целом как явление асоциальное, поскольку те, кто его осуществляют, не имеют собственной гражданской позиции, не являются субъектом социального развития. Политический PR в России является инструментом в руках тех кто имеет деньги. Поведение PR-агентов, как правило, регулируется на основе либо этики заказчика («кто платит, тот и заказывает музыку»), либо набора технологий с использованием принципа «цель оправдывает средства».

Главная болезнь политического PR в России – его бездуховность и технологоцентричность. Последствия этой болезни проявляются в разрушении субъектности граждан и государства.

Сегодня в России наметились тенденции к сокращению финансирования политического PR. Сложившиеся команды пиарщиков, привыкшие к большим деньгам, ищут новые сферы приложений. Учитывая их деструктивные для гражданского общества функции, следует предельно сузить эти сферы.

Культовые организации

Можно с уверенностью сказать, что любая область человеческой деятельности – религия, педагогика и просвещение, политика, досуг и хобби, психотерапия, производство и бизнес и т.д. – дает свои образцы культовых групп или движений. Сущность механизмов разрушения субъектности граждан, реализуемых в деятельности культовых организаций, удастся вскрыть через анализ рефлексивных процессов, используемых ими для воздействия на психику граждан.

С учетом двух способов существования человека как субъекта жизни (рефлексивный и реактивный), рассмотрим два крайних, с точки зрения блага и зла для общества, варианта организации перехода человека на новую форму жизнедеятельности. При этом будем исходить из того, что в этих процессах активно участвуют лица, содействующие (управляющие) указанным переходом.

Вариант 1. «*Схема развития*». В общих чертах включает следующие процедуры:

- «*Фиксация разрыва ранее сложившейся жизнедеятельности*» – формирование состояния готовности к принятию новых форм жизнедеятельности. Человек сам приходит к осознанию того, что надо что-то менять и как-то жить иначе, или ему оказывают в этом помощь.
- «*Актуализация рефлексии*» – единственная возможность самому создать или осознанно выбрать новую форму жизнедеятельности, а также организовать процесс перехода к ней. Помощь извне в данной процедуре крайне важна, ибо совершить, как иногда говорят, «рефлексивный выход» за пределы своей жизнедеятельности, сделать ее объектом исследования и соотнести с новыми формами – весьма сложный процесс, требующий иных, чем для осуществления первичной жизнедеятельности, методов и средств.
- «*Рефлексивная кооперация*» – поддержка человека, совершившего «рефлексивный выход» за пределы сложившейся жизнедеятельности, выход в рефлексивную позицию. Такого рода помощь определяет основу современных представлений гуманистической психологии и находит отражение в психотерапии, в организационном развитии, в развитии деятельности на основе новых информационных технологий, в организации политической деятельности, в управленческом консультировании и других видах поддержки человека. В этих подходах ведущей представляется ориентация на обеспечение свободы личности, а не на «навязывание» ей внешних советов и рекомендаций.

При использовании данной схемы человек является подлинным субъектом развития своей жизнедеятельности, кроме того, он и сам развивается, ибо процедура актуализации рефлексии либо провоцирует

переход с реактивного способа жизнедеятельности на рефлексивный, либо закрепляет рефлексивный способ жизнедеятельности, оснащая человека новыми средствами более эффективной работы. Можно утверждать, что «Схема развития» является благом для общества, поскольку она максимально ориентирована на свободную развивающуюся личность.

Вариант 2. «Схема рефлексивного программирования». В общих чертах включает следующие процедуры:

- «Разрыв ранее сложившейся жизнедеятельности».
- «Рефлексивная блокада» – блокировка «несанкционированных» кем-то рефлексивных процессов, фактически лишение человека возможности самостоятельно осуществлять осознанное создание жизнедеятельности или выбор ее новой формы.
- «Социальная изоляция» – блокировка «несанкционированных» кем-либо информационно-психологических воздействий социального окружения, фактически лишение возможности влияния на процессы создания или выбора новой формы жизнедеятельности ближайшего социального окружения человека (семьи, друзей, коллег и др.).
- «Рефлексивное программирование» – навязывание человеку заранее predetermined кем-то представлений, точек зрения, позиций, мнений и других психических образований с целью принятия им предлагаемой нормы жизнедеятельности.

Существенные различия в ориентации схем развития и рефлексивного программирования иллюстрируются в табл. 3.

При использовании «Схемы рефлексивного программирования» человек превращается в объект управления. Процедуры «Рефлексивной блокады», «Социальной изоляции» и «Рефлексивного программирования» способствуют закреплению «реактивного способа жизнедеятельности» и никоим образом не способствуют развитию личности. Эти процедуры явно ограничивают свободу личности. Можно утверждать что «Схема рефлексивного программирования» является злом для общества и максимально ориентирована на превращение человека в робота.

Нами проведен анализ технологий воздействия на психику, используемых в тоталитарных религиозных сектах [11], где наиболее ярко проявляется действие по «Схеме рефлексивного программирования». Вскрытие механизмов «рефлексивной блокады», «социальной изоляции» и «рефлексивного программирования» позволяет по-новому сформулировать задачи правового регулирования деятельности культовых организаций, способствовать формированию индивидуальной защиты граждан от негативных психологических воздействий, повышать культуру работников СМИ.

Таблица 3

*Принципиальные различия схемы развития
и схемы рефлексивного программирования*

Аспекты сравнения	Схемы развития	Схема рефлексивного программирования
Ориентация на способ жизнедеятельности человека	Ориентация на рефлексивный способ жизнедеятельности человека	Ориентация на реактивный способ жизнедеятельности человека
Отношение к субъекту	Ориентация на сохранение и формирование «субъектности» человека, отказ от манипулирования человеком	Ориентация на превращение субъекта в объект управления. Ведущая роль социализации к нормам культовой организации
Действия в конкретных ситуациях жизнедеятельности	Ориентация на самостоятельные действия в любых ситуациях жизнедеятельности (проблемный подход)	Ориентация на шаблонные (заранее предписанные) действия в типовых ситуациях жизнедеятельности и обязательное обращение к помощи ведущих представителей сект в нестандартных ситуациях
Ведущая направленность психологических воздействий	Стимулирование и поддержка рефлексивных процессов	Блокировка рефлексии; блокировка социальных контактов (вне секты); рефлексивное программирование, процесс обучения, усвоения идей строится на эмоциональном принятии без критического анализа
Структура управления	Гибкая «горизонтальная» структура управления	Жесткая «вертикальная» иерархическая структура управления
Базовые знания	Процедурные	Предметные
Подготовка субъектов к жизнедеятельности	Формирование базовых качеств для самостоятельной организации своей жизнедеятельности	Обучение знаниям, навыкам и умениям для использования нормативных представлений и методов культовой организации

Негативная роль культовых организаций связана также с тем, что они являются полигоном для «выращивания» антигуманистических технологий воздействия на индивидуальное и групповое сознание.

Неадекватная роль интеллигенции

Наша интеллигенция обладает мощным интеллектуальным потенциалом, способна целостно воспринимать и анализировать любые хитросплетения сложнейших социальных систем и процессов. Она выполняла огромную роль в дореволюционный период, что позволяло соперничать с Западной Европой не только духовно-нравственно, но

и культурно. Она умеет брать на себя роль лидера в обществе в кризисных ситуациях, как это было в 1991 году.

Ныне интеллигенция утратила и не может обрести свою позицию. Почему же сегодня она не находится на переднем плане социальных преобразований России? Ответ на этот вопрос можно найти анализируя наиболее распространенные точки зрения на роли интеллигенции в современных условиях [7]:

- «транслятор западных шаблонов»;
- формирователь «образа врага»;
- постоянный оппозиционер к власти;
- «судья и пророк»;
- «социальный диагност».

Интеллигенция не берет на себя функции генератора, а главное – контролера процессов социальной инженерии в обществе.

В контексте рассматриваемой задачи, с учетом разрозненности и разобщенности интеллигенции более корректно говорить не об интеллигенции, а об элитах России. Тех элитах, которые смогут стать стратегическими субъектами и определить основу движения по формированию стратегической элиты России.

Успешность выполнения стратегической элитой миссии «пробуждения рефлексии в общественном сознании» зависит не только от осознания и принятия самой этой миссии. Успех принципиально зависит от осознания ее важности высшим руководством страны, от организации конкретных шагов, направленных на создание адекватных социальных механизмов, в том числе механизмов нейтрализации противодействия со стороны субъектов, не заинтересованных в становлении субъектов гражданского общества в России.

5. Россия на пути к лидерству в создании новых гуманитарных технологий становления стратегических субъектов

За два года в России достигнуты определенные успехи в восстановлении субъектности государства нового века. Одна из главных опасностей, которая нас подстерегает, – дисбаланс в становлении различных типов субъектов общества (государство, различные типы социальных образований, элиты, граждане). Складывающийся перекокс в сторону усиления субъектности государства по сравнению с другими элементами общества, таит в себе скрытые источники угроз для развития России.

Выделим актуальные проблемы становления стратегических субъектов России [8]:

- стимулирование становления и поддержки стратегической элиты России;

- встраивание стратегической элиты в реальные механизмы государственного и общественного управления;
- поиск инновационных «системообразующих идей» для стимулирования процессов становления всех типов стратегических субъектов;
- повышение культуры россиян в сфере стратегического управления;
- создание механизмов реальной включенности граждан и общественных образований в процессы управления Россией;
- создание информационной среды становления и поддержки стратегических субъектов в России.

Проект Клуба стратегической элиты России

Россия располагает относительно небольшим ресурсом времени для поисков выхода из кризисного состояния. В этой связи нельзя рассчитывать на стихийное формирование механизмов развития. Необходимо срочно найти или сформировать субъектов, которые взяли бы на себя эту функцию и смогли бы продуктивно ее реализовать.

Оперативно можно это сделать только на основе российских элит, которые находятся в атрофированном состоянии. Тем не менее, данный шанс единственный и реализовать его нужно.

Речь идет о создании Клуба стратегической элиты России (деловой, политической, культурной), который сам должен стать стратегическим субъектом, а также создать критическую массу для формирования различных типов стратегических субъектов в России и мировом сообществе. Президентом Клуба стратегической элиты (КСЭ) России может быть только Президент страны. Технологии работы КСЭ должны опираться на мировой опыт создания структур подобного рода, а также учитывать современную ситуацию и предложенную модель стратегических субъектов.

Такой подход позволит осуществить консолидацию всех структур общества, решит проблемы, которые сегодня в России кажутся неразрешимыми. Президент Российской Федерации, возглавив КСЭ, получит мощнейший механизм стратегического воздействия, при соответствующем использовании которого в качестве параллельного контура управления страной зможно в короткие сроки резко интенсифицировать борьбу с коррупцией, устранить угрозу терроризма, решить многие другие задачи.

В последние годы была предпринята попытка создания в регионах (а по большому счету и в стране в целом) параллельных контуров управления на основе Федеральных округов, однако, конструктивная с позиций управления идея не была в достаточной степени эффективно

реализована, поскольку «второй субъект» оказался также, как и «первый», элементом государственной машины. К сожалению, не были использованы благоприятные условия для «выращивания» в рамках Федеральных округов нового типа субъектов управления, что позволило бы сделать шаг к построению гражданского общества в России. Упущенные возможности еще можно реализовать на основе введения КСЭ в стратегические процессы управления.

Предлагаемая организационная схема вызовет противодействие со стороны коррумпированных элементов государственных структур. Поэтому без непосредственного руководства со стороны Президента Российской Федерации она в принципе нереализуема.

Для данного проекта потребуются создание новых высоких гуманитарных технологий организации совместной работы разного типа субъектов, в том числе с использованием новых информационных технологий [10]. Идеи создания таких технологий нами проработаны, в частности, в ходе проведения «Стратегических конгрессов». Эти разработки нужно положить в основу формирования новой «ниши» на мировом рынке высоких технологий.

Рефлексивный подход может быть использован как методологическая и методическая основа создания данного класса высоких гуманитарных технологий, организации междисциплинарных работ направленных на стабилизацию и развитие мирового сообщества на основе установления взаимопонимания и доверия всех видов субъектов, использования новых механизмов согласования их интересов, интеграции при сохранении самобытности и автономности.

Сегодня Россия имеет шанс стать мировым лидером в области разработки и использования рефлексивных технологий по следующим направлениям:

1) Установление взаимопонимания и доверия различных типов субъектов мирового сообщества (государств, этносов, сообществ, граждан и др.) с опорой на рефлексивные процессы.

2) Обоснование целей и задач стратегического управления и развития мирового сообщества с участием и учетом интересов разнообразных типов субъектов (государств, этносов, сообществ, граждан и др.).

3) Обеспечение защиты субъектов и отношений между субъектами (в частности, государствами) от скрытого вмешательства («рефлексивной блокады», «рефлексивного управления» и др.) социально деструктивных групп и организаций.

4) Разработка технологий «пробуждения» и поддержки рефлексии различных типов субъектов, в том числе граждан и населения планеты в целом, формирование рефлексивной культуры стратегических субъектов.

5) Разработка гуманитарных технологий информатизации общества (включая СМИ) на основе рефлексивного подхода.

6) Осуществление международной экспертизы (рефлексивного анализа) ситуаций, конфликтов, документов и др.

7) Координация международных работ в области разработки рефлексивных технологий.

Выход России из состояния «системной дезорганизации» связан с решением проблемы становления системы стратегических субъектов: общества в целом, государства, элит, различных сообществ, граждан. Сегодня в России имеются предпосылки для развертывания работы в этом направлении. Принципиально важно не допустить дисбаланса в становлении различных типов субъектов (государства, общественных образований, элит, граждан). В итоге Россия, встав на путь формирования системы стратегических субъектов, может стать создателем новых форм осознанной жизнедеятельности на планете.

Литература

1. Байер А. Почему они нас ненавидят? / Ведомости, 5 ноября 2001 г. С. 4.
2. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994. 109 с.
3. Емельянов Г.В., Лепский В.Е., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения информационно-психологической безопасности России // Информационное общество. 1999. № 3. С. 47-51.
4. Лепский В.Е. Технократический подход к информатизации общества – источник угроз национальной безопасности России // II Всероссийская научная конференция «Россия – XXI век». М. 1999. С. 143-147.
5. Лепский В.Е. Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний – стратегия оздоровления общества / Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний. М.: Институт психологии РАН. 1999. С. 6-23.
6. Лепский В.Е. Рефлексивный анализ политического PR в России: аспект построения гражданского общества / Рефлексивное управление. Сборник статей. Международный симпозиум 17-19 октября 2000 г., М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 169-179.
7. Лепский В.Е. Коллективный психотерапевт. Пробуждение рефлексии народа – основная задача российской интеллигенции / Независимая газета, 24 ноября 2000 г. С. 3.
8. Лепский В.Е. Глобальное информационное общество и информационная безопасность России: проблема становления стратегических субъектов. Материалы «круглого стола» (Москва, Институт Европы РАН, 21 марта 2001 г.) М. ИЕ РАН. С. 96-120.
9. Лепский В.Е. Гуманитарная парадигма внешней политики России в XXI веке / Информационная безопасность и внешняя политика России в XXI веке. – М.: МИД РФ. 2001. С. 82-88.
10. Лепский В.Е. Нужен ли России Институт человека? / Независимая газета, 23 апреля, 2002 г.
11. Лепский В.Е., Степанов А.М. Рефлексивное управление в тоталитарных сектах / Рефлексивное управление. Сборник статей. Международный симпозиум 17-19 октября 2000 г., М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. С. 51-60.

12. *Левефр В.А.* Конфликтующие структуры. М.: Сов.Радио, 1973. 154 с.
13. Окинавская Хартия Глобального Информационного Общества. 2000.
14. Проблемы информационно-психологической безопасности/Под ред. А.В.Брушлинского и В.Е.Лепского. – М.: Институт психологии РАН, 1996. 100 с.
15. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир / Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976. С. 253-381.
16. *Степин В.С.* Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации / Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 12-27.
17. *Lefebvre V.* Algebra of Conscience. Dordrecht/Boston/London.: Kluwer Academic Publ. – 2001.
18. *Parsons T.* Social System. Glencoe, 1952.
19. *Rapoport A.* Reflexion, Modeling, and Ethics / Wheeler, H. (Ed.): The Structure of Human Reflexion. NewYork: Peter Lang. 1990.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ И МОРАЛЬ¹

© В.А.Лефевр (США)

Калифорнийский университет, г. Ирвайн
профессор

Решение моральных проблем лежит вне сферы науки. Мнение ученого о том, что есть добро, а что есть зло, не более обоснованно, чем мнение любого другого человека. Можно даже сказать, что в силу глубокой сосредоточенности на предмете своих собственных исследований ученый, как правило, обладает недостаточным опытом личной вовлеченности в судьбы других людей, а это делает его моральные суждения иногда излишне прямолинейными. Неспособность ученого разрешать моральные коллизии не означает, однако, что он не способен, используя научный метод, понять более глубоко, чем другие люди, внутренние пружины решений принимаемых в условиях моральных дилемм. Знание этих пружин абсолютно необходимо любому современному политическому деятелю, от решений которого может зависеть судьба разумной жизни на нашей планете.

Исследования в области рефлексии уже позволили ответить на ряд важных вопросов, связанных с природой человеческой морали. Чтобы было ясно, о чем идет речь, я позволю себе начать с метафорической истории, которую я уже использовал в книге *Алгебра Совесть* для иллюстрации различий между двумя типами морали.

Представим себе игрушечный замок, в котором живет бумажный человек со своими друзьями. Внезапно, огнедышащий дракон «с человеческим лицом» появляется перед замком, грозя сжечь его вместе со всеми обитателями. Маленький бумажный человек бесстрашно выходит из замка, протягивая дракону руку дружбы и пытаясь пробудить в нем человеческие чувства. Дракон изрыгает пламя, и

¹ Пленарный доклад на Международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление» 8-10 октября 2001 г., Москва, Россия

человек превращается в горстку пепла. После этого дракон теряет к замку интерес и уходит.

Вообразим себе теперь, что через некоторое время тот же дракон подходит к другому замку, где живет другой бумажный человек со своими друзьями. Этот человек ведет себя иначе. Он выходит из замка с крохотной шпагой в руке, готовый, несмотря на различие сил, к смертельной схватке. Дракон опять изрыгает пламя, маленький человек гибнет в огне, после чего дракон уходит, не тронув замка. Каждый замок канонизирует своего героя.

Проходят столетия, жители замков обнаруживают существование друг друга и сразу же вступают в идеологическую конфронтацию. Жители первого замка считают своего человека истинным героем, а другого – слабым, потому что у него не хватило мужества выйти к дракону без оружия. Жители второго замка считают героем именно своего человека и полагают, что первый человек побоялся взять в руки шпагу и заискивал перед драконом.

Теперь спросим себя, кто из них прав, а кто ошибается? Мы видим, что нет никаких рациональных оснований отдать предпочтение одной из этих точек зрения, но принять их обе одновременно тоже нельзя. Находясь в рамках науки, мы можем лишь зафиксировать существование двух различных нормативных образцов героического поведения.

В этой аллегорической истории отражен один факт, обнаруженный с помощью теоретической модели рефлексирующего субъекта. Существуют две различные этические системы. Герой первой из них склонен к жертвенному компромиссу, а герой второй к жертвенной борьбе. Помимо этого предсказания, модель дает достаточно подробную классификацию нормативных человеческих характеров в каждой этической системе и указывает на связь типа системы с нормативной оценкой комбинации добра и зла. В первой этической системе, в которой герой протягивает руку дружбы дракону «с человеческим лицом», соединение добра и зла оценивается как зло, т.е. ложка дегтя портит бочку меда. Во второй этической системе, в которой герой выходит к дракону со шпагой в руках, соединение добра и зла оценивается как добро, т.е. ложка меда облагораживает бочку дегтя.

Принадлежность данного общества к той или иной этической системе отражается в идеологических текстах, регулирующих моральную жизнь. Для первой системы характерен запрет зла, например: «не лги», для второй - призыв к добру: «будь правдив». Указанные черты этических систем, а также многие другие, более тонкие особенности были вскрыты только благодаря специальной теоретической модели, позволившей связать разнородные факты в единое целое.

Зададим теперь вопрос: почему политическому деятелю необходимо ясное понимание существования в мире двух различных этических систем? Ответ таков: Это нужно ему для правильного прогноза реакции общества с другой этической системой на его позицию и его действия. Зеркальная модель, т.е. априорное предположение, что он такой же, как я, может приводить к серьезным ошибкам при принятии стратегических решений.

Рассмотрим в этой связи то, что можно было бы назвать «парадоксом талибов».

Как известно, молодежная организация талибов возникла в лагерях афганских беженцев в Пакистане. Эти лагеря были созданы, в значительной степени, благодаря американской помощи. Считалось само собой разумеющимся, что талибы станут верными союзниками Соединенных Штатов. Это убеждение играло ключевую роль при подготовке стратегических решений, затрагивающих Центральную Азию. Антиамериканский поворот талибов стал полной неожиданностью для большинства политиков. Глубинная причина этого поворота состоит отнюдь не в специфике Ислама, а в том, что организация талибов, если рассматривать ее в качестве макро-субъекта, принадлежит ко второй этической системе. Любой компромисс такого макро-субъекта с другим макро-субъектом унижает его в собственных глазах, независимо от материальных благ, которые сулит этот компромисс.

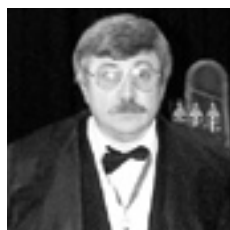
Мы видим, что неучет этической системы талибов привел к просчетам на стратегическом уровне. Этот урок необходимо помнить, разрабатывая стратегию борьбы с мировым терроризмом. Организации террористов являются макро-субъектами, не имеющими территориальной компактности, в отличие от таких макро-субъектов, как например государство. Это приведет к тому, что для борьбы с ними будут создаваться интернациональные антитеррористические организации, также не имеющие территориальной компактности и, следовательно, очень трудно контролируемые. Возникнет серьезная опасность перерождения антитеррористических организаций в террористические. Чтобы избежать этой опасности, борьбу с терроризмом надо строить на основе первой этической системы. Это труднейшая проблема, решить которую невозможно без участия профессионалов, изучающих рефлексию, мораль и поведение человека.

СТРАТАГЕМЫ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРАХ

© Б.И. Бирштейн (Канада), В.И. Боршевич (Молдова)

Борис Бирштейн
Доктор экономики и философии,
бизнесмен,
экономический советник
нескольких стран СНГ

Виктор Боршевич
Кишиневский муниципальный
университет,
ректор,
доктор технических наук

Все люди знают ту форму, посредством которой я победил, но никто не знает той формы, посредством которой я организовал победу... Когда формы нет, даже мудрец не сможет о чем-либо судить... У того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать. Тончайшее искусство!

Сунь-цзы (VI – V вв. до н.э.)

Творческая мысль носителей западноевропейской и дальневосточной культур в области стратагемного поведения и мышления развивалась в рамках различных концептуальных традиций, но в одном направлении, и к концу XX в. эти две линии развития пересеклись. Древняя линия развития дальневосточной традиции, ведущая свое начало от создателя «Дао-дэ цзина» Лао-цзы и гениального стратега Сунь-цзы (VI–V вв. до н.э.), пересеклась с линией европейской традиции в лице создателя концепции рефлексивности и рефлексивного управления В.Лефевра и его последователей, в первую очередь В.Лепского и его коллег.

По всей видимости, настало время совместного анализа и синтеза этих двух взаимно пересекающихся и взаимодополняющих друг друга традиций. В настоящей работе излагаются результаты исследований, полученные авторами с позиций междисциплинарного рефлексивного подхода, а также с позиций стратагемного анализа, сформировавшегося к настоящему времени в Китае и Японии, России, Германии и США.

Термин «стратагема» в западноевропейской традиции восходит к древним грекам, которые использовали его для обозначения военного дела вообще и военной хитрости в частности. Римский полководец Секст Юлий Фронтин создал в I в.н.э. капитальный труд *Stratagemata* (множественное число от *stratagema*), посвященный хитроумным стратегиям в военных конфликтах.

В средние века и в более позднее время термин «стратагема» стал приобретать все более широкий смысл. В знаменитом трактате Карманный оракул, европейском бестселлере XVII в., его автор, испанский иезуит Бальтасар Грасиан, использовал этот термин для обозначения феномена, связанного с использованием секретных и хитроумных уловок для завоевания положения, влияния и достижения целей в политических и социальных кругах. Впоследствии в западноевропейской культуре, особенно в англо- и франкоязычных странах, под стратагемами стали понимать разнообразные интриги, хитрости, уловки, обманые трюки, манипуляции близким и дальним окружением и т.д.

Но наиболее сильно стратагемная проблематика заинтересовала американских аналитиков и западноевропейцев в XX веке, когда носители западноевропейской цивилизации «лоб в лоб» сошлись с носителями дальневосточных культурных традиций на полях империалистических и экономических войн. Военные аналитики и военные, политологи и политики, экономисты и бизнесмены, культурологи и философы Запада столкнулись с необычным явлением, точнее культурным феноменом огромной значимости: с трудноуловимой, но отточенной веками системой информационно-психологического нападения и защиты, выматывания партнеров, малопонятной, но чрезвычайно эффективной методологией анализа и планирования деятельности, с ускользающими от ясного понимания мотивацией, логикой действий и даже этической системой, с тем, что в последствии получило название «японского менталитета», «китайщины», «азиатчины» и т.д. Несмотря на изучение классиков китайской философии и литературы, а также китайской и японской культур в «полевых условиях» – в социальной жизни, политике, экономике и образовании вышеназванный феномен продолжал ускользать из исследовательских сетей.

Ситуация несколько изменилась после выхода в 1988 году бестселлера швейцарского китаиста, антрополога и аналитика профессора

Харро фон Зенгера [1]. В письме автору канцлер ФРГ Гельмут Коль восторженно писал: «Эта книга вносит ценный вклад не только в углубление нашего понимания Китая; еще большее отношение стратегемы, столь наглядно проиллюстрированные Вами, имеют отношение к типам поведения общечеловеческого значения». Опытный и дальновидный политик, Коль уловил главное:

- без понимания особенностей стратегемного поведения и мышления носителей дальневосточной традиции невозможно глубокое постижение существования и развития столь могучей и экспансивной цивилизации;
- эти особенности имеют общечеловеческое значение, они могут и должны стать вкладом дальневосточной культуры в культуру универсальную.

Нельзя сказать, чтобы работе профессора Х. фон Зенгера принадлежал приоритет в исследовании стратегем и в стратегемном анализе – такого рода достижения присущи многочисленным авторам Старого и Нового Света. Однако именно он привлек внимание аналитиков и широкой общественности к значимости стратегемного поведения и мышления как системного и общекультурного явления.

В России анализ стратегемной мысли, как феномена дальневосточной культурной традиции, был заложен в 50-х годах в трудах академика Н.И.Конрада. Его переводы и особенно комментарии к древнекитайским трактатам Сунь-цзы и У-цзы [2] являют собой образец редчайшего проникновения в непривычный и исключительно сложный по своей психологической и ментальной специфике мир стратегемного мышления китайцев и их соседей по региону.

С появлением в свет основополагающих работ В.Левефра [3] и его единомышленников В.Лепского [4] и М.Ионова [5], посвященных проблемам рефлексивного управления, анализ стратегем приобрел новую методологию и теоретическое обоснование. Профессор В.Лепский определил стратегемы, приводимые в трудах М.Ионова (стратегемы «переодевания» и «изматывания»), как «техническое оформление приемов рефлексивного управления». Специалисты по стратегемному анализу с не меньшим основанием могли бы определить рефлексивное управление как важнейший элемент стратегического (стратегемного) информационно-психологического нападения и защиты. И в этом нет никакого противоречия, потому что эти области весьма сильно пересекаются.

Разнообразный арсенал приемов рефлексивного управления, как приемов планирования и инициации логической и психологической мотивации субъектов, вкупе с контролем и противодействием аналогичным атакам контрагентов получает при этом качественно новое

осмысление и развитие. Именно этим обусловлен широкий интерес психологов, политологов, социологов, менеджеров, военных и других специалистов и исследователей к рефлексивному подходу, который в настоящее время приобретает статус междисциплинарного.

Еще совсем недавно все выглядело иначе: работы этих ученых не только либо игнорировались, либо замалчивались, но и буквально подвергались остракизму. В.Лепский упоминает, что генерал М.Ионов вынужден был изымать целые главы из своей докторской диссертации, посвященные рефлексивному управлению, что военная цензура отвергала даже безобидный терминологический эквивалент – «управление противником» (введение которого можно квалифицировать как «стратагему Ионова» в борьбе с косностью и обскурантизмом издателей). Однако и в настоящее время недоброжелателями вырабатываются различные стратагемы «наведения тени на плетень» - от умаления приоритетных заслуг создателей теории и методологии рефлексивного подхода до обвинений его авторов в голом логицизме, в игнорировании психологических механизмов подсознания и т.д. Создается впечатление, что носители такого рода мнений либо не читали, либо не поняли, либо не захотели констатировать истинное содержание работ по рефлексивному управлению.

Но было бы совершенно неправильно свести такое неприятие и противодействие развитию стратагемных исследований и методологий рефлексивного управления исключительно к консерватизму наших издателей и косности научных школ - на Западе дела обстояли не лучшим образом.

Источник сопротивления находится в недрах западноевропейской культурной традиции с лежащими в ее основе христианскими запретами на всю область стратагемного поведения и мышления реального человека. Достаточно обратить внимание на автоматическое возникновение болезненного чувства неловкости, раздражения или возмущения, которые охватывают типичного европейца при восприятии им описаний или действий, связанных с секретными соглашениями, закулисными переговорами, сговорами и т.д.

Именно этим объясняется не угаснувшая до сих пор традиция неприятия стратагемных исследований – труды гениальнейшего Никколо Макиавелли самым натуральным образом сжигались на кострах инквизиции и нацизма, а такие «отпетые стратагемщики», как Бенито Муссолини, Адольф Гитлер и Иосиф Сталин изымали его труды из библиотек, прятали их в спецхраны либо уничтожали. Брат Бальтасар Грасиан, осмелившийся в своих трудах приоткрыть завесу над тайнами стратагемного поведения и мышления иезуитов, был сурово наказан отцами Ордена и лишен права на бумагу и чернила. «Мартиролог»

жертв такого рода преследований в ареале западноевропейской культуры неуклонно возрастал, но в XX веке Запад жестоко поплатился за это при столкновении с Востоком – тщательно спланированные по всем правилам дальневосточной стратегемике нападения, сначала на Порт-Артур, а затем на Пирл-Харбор и Сингапур, показали, сколь чревато игнорирование феномена стратегемности. И сейчас многие западные аналитики и политики вводятся в заблуждение элементарными стратегемами руководителей «Аль Кайды», талибов и моджахедов, но кроме грубой военной силы мало что способны им противопоставить. Китайцы, японцы и корейцы весьма толерантно относятся к подобным явлениям, и не потому, что они аморальны либо индифферентны (как раз подобного рода сообщения вызывают у них повышенный интерес), а потому, что их культура сформировала у них реалистический взгляд на вещи, особую систему политических, социальных и индивидуальных аттитюдов.

В современном гонконгском издании *Хитрость в бою – 36 стратегем* об этом сказано прямо: «Речи о человеколюбии и добродетели могут использоваться, чтобы добиться чего-то от других. Но нельзя дать провести себя с их помощью, по крайней мере, в сражении - физическом или духовном. Как говорят в народе, жизненный опыт - это вопрос образованности, а здравый смысл в обращении с людьми основывается на стратегемах». Предельно четко и ясно: «Богу – богово, кесарю – кесарево». Похоже, что и жители России и других стран бывшего социалистического «лагеря», прошедшие потрясающую школу политического обмана и фарисейства, коррупции и наглого разворовывания общественной собственности, стали приобретать стойкость к христианским прививкам, вызывающим острое неприятие суровой действительности и связанную с ним моральную депрессию.

Аналогично и параллельно непрерывному совершенствованию дальневосточных боевых искусств физического нападения и защиты в этом регионе развивалось и кристаллизовалось также и особое искусство нападения и защиты – информационно-психологическое. Искусство, ставшее феноменом и дальневосточной культуры, приобретая тем самым мировое значение.

Стратегемное поведение и мышление как особый феномен, порожденный в рамках той или иной культуры, характеризуется особым видением и чуткостью, реактивностью и активностью ее носителей, их направленностью на выживание и развитие в условиях, когда субъект деятельности обладает весьма ограниченными материальными, энергетическими и информационно-психологическими ресурсами; когда он вынужден существовать и действовать в условиях жесткой и, порой, жестокой социально-экономической конкуренции. «Каждый человек

стоит на линии фронта. Краткий миг рассеянности – и вот уже что-то принадлежащее одному человеку, становится добычей другого», – так характеризует тот же гонконгский источник такую среду. Там же сказано: «Стратагемы подобны невидимым ножам, которые спрятаны в человеческом мозгу, и сверкают только когда их вздумаешь применить. Применяют их военные, но также и политики, и купцы, и ученые. Тот, кто умеет применять стратагемы, может мгновенно превратить в хаос упорядоченный мир или упорядочить хаотический мир, может вызвать гром среди ясного неба, превратить бедность в богатство, презрение в почтение и безнадежную ситуацию в выигрышную».

В то время как схоласты христианской цивилизации растрачивали свои интеллектуальные ресурсы в абстрактных рассуждениях о теологии, онтологии и эпистемологии, мысли дальневосточных мудрецов концентрировались на проблемах, связанных с тем, что двигает людьми, что направляет их действия, с тем, какие механизмы могут обеспечить скрытое и эффективное управление индивидуальными и коллективными субъектами в целях либо защиты и нападения, либо стабилизации отношений обмена.

«Заманить противника выгодой, отвадить – вредом... Тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой... В войне устанавливаются на обмане, действуют, руководясь и руководя выгодой и вредом, производят изменения путем разделений и соединений... Когда соединяют выгоду и вред, усилия могут привести к результату... Подчиняют себе вредом, заставляют служить себе делом, заставляют устремляться выгодой... Мало сил у того, кто должен быть всюду наготове, много сил у того, кто вынуждает другого быть всюду наготове... Правильный бой и маневр рождает непобедимость... Правильный бой и маневр взаимно порождает друг друга и это подобно круговращению, которому нет конца... Все люди знают ту форму, посредством которой я победил, но никто не знает той формы, посредством которой я организовал победу... У воды нет неизменной формы. Кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями тот называется божеством... У того, кто умеет нападать, у того противник не знает где ему обороняться... У того, кто умеет обороняться, у того противник не знает, где ему нападать ... Если я покажу противнику какую-нибудь форму, которой не буду иметь, то я сохраню цельность, а противник ее потеряет...» Эти отрывки из мыслей великого стратега древности Сунь-цзы мы привели здесь для того, чтобы дать представление о стиле стратагемного мышления и поведения в дальневосточной традиции.

Обратим прежде всего внимание на диалектический системный характер этого типа мышления: то, что древние китайцы называют

«формой», соответствует нашим понятиям «организация», «система» вместе со всем комплексом сопровождающих их характеристик: целостностью - раздробленностью, постоянством - изменчивостью, устойчивостью - шаткостью, жизнеспособностью - эфемерностью, самоорганизацией - искусственностью и опорой на внешние ресурсы, наличием - отсутствием прямых и обратных связей, эволюционностью - катастрофичностью и т.д.

Еще одна комплементарная пара важнейших понятий для понимания дальневосточного подхода к анализу борьбы – «полнота» и «пустота». Это, в первом приближении, характеристика текущего состояния противоборствующих сторон, включая ресурсы организованного положения мощи, психологической настроенности, воли, информированности, ментальной силы, находчивости, инициативы. Более глубоко и общо - это характеристика наполненности «формы», ее динамический потенциал. Интересно привести здесь мнение еще одного стратега – императора Тай-цзуна: «Я читал всевозможные сочинения по военному искусству – ни одно из них не выходит за пределы Сунь-цзы». Во всех же 13 главах *Сунь-цзы* ничто не выходит за пределы учения о полноте и пустоте. А другой стратег Ли Вэй-Гун восклицает при этом: «Где им понять, что такое полнота и пустота, что пустота и есть полнота, а полнота и есть пустота?!»

«Тот, кто хорошо сражается, управляет противником и не дает ему управлять собой», – утверждает Сунь-цзы. «Все тысячи слов и десятки тысяч фраз не выходят за пределы этой фразы», – комментирует это утверждение другой великий стратег Вэй Ляо-цзы. Причем все комментаторы сходятся на том, что здесь идет речь об управлении превращениями «пустоты в полноту» у себя и «полноты в пустоту» у противника. В таком системном понимании борьбы и противостояния важны все доступные ресурсы управления: «выгода», «вред», «полнота», «пустота», «форма», знания и умения. Нужно научиться нападать и защищаться замыслом, планом, основанном на предвидении.

Высший класс победить - не сражаясь, используя чужие ресурсы и, прежде всего,.. ресурсы противника! Сбить его с Пути (Путь – Дао – центральное понятие древне-китайской философии), расстроить его установки, психический настрой, замыслы и планы, перестроить и перенацелить всю его деятельность, а если возможно – развалить его системную организацию и связность, вынудить все время не поспевать, промахиваться.

Но еще более высокий класс побед сформулирован танским императором Тай-цзуном: «Тот, кто умеет устранить бедствие, справляется с ним, когда оно еще не зародилось, тот кто умеет побеждать, побеждает противника, когда он еще не имеет формы» (!). То есть самая эффектив-

ная стратегия - это предвидеть и победить еще не сформировавшуюся, но потенциально уже существующую антисистему.

В свете такого подхода к оценке высшего класса побед диаметрально противоположной будет считаться «победа» того, кто сам, своими действиями ухитрился из союзника сделать себе врага (хотя последнее чаще всего происходит «само по себе» в силу объективной динамики отношений и логики столкновения интересов), т.е. создать себе проблему и с большими усилиями добиться ее разрешения.

Однако чаще всего борющийся субъект оказывается погруженным в ситуацию, где противостоящие ему системы уже сформированы, а ресурсов, достаточных для открытого противостояния, у него нет. И тут он должен помнить главное - то, что наиболее четко и лаконично выразил тот же Тай-цзун: «Противник и я... отдельно мы образуем два элемента. Но в наступлении и обороне мы с ним одно целое. И тот, кто это единство понял, может сто раз сразиться и сто раз победить».

Что же объединяет борющегося субъекта в конфликте с противостоящей ему антисистемой? Во-первых, общность и противонаправленность интересов. Во-вторых, поскольку эта система представлена коллективными либо индивидуальными субъектами, то, в соответствии с рефлексивным подходом, их объединяет еще одна надсистема – рефлексивная.

От ранга рефлексии представлений и ожиданий противоборствующих субъектов зависит очень многое! Основное потенциальное преимущество слабой стороны в конфликте может заключаться как раз в том, что на ранних стадиях конфликта (когда «форма еще не проявилась»), самоуверенная сильная сторона часто не утруждает себя вниманием к интересам, способностям, целям, ресурсам, «доктринам», планам, психологическим состояниям и психическим особенностям, представлениям и ожиданиям потенциального противника. Скорее всего, даже при неоднократных предупреждениях «третьих» сторон, сильная сторона с равнодушием или раздражением отмахнется от них, как от чего-то назойливого и неуместного, – 11 сентября 2001 года со всей наглядностью показало, насколько трагичным могут быть последствия такого отношения.

Как известно [3-5], рефлексивные отношения возникают в тот момент, когда кто-то из потенциальных противников, встав на соответствующую рефлексивную позицию, осознает наличие предконфликтного либо конфликтного отношения и пытается моделировать представления, интенции и ожидания контрагента. Более того, фокусируя свои ресурсы внимания на этом направлении, субъект не только получает информацию об этих представлениях, интенциях и ожиданиях, но и получает в качестве оснащения своей рефлексивной

позиции целый комплекс новых смыслообразующих средств. Иными словами, он начинает воспринимать, видеть вещи факты и события совсем по-другому.

В контексте китайской культурной традиции это свойство особого системного «рефлексивного видения» закреплено в одной из коротких притч философа Ле-цзы: «Пропал у человека топор. Подумал он на сына своего соседа и стал к нему приглядываться: ходит, как укравший топор, говорит, как укравший топор... Но вскоре человек стал вскапывать землю и нашел свой топор. На другой день снова посмотрел на сына своего соседа: ни жестом, ни движением не походил он на укравшего топор». Так образно и точно (не в пример нам, наследникам торжественного, занудного и туманного стиля философствования – наследия средневековых схоластов и немецких философов, за исключением Ницше) передано основное свойство «рефлексивного видения», четко проявляющегося при смене рефлексивных позиций.

Нетрудно представить себе, как субъект, «у которого украли топор», мог задуматься далее, по мере развития «высосанного из пальца» конфликта (но все же конфликта – обратим внимание на то, что объективных предпосылок для начинающегося конфликта вовсе не существовало; более того, данный конфликт в своей латентной фазе уже начинал развиваться в одностороннем порядке!) о том, что же думает соседский сын о нем самом, «обокраденном»: «Наверное, чувствует, что я догадываюсь о его поступке, наверное, догадывается, мерзавец, что я о нем думаю!» (Кстати, слово «чувствует» ясно выявляет роль рефлексивного подсознания).

В полиномиальной форме В.Левефра образовавшуюся рефлексивную систему такого типа можно записать так:

$$\Omega = T + T_y + T_{xy}, \quad (1)$$

где T – «тело», объективный состав ситуации, T_y – представление о нем, порожденное «видением» «обокраденного» субъекта Y , T_{xy} – представление о переживаниях соседского сына (субъект X), порожденное исключительно мнительностью и фантазией субъекта Y . Заметим, что прообраз T_{xy} , т.е. сам T_x – «взгляд» на эту ситуацию с позиции «неукравшего топор» субъекта X полностью отсутствует, он попросту ничего не «видит»! Более того, можно даже усомниться и в наличии самого «объективного состава» T , единственное, что нас удерживает от решающего шага – исключить член T из полинома – сам факт пропажи топора.

Так «из ничего» зарождаются конфликты, организующим началом которых служат исключительно рефлексивные процессы и системы, построенные на мнительности и недоверии. И не всегда они так счастливо заканчиваются, как в притче Ле-цзы. Не трудно себе представить,

что бы началось, если бы субъект, «у которого украли топор», объявил бы на всю деревню сына своего соседа вором.

Но вернемся к анализу стратагем с позиций рефлексивного подхода и рефлексивного управления. Прежде всего, отметим, что наибольшая часть из классического компендиума *Каталог 36 стратагем* содержит типологические паттерны (образцы) стратагем, многие из которых построены на основе рефлексивного управления, т.е. на передаче оснований противнику. Это такие основания, которые в силу определенной системной логики могут заставить его совершить действия, выгодные для управляющего субъекта и вредные для субъекта управляемого (мы рассматриваем здесь конфликт, как антагонистическую игру с неполной, асимметричной и субъективной информацией).

Рассмотрим для начала 7-й класс стратагем из этого каталога, представленный формулой «У чжун шэн ю» («Из недр небытия возникает бытие»).

Для того, чтобы раскрыть суть этой туманной и непонятной для западного человека (и совершенно понятной для образованного китайца, японца, корейца или вьетнамца) формулировки, необходимо обратиться к фундаментальному понятию дальневосточной философии – к понятию Дао (Пути). Раскроем трактат *Дао дэ цзин (Трактат о Пути и Потенции)* [6, 7]: «Тот, кто свободен от страстей, видит тайну Дао, а кто имеет страсти, видит только его форму... Бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга... Дао рождает, а Дэ (потенция) вскармливает, возвращает. Вещи оформляются, формы завершаются... Дао скрыто и не имеет формы, но только оно способно помочь и привести к совершенству... Кто узнает Дао, похож на темного, кто проникает в Дао, похож на отступающего, кто на высоте Дао, похож на заблуждающегося».

Прежде всего, заметим, что Дао – это не только Путь, как некая естественная траектория бытия, т.е. процесс в пространстве и во времени, это и генерирующее начало, некое семя развития этой траектории. К тому же актуализация и реализация этого развития зависит и от Дэ – некоей потенции, как организованного ресурса развития, причем: «Дэ появляется только после утраты (sic!) Дао». Здесь имеется в виду, что начальный, естественный, бесформенный и потому непознаваемый процесс «протобытия» заканчивается с того момента, как начинается искусственно регулируемый Дэ процесс формирования неоформленного – «Человек с низшим Дэ деятелен и его действия нарочиты... Вот почему Дэ появляется только после утраты Дао». И поэтому «тот, кто свободен от страстей, видит тайну Дао, а кто имеет страсти, видит только его форму». Говоря современным языком, только человек, находящийся в рефлексивной позиции отстраненного от про-

цесса действия «идеального наблюдателя», способен увидеть истинную суть вещей, проникнуть в нее и проникнуться ею. Человек же, находящийся только в позиции действующего субъекта, на это принципиально неспособен – его психика захвачена не только самим действием, но и этой самой рефлексивной позицией с ее специфической нацеленностью и смыслообразующими механизмами, и, главное, специальной автоматической блокировкой, резекцией любой информации, мешающей его непосредственной деятельности и потому воспринимаемой его психикой как «информационный шум».

Что касается названия 7-й стратегемы (класса стратегем) каталога, то ее специфическое название «Из недр небытия (бесформенного) возникает бытие (оформленное)» расширявается в свете рассматриваемой философской рефлексивной позиции следующим образом: творческая потенция (Дэ) взаимодействующих в конфликте субъектов должна вырабатывать такие формы воздействия на противника, которые бы заставляли его воспринимать отсутствующие в реальности формы (явления, события, процессы и т. д.) как элементы реальности, а реальные формы «сделать для него» невидимыми, либо видимыми в «освещении», исподволь обеспеченном нападающей (защищающейся) стороной.

Кстати, в дальневосточной традиции диалектика единства и различия сторон, участвующих во взаимодействии (кооперации или конфликте), дополняется не менее диалектичным пониманием терминов «защита» и «нападение» – еще раз процитируем Тай-цзуна: «Противник и я ... отдельно мы образуем два элемента. Если у меня удача, у него неудача, если у него удача – у меня неудача (антагонистический тип взаимодействия). Удача и неудача, успех или неуспех – в этом мы с ним различны. Но в наступлении и обороне мы с ним одно».

Добавим к этому тезис другого стратега, Ли Вэй-гуна: «Наступление есть механизм обороны, а оборона есть тактика наступления... Если, наступая, не уметь обороняться, а обороняясь, не уметь наступать, это значит не только считать наступление и оборону двумя разными вещами, но и видеть в них два различных действия. Такие люди языком могут сколько угодно твердить о Сунь-цзы и У-цзы, но умом не понимают их глубины». Ибо у Сунь-цзы сказано: «У того, кто умеет нападать, противник не знает, где ему обороняться; у того, кто умеет обороняться, противник не знает, где ему нападать. Тончайшее искусство! Нет даже формы, чтобы его изобразить. Божественное искусство! Нет даже слов, чтобы его выразить».

Здесь авторы должны на момент прервать изложение и спросить у читателя: положи руку на сердце, можем ли мы назвать в западноевропейской культуре что-нибудь подобное по мощи интеллектуального

прозрения и обобщения, а также по ясности понимания диалектики феномена противоборства, да еще в столь отдаленные от нас времена? И какая современная формальная система алгебры логики либо другого формального исчисления способна охватить и выразить своими средствами столь глубокое постижение феноменологии конфликта?

Итак, междисциплинарный анализ содержания класса стратагем # 7 *Каталога 36 стратагем* на основе рефлексивного подхода (как продукта западноевропейской культуры) и диалектического подхода дальневосточной культуры позволяет сделать следующие выводы:

– «конфликтующие субъекты» в конфликте образуют целостный, единый организм, объединенный не только пересекающимися и диаметрально противоположными (по направленности и целеустремленности) процессами физического взаимодействия, но и тем, что они связаны информационно-психологически в рамках единой системы рефлексивного взаимодействия;

– процессы нападения и защиты в конфликте, по сути дела, оказываются различающимися только по внешним признакам («у кого избыток, тот нападает, у кого недостаток – тот обороняется»); это две грани единого процесса-взаимодействия («наступление есть механизм обороны, оборона есть тактика наступления»);

– способность понять логику назревающего либо развивающегося конфликта (т.е. умение предвидеть еще не зародившиеся формы или хотя бы увидеть зародившееся, но еще не оформленное), равно как и способность избрать верную рефлексивную позицию и иметь развитые способности рефлексирования и смыслоуправливания рефлексивных процессов контрагента, во многом определяют шансы на успех конфликтующего субъекта;

– творческая потенция действующего субъекта должна вырабатывать (и тогда «из недр небытия возникает бытие»!) разнообразные формы воздействия на противника, «принуждающие» того «видеть» то, чего нет и не видеть то, что есть, либо видеть в другом «свете», т.е. то, что (с позиций действующего субъекта) формирует у противника мотивирующие основания для действий, направленных коллинеарно устремлениям действующего субъекта.

Последний пункт четко раскрывает основной механизм 7-й стратагемы – управление конфликтом через рефлексивное управление противником.

Рассмотрим 16-й класс стратагем *Каталога*, обозначенный кодовой сентенцией «Юй цинь гу цзун» («То, что хочешь схватить, сначала отпусти»). В китайской традиции стратагемных исследований часто подчеркивается, как важно не упустить момент, когда можно превратить «вред в выгоду» и «выгоду во вред».

В связи с этим академик Н.И. Конрад в своих комментариях к трактату Сунь-цзы [2] отмечает: «Допустим, что ты знаешь, что существует такое понятие, как «выгода» и понимаешь его значение. Но что тебе дает это знание практически, т.е. при руководстве людьми без понимания природы явления, в котором эта выгода заложена, т.е. без понимания самого явления, из которого может быть извлечена выгода? А природа этого явления – «изменения». Поэтому только проникновение в тайну изменения (и превращения), обеспечивает правильное понимание и учет выгоды а, следовательно, в дальнейшем и умение пользоваться людьми». Далее он цитирует средневекового стратега Чжан Юя: «Когда умный человек размышляет, даже пребывая в выгодной позиции, все равно он непременно думает о том, что может принести ему вред; пусть он и пребывает в невыгодной позиции – все равно он непременно думает о том, что может принести ему выгоду, это означает проникновение в превращения».

Японский специалист по стратегическим исследованиям Сорай по поводу самого феномена «момент» говорит следующее: «То что до сих пор было полным, вдруг превращается в пустое, а то, что до сих пор было пустым, вдруг превращается в полное...В этот промежуток, который отделяет изменения полного и пустого, нельзя просунуть и волосок...Нет постоянной полноты и пустоты. Поэтому Ши Цзы мэй заметил по этому поводу: на войне побеждают моментом».

Однако пассивно ожидать подходящего момента для нападения опасно и этот момент приходится создавать самому. Поэтому в «нападении замыслом», «нападении планом», «нападении умом», составляющими суть стратегического нападения и защиты, важную роль играют стратегемы организации и управления «моментом».

Стратегема # 16, выраженная в сентенциях типа «Отдай, чтобы получить», «отпусти, чтобы схватить», сродни, по-видимому, более общему принципу восточных единоборств: «Поддайся и победи!» И здесь можно четко выделить аспект рефлексивного управления в расширенном толковании как управления изменениями и превращениями «пустоты в полноту, а полноты – в пустоту», с тем, чтобы в нужный «момент», а именно: в момент превращения, ударить по системе защиты и нападения противника. Это, по сути дела, стратегема обмена: отдача видимого преимущества дает возможность получить преимущество существовавшее, но не видимое противником.

Например, постоянное отступление и сдача Москвы фельдмаршалом Кутузовым завели такого проницательного полководца как Наполеон в бедственное положение, которое в конечном итоге привело его к сокрушительному поражению, а в последствии – к пленению и заточению на острове св. Елены. Оперативные органы часто прибегают

к стратегаеме отпуска арестованных представителей организованной преступности, чтобы через них выйти на руководство организации, а затем неожиданными действиями захватить ее главарей и исполнителей. Шахматисты часто сдают отдельные фигуры (а иногда даже и жертвуют ферзя), чтобы достичь решающего позиционного преимущества и т.д.

Во всех этих случаях рефлексивное управление строится на том, чтобы вызвать изменения, превращающие ситуацию из проигрышной в выигрышную за счет «жертв» (которые рефлексиируются противником как «промахи», «зевки», «неудачи»), которые на самом деле являются тем, что в терминах дальневосточной культуры стратегемного поведения и мышления соответствует принципу «отдай, чтобы схватить», «поддайся и победи».

Главное – чтобы противник не увидел «того, что стоит за этим», и важно, чтобы верно «отрефлексировать рефлексиию» противника, а противник не отрефлексировал, не увидел, не понял сути исходного замысла. В противном случае, т.е. в случае провала замысла, противник может перейти к тому, что можно назвать «обращением стратегаемы» – приняв вашу «жертву», инсценировать «зевок» и поймать вас же на вашу же уловку. Например, преследуя отступающие части, симулировать отрыв «зарвавшейся» группировки – и когда она будет окружена, взять окружившие войска в клещи устроить им «двойной котел».

Если перейти к описанию такого рода сценариев, в которых используются подобные рефлексивные стратегаемы, то на языке полиномов В.Левефра они будут выглядеть так:

Первый сценарий:

1. Субъект X планирует ситуацию T , связанную с предоставлением «жертвы», в том виде, в каком она ему представляется: T_x^π , а также планирует ее представление субъектом Y : T_{yx}^π заодно с планируемым решением этого субъекта R_{yx}^π , а затем реализует ее в форме $T(y)$.

2. В результате происходят превращения:

$$T_x^\pi \mapsto T_{(x)}, T_{yx}^\pi \mapsto T_{y(x)}, R_{yx}^\pi \mapsto R_{y(x)},$$

которые позволяют построить рефлексивный полином вида

$$\begin{aligned} \Omega &= T_{(x)} + T_{y(x)} + R_{y(x)} + (T_{(x)} + T_{y(x)} + R_{y(x)})x = \\ &= T_{(x)} + T_{y(x)} + R_{y(x)} + T_{(x)x} + T_{y(x)x} + R_{y(x)x} \end{aligned} \quad (2)$$

где $T_{(x)}$ – ситуация, полученная в результате планирования; $T_{y(x)}$ – картина реализованной ситуации с позиций субъекта Y , находящегося под управлением субъекта X ; $R_{y(x)}$ – решение, принятое субъектом Y исходя из $T_{y(x)}$; $T_{y(x)x}$ – осознание $T_{y(x)}$ с позиций управляющего субъекта X . Если члены полинома Ω соответствуют планируемому, т.е. $T_{(x)} = T_{(x)}^\pi$, $T_{y(x)} = T_{y(x)}^\pi$, $R_{y(x)} = R_{y(x)}^\pi$, тогда стратегема, как план осуществляющего реф-

лексивное управление субъекта X , удалась. Запись $T_{y(x)}$, $R_{y(x)}$ указывает на то, что субъект Y , находясь под управлением субъекта X , ничего об этом не подозревает (ибо в цепочке индексов $y(x)$ слева от y индекс x не присутствует). Получаем соответствующий рефлексивный полином в виде:

$$\begin{aligned} \Omega &= T_{(x)}^{\pi} + T_{y(x)}^{\pi} + R_{y(x)}^{\pi} + (T_{(x)}^{\pi} + T_{y(x)}^{\pi} + R_{y(x)}^{\pi})x = \\ &= T_{(x)}^{\pi} + T_{y(x)}^{\pi} + R_{y(x)}^{\pi} + T_{x(x)}^{\pi} + T_{y(x)x}^{\pi} + R_{y(x)x}^{\pi}, \end{aligned} \quad (3)$$

где «все идет по плану» субъекта X : ситуация предоставления жертвы X реализована ($T_{(x)}^{\pi}$), он это осознает ($T_{x(x)}^{\pi}$), субъект Y , находящийся под управлением воспринимает все «как надо», не подозревая о причастности к этому планов управляющего субъекта ($T_{y(x)}^{\pi}$), он вырабатывает «логичное» решение ($R_{y(x)}^{\pi}$) и все это верно осознается управляющим субъектом ($T_{y(x)x}^{\pi}$ и $R_{y(x)x}^{\pi}$).

Однако возможен и другой сценарий: стратегема рефлексивного управления завершается провалом. В этом случае рефлексивный полином приобретает совсем другой вид:

$$\Omega = T_{(x)}^{\pi} + T_{(x)y}^{\pi} + T_{(x)x}^{\pi} + T_{y(x)x}^{\pi} + R_{y(x)x}^{\pi} + T_{(x)xy}^{\pi} + T_{y(x)xy}^{\pi} + R_{y(x)xy}^{\pi} + R_y, \quad (4)$$

где $T_{(x)y}^{\pi}$ означает, что субъекту Y стало понятно, что видимая им «жертва» суть уловка субъекта X , члены $T_{(x)x}^{\pi}$, $T_{y(x)x}^{\pi}$ и $R_{y(x)x}^{\pi}$ означают, что субъект X по-прежнему считает, что субъект Y ничего не подозревает и ведет себя «согласно плану», члены $T_{(x)xy}^{\pi}$, $T_{y(x)xy}^{\pi}$ и $R_{y(x)xy}^{\pi}$ означают, что это известно субъекту Y (т.е. то, что субъект X не осознал еще провала управления), а R_y есть обозначение решения, усматриваемого субъектом Y в данной ситуации. Интересно, что члены $T_{y(x)x}^{\pi}$ и $R_{y(x)x}^{\pi}$ не имеют прообразов $T_{y(x)}^{\pi}$ и $R_{y(x)}^{\pi}$. Это свидетельствует об их иллюзорности, тогда как все члены с крайним правым индексом y имеют прообразы в составе полинома Ω , что демонстрирует ясную и полную информированность субъекта Y об истинном положении дел.

Анализ остальных стратегем *Каталога 36* стратегем показывает, что почти во всех стратегемах присутствуют элементы рефлексивного управления «превращениями пустоты в полноту» посредством влияния на рефлексивные процессы противника: коллективный ум мудрецов, аналитиков и философов древнего Китая во многом предвосхитил позднейшие разработки западноевропейских исследователей.

Однако просто взять и заявить: эти великие умы человечества, выросшие в среде тончайших технологий конфликта, – только предтечи системного анализа и рефлексивного подхода к управлению, было бы не только неверно, но и отдавало бы зазнайством, порожденным западноевропейской традицией отношения к восточному типу мышления (и здесь авторы честно раскрывают интенцию своей первоначальной

исследовательской установки). Дело обстоит гораздо сложнее. Объединив исследовательские рефлексивные позиции Запада и Востока, мы приходим к выводу: положение Сепира-Уорфа [8] о том, что языки цивилизаций отражают не только коммуникативные, но и аналитические аспекты мышления их носителей, есть не просто гипотеза, а важнейший методологический принцип. Принцип, позволяющий проникнуть в тайны и специфику другого способа видеть и фиксировать явления внешнего и внутреннего мира людей.

Где европейский взгляд фиксирует системные прямые и обратные связи, свойства и отношения как сформировавшиеся в действительности либо присутствующие в оформленном виде в планах действующих субъектов, там дальневосточный взгляд усматривает прежде всего зарождающиеся, развивающиеся и, главное, изменяющиеся формы и процессы превращения форм. Об этом убедительно свидетельствуют сами средства языковой фиксации – «Дао» (путь), «Дэ» (потенция), «превращение непроявленного в проявленное», «полнота и пустота», «момент, когда можно управлять превращением», «способ управления превращением», «превращение пустоты в полноту», «превращение слабости в силу, а силы – в слабость», «превращение знания в незнание, а незнания в знание» и т.д. А также весьма высокая частота (характеризующая мощный диалектический стиль мышления) употребления связок и фраз типа «нападение есть механизм защиты, а защита есть тактика нападения», «проявленное заключается в непроявленном, а непроявленное содержится в проявленном», «во всякой выгоде заключен вред, во всяком вреде заключена выгода», «удача и неудача, успех или неуспех – в этом мы с ним различны, но в наступлении и обороне мы с ним одно» и др.

В связи с этим авторам настоящего исследования хочется высказать одну «крамольную» мысль, некое «дополнение к гипотезе Сепира-Уорфа»: письменные, графические формы языка во многом определяют стиль и логику мышления его носителей. В частности, специфическая диалектика дальневосточного мышления, характеризующаяся определенной «подстановочной» симметрией смыслов (см., например, выражение «проявленное заключается в непроявленном, а непроявленное – в проявленном») во многом определяется аналитической структурой древнекитайского языка (вэньянь) и особенно исключительно лаконичной, до предела сжатой символической, идеографической структурой иероглифического письма. По сути дела, выражения такого сорта в китайском письменном исполнении выглядят как алгебраические симметричные формы (формулы). Таким образом, сама графика подталкивает пишущего (и мыслящего!) на вэньяне к развитию смыслов, зафиксированных в иероглифических формах, посредством

формообразующих законов симметрии (имманентно присущих этой системе формообразования), чтобы получать и анализировать новые лингвистические формы, отражающие совершенно неожиданные и часто совершенно адекватные реальности смыслы.

В отличие от идеографической системы письма древних китайцев европейская фонетическая система письма, идущая от древних финикийцев, менее аналитична и более «хаотична», что затрудняет ее пользователям усматривать непосредственно в письменных текстах элементы формальной и смысловой симметрии. В этом случае совершенно по-разному организуется и активизируется работа левого и правого полушарий мозга!

Все это свидетельствует о необходимости проявить гораздо большее внимание к изучению дальневосточной традиции мышления и практической деятельности, к усвоению ее культурных завоеваний, особенно в области стратегемного поведения и мышления.

Заметим, что в этом контексте анализ Каталога 36 стратегем с позиций рефлексивного управления по ходу исследования исподволь начинает превращаться в анализ принципов и методов рефлексивного управления с позиций дальневосточной культурной традиции. Такова естественная диалектика развития отношений между объектом исследования и средствами исследования: от рефлексивного управления как передачи оснований противнику для принятия им выгодных для нас и вредных для него решений (логический по своей сути подход) либо передачи самих решений (подсказка) мы приходим к осознанию того, что рефлексивное управление может пониматься как специфическое информационно-психологическое управление зарождением и превращением смыслов, решений, интенций, целей, ценностей, образов мышления и психологических состояний противника. Такое управление включает превращение его рефлексивных позиций, рефлексивного видения и слепоты; короче говоря, – это управление превращениями всей базовой рефлексивно-психологической системы конфликта как целостного зарождающегося, развивающегося либо стагнирующего и погибающего организма. Если внимательно изучить стратегемы Каталога, то можно увидеть, что для такого расширительного толкования рефлексивного управления есть все основания. Ведь еще Сунь-цзы сказал: «Речь идет о том, чтобы управлять изменениями и превращениями и действовать ими, сообразуясь с противником».

Феномен стратегемного поведения и мышления людей, выработанный в недрах различных по своему ментальному типу цивилизаций, быстро развивается и эволюционирует в эпоху информационно-психологических технологий. И таинственные нити стратегем продолжают прорастать, обволакивая пространства стран и континентов, в

условиях обостряющейся борьбы за материальные, энергетические и идеологические ресурсы. Это мощное ментальное оружие в непрекращающейся борьбе человечества за выживание и развитие стоит по ту сторону добра и зла, одновременно, являясь грозным орудием.

Еще двадцать пять веков тому назад великий основатель науки о стратегемах Сунь-цзы предупреждал: «Гнев может опять превратиться в радость, злоба может опять превратиться в веселье, но погибшее государство снова не возродится, мертвые снова не воскреснут».

В этом высказывании, неожиданном в устах сурового воина и бесстрастного мыслителя, высказывании, наполненном высочайшим гуманистическим звучанием, мы находим не только призыв к моральной ответственности всех тех, кто разрабатывает основы науки о стратегемах и применяет на практике ее положения и методы. В этом послании через века слышится призыв к необходимости овладевать этими знаниями для защиты человека и его культурного наследия.

Литература

1. *H. von Senger. Stratageme. Der erste Band der berühmten 36 Strategeme der Chinesen - lange als Geheimwissen gehütet, erstmals im Westen vorgestellt.* Scherz, Bern, 1988.
2. *Конрад Н.И. Избранные труды: синология.* Главная редакция восточной литературы, Москва, 1977. 622 с.
3. *Лефевр В.А. Конфликтующие структуры (издание третье),* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», М., 2000.
4. *Лепский В.Е. О видах рефлексивного управления / Материалы 4-го Всесоюзного съезда общества психологов.* Тбилиси, Мецниереба, 1971. С. 371 - 372.
5. *Ионов М.Д. Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика. Спец. выпуск «Рефлексивные процессы»,* № 1, 1994. С. 37-45.
6. *Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах, Т. 1.* М.: Мысль, М., 1972.
7. *Антология даоской философии.* М.: Товарищество «Клышников - Комаров и К⁰», 1994.
8. *Whorf B.L. Language, Thought and Reality, Selected Writings,* Massachusetts Institute of Technology, 1957.

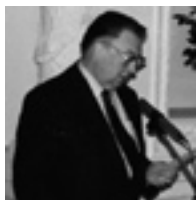
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ РЕФЛЕКСИВНЫХ СУБЪЕКТОВ

Материалы Круглого стола

Ведущий В.Е.Ленский

III Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление» проходил 8-10 октября 2001 г. в Москве. Он был организован Институтом психологии РАН (лаборатория психологии рефлексивных процессов) при содействии Дипломатической академии МИД России и с участием ученых из ведущих отечественных и зарубежных научных центров. На нем освещались в междисциплинарном ключе проблемы принятия управленческих решений в усложняющихся ситуациях, обсуждались перспективы интенсификации рефлексивных процессов в политике и экономике, предлагались меры по укреплению информационной безопасности. Продолжалось обсуждение общеметодологических вопросов, связанных с дальнейшей разработкой соотношения рефлексии и субъектности, многоуровневой и качественно новой связи между феноменами рефлексии и синергетики с опорой на математическое моделирование, математическую психологию и схемы рефлексивного выбора. Особый интерес вызвал Круглый стол, фактически выразивший в концентрированном виде все богатство тематики симпозиума. В центре внимания выступающих была проблема борьбы с терроризмом, которая оказалась неразрывно связанной с проблемой становления рефлексивных субъектов.

Фокин Ю.Е.

Ректор Дипломатической академии МИД России

Трагические события в США и их последствия пробуждают рефлексию мирового сообщества, заставляют задуматься над тем, что мир стал заложником новых угроз и рисков. Необходим поиск новых концептуальных основ организации самой жизнедеятельности такого субъекта как человечество на планете Земля.

Хочу подчеркнуть значимость потенциала теории рефлексивных процессов для практики принятия дипломатических решений.

Наша Академия интенсифицирует контакты с институтами РАН для научного обеспечения инициатив, направленных на решение стратегических проблем развития России и установление доброжелательных отношений между государствами и народами. Актуальна и разрабатываемая совместно проблема поиска новых подходов к исследованию социальных систем с учетом их субъектных внутренних миров, что также составляет предмет рефлексивных исследований. Если в рамках естественнонаучного подхода мы ограничиваемся изучением реальности, то при рефлексивном интересуемся всей системой многократных отражений этой реальности, что присуще только субъекту. Роль субъекта при этом могут выполнять отдельные люди, группы, организации и целые страны, все человечество. Поэтому столь важно собрать ученых и практиков за междисциплинарным столом и обсудить потенциал рефлексивного подхода в самых различных сферах социальной жизни, постричь на его основе новые концепции управления.

Прангишвили И. В.

Институт проблем управления РАН, директор

Действительно, управленческие процессы сегодня отличаются особой сложностью, и потребность в использовании всего потенциала рефлексивного подхода в их обеспечении сомнений не вызывает. Поэтому возглавляемый мною Институт укрепляет контакты с другими Институтами РАН с целью углубленной проработки соответствующей проблематики. Мы постоянно участвуем в совместных семинарах и в чем-то выступаем «экспериментальной площадкой» для проверки действенности многих аспектов рефлексивных процессов в управлении.

Лепский В. Е.

Институт психологии РАН

Наш симпозиум и данный Круглый стол замышлялся примерно за год до трагедии 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, приведшей к многочисленным человеческим жертвам в зданиях, где рефлексивные процессы и рефлексивное управление (в сфере экономики и финансов) постоянно осуществлялись с особой интенсивностью.

Сама жизнь ставит как перед аналитиками рефлексивных процессов, так и практиками управления принципиально новые задачи уже не по выявлению и устранению угроз, а недопущению таковых путем модификации условий, приводящих к их возникновению. Такие зада-

чи актуализируют проблему становления рефлексивных субъектов – именно они, и только они, в состоянии принимать взвешенные и продуктивные решения в усложняющихся ситуациях. *

Лефевр В. А.

Калифорнийский университет, США

Добавлю, что это – решения, обоснованные этически. Конечно, многие проблемы морального характера лежат вне сферы науки. Но неспособность ученого разрешить моральные коллизии не означает, что он не должен использовать научные методы для изучения внутренних причин решения, в том числе этически детерминированного. *

Брушлинский А. В.

Институт психологии РАН

Проблема рефлексивных процессов является в научном плане многоаспектной, а поэтому поистине междисциплинарной. Новую и повышенную актуальность придают ей запросы практики, включая дипломатию. Ведь редко в какой области профессиональной деятельности можно обнаружить столь тонкий и потому прочный сплав двух психологических феноменов: рефлексии и интуиции. Отсюда растущий интерес со стороны дипломатов и специалистов в области международных отношений к новейшим разработкам в области психологии мышления и теории рефлексивных процессов. Свидетельство этому и наш Круглый стол, одна из задач которого пронзить светом рефлексивности трагические события в Нью-Йорке, предложить меры по предотвращению международного терроризма.

Следует также обогатить новыми оттенками феномен субъектности на уровне человечества в целом: интуиция подсказывает, что даже для его самосохранения необходима всесторонняя проработка параметров рефлексивного управления.

Акт в Нью-Йорке был спланирован с учетом многих условий его осуществления и предвидением широко идущего от него резонанса. Но внешне ставка была сделана на некоторые аффективные механизмы, присущие его исполнителям. Все это возлагает повышенную ответственность на психологов, которые должны выявлять весь комплекс причин и последствий протеррористического поведения, с особой тщательностью отслеживая роль в нем фактора рефлексивности.

Новые задачи появляются и в области дипломатии: потребность в быстрых и одновременно продуманных совместных решениях резко возрастает, им надо учиться. Соответственно возникает необходимость интенсивных разработок способов группового принятия решений и преодоления рисков непонимания. Определяется и перспектива новой

области исследований – моделирования условий недопущения кризисных ситуаций. В частности должны быть выработаны упреждающие стратегии предотвращения угроз со стороны террористов.

Все это, несомненно, связано с расширением и углублением теоретических разработок рефлексивных процессов. На прошлом семинаре я отмечал, что эти разработки должны осуществляться с учетом факторов интуиции и подсознательного в деятельности субъекта. Убежден, что их роль немалая, поскольку мышление – резервуар догадок и предвидений, которые и должны служить побуждением к построению рефлексивных моделей.

Конечно, вряд ли правомерно сводить рефлексию лишь к «расчету», а интуицию – только к «чутью», соотношение между ними куда сложнее. Но в самом грубом приближении такая аналогия возможна, и на данном Круглом столе хотелось бы предостеречь от недооценки роли «чутья» в дипломатической деятельности. Ведь оно – детектор неконструктивности угроз и одновременно платформа для сочетаемости разнородных факторов при выявлении причин непривычных действий и расчете их последствий. Пока, на мой взгляд, «чутью» – интуиции и подсознательному – в теории рефлексивных процессов уделяется недостаточное внимание.

Однако внушает оптимизм тот примечательный факт, что мы обсуждаем эти проблемы в междисциплинарной среде, в стенах, стимулирующих нас на серьезные постановки проблем международного масштаба.

Расторгуев С.П.

Институт психологии РАН

Об информационной безопасности страны и всего мира после 11 сентября 2001 г. уже нельзя говорить абстрактно. Но сегодня вполне ясно, что страшен не только сам по себе террористический акт. Страшны его мотивация, «методология» и «идеология». Страшна и та психологическая атмосфера, которая ему сопутствует. Да и предшествует – тоже, и глубинный анализ рефлексивных процессов может выявить некие тектонические сдвиги, делающие его возможным, а поэтому дающими весомый шанс к его предотвращению.

Сообщение о террористическом акте несет в себе явную угрозу благополучию и является инициатором дальнейших действий субъекта. Именно поэтому терроризм может рассматриваться как часть информационной операции, причем наиболее «грубая» ее часть. Любой теракт содержит в себе элемент универсального информационного воздействия, которое по существу своему не зависит от субъекта. Априори можно утверждать, что для любого субъекта осознание им сообщения об опасности породит практически однозначный резуль-

тат. При этом не требуется изучать противника, ибо на явную угрозу одинаково реагируют все информационные системы, способные к обучению.

Классическая форма теракта направлена на управление противником с целью получения желаемого результата, разворачивается по схеме: подготовка возможностей для реализации угрозы; оповещение об угрозе; реализация угрозы в случае невыполнения требований, а затем переход к начальному пункту. Информационная эпоха, а в частности, тенденции глобализации, породили новые формы терроризма. Суть одной из них в следующем: о теракте не предупреждается никто; проводится оценка, как теракт отразится на экономической, производственной, биржевой и другой деятельности в стране и в мире; в условиях монопольного знания осуществляются операции по покупке либо акций, либо недвижимости и т.п.; совершается террористический акт; извлекается коммерческая выгода, значительно превосходящая стоимость по подготовке и совершению теракта.

В последнем варианте, на первый взгляд, мы имеем обычную коммерческую операцию, которая стала возможной именно в условиях глобализации, т.е. при наличии общезначимой системы ценностей, единой для всех координатной оси в виде доллара. Но не только! Важно, что в основе успеха этой операции лежит знание будущего по классической схеме: «деньги - событие - деньги». Именно в глобальном и однонаправленном мире возникает реальная возможность прогнозировать будущее, а значит рассчитывать свои действия и предполагаемую выгоду. Многие пытаются определять заветное будущее, применяя пассивные методы прогнозирования: анализ, аналогия и т.п., в то время как *международный террористический акт – это активное управление будущим, которое становится реальностью в случае успеха террористической операции. Успех же в данном случае зависит не от сотни предприятий и правительств, а, всего-навсего, от профессионализма двух десятков рядовых исполнителей.*

Все террористические акции международного характера (последнего времени) имели четкую экономическую подоплеку (что лишний раз подтверждает их косвенную связь с общемировой тенденцией по глобализации в рамках так называемых «цивилизованных» государств):

1. Международный террористический акт США против Югославии обеспечил снижение «евро» по отношению к доллару (в данном случае имеет место классическая форма терроризма: угроза – оповещение – реализация);

2. Террористический удар по Нью-Йорку обесценил на какое-то время всю туристическую деятельность, парализовал транспорт и «опустил» доллар. Но здесь, кроме чисто экономической компоненты, не-

избежно сопровождающей событие такого масштаба, просматривался просчет будущего явно дальше одного хода противника. Исполнители направляли дальнейшие события в четко очерченное ими русло. Ими было не только учтено, но и спланировано поведение США после теракта. По логике великой страны, «которая превышает всего остального мира», признать, будто бы рядовые граждане, вооруженные ножами для резки картона и дипломами об окончании курсов пилотов, смогли уничтожить более шести тысяч человек, в принципе, не представляется возможным. Это значит признать свою полную несостоятельность как государства. Поэтому-то в качестве агрессоров, не рассматриваясь, полностью исключаются какие-то там «японские красные армии» или югославские мстители. Остаются только государства. Не может быть у слона противником Моська, даже если она пишется с большой буквы. И об этом буквально сразу оповестил мир президент США. Будущее для него стало практически однозначным.

11 сентября показало, что современная история, действительно, не стихийна. Она управляема. Этот вывод в свое время был научно обоснован Александром Зиновьевым. Но оказывается, чтобы управлять историей, совершенно не обязательно быть великой державой. Достаточно найти способ управлять великими державами. А это порой доступно даже группе людей с ножами для резки картона, и называется «международным терроризмом».

Лепский В.Е.: Действительно, пренебрежение информационной безопасностью неизбежно приведет человечество к катастрофе. Поэтому человечество должно стать субъектом своего развития, что в рассматриваемом аспекте значит обезопасить себя от деструктивной в психологическом, да и в биологическом плане информации, пробуждать рефлексию человечества для поиска новых форм жизнедеятельности.

Иващенко Г.В.

МГУ им. М.В.Ломоносова

Важным моментом, требующим фиксации в теории, является необходимость демаркации объективно безопасных условий от субъективного их восприятия, от представлений субъекта об условиях как безопасных (контролируемых им), а в действительности могущих вовсе не являться таковыми. Определение безопасности как состояния защищенности от совокупности угроз как раз и есть выражение подобных представлений.

Понимая это, некоторые исследователи вполне справедливо утверждают, что фетишизация угроз, акцентирование на них чрезмерного внимания делает нас заложниками этих угроз. Описание явлений в терминах «угроза», «вызов», «защищенность» – это, по сути, психологическое описание, выраженное в форме эмоциональной оценки

ощущение, восприятие субъектом условий его существования, условий его деятельности. В основе такого восприятия лежит, очевидно, некий страх перед самой действительностью. Восприятию, как и ощущению, выраженным в форме подобных «чувств-оценок», практически ничего нельзя рациональным образом противопоставить: субъект воспринимает ситуацию именно так – и все. При этом одни и те же условия различными субъектами могут восприниматься по-разному: одним – как угрозу, опасность, вызов, другим – как отсутствие таковых или как защищенность от них.

Поскольку, в действительности, безопасность есть условия существования субъекта, контролируемые им, постольку обеспечение безопасности – это процесс создания (получения, нахождения) таких условий, при которых реализовывались бы его интересы, осуществлялись поставленные им цели; конечным основанием данных условий являются его высшие ценности или, как говорил проф. В.Лефевр, ценности, связанные с природой человеческой морали.

Иными словами, *обеспечение безопасности есть процесс овладения субъектом необходимыми условиями собственного существования.* Это означает, что безопасность есть условия, в которых субъекты, как минимум, сохраняют и воспроизводят свои ценности.

Костин А.В.

Москва, Военный университет

Хочу поделиться своими мыслями о военном аспекте безопасности. Военная

политика государства включает такие компоненты как: совокупность идей и принципов; военно-политические решения и планы; военно-политическую деятельность.

Логика военно-политических конфликтов конца XX века такова, что, несмотря на наличие самой современной военной техники и оружия, победа в них во многом определяется информационными технологиями и деятельностью средств массовой информации. Свидетельства этому – «результаты» американской войны во Вьетнаме, боевых действий советских войск в Афганистане, российской военной группировки в Чечне, войны НАТО с Югославией.

Вместе с тем, военно-политическая практика давно использует направленное воздействие информации одного субъекта военно-политической деятельности на другого. Под направленной информацией, в данном случае, будем понимать достоверные сведения вместе с элементами дезинформации. В совокупности они подаются таким образом, чтобы заставить оппонента или противника, для которых они предназначены, предпринимать действия в желаемом направлении. Разумеется, подобная информация должна отвечать критериям точности, секретности, актуальности, конкретности, своевременности.

Если наша информация, будет являться основанием для принятия оппонентом или противником управленческих (в том числе и военно-политических) решений, то речь идет о рефлексивном управлении. Кроме этого оно позволяет на основе передачи сообщений противнику получать необходимую информацию о его намерениях, что особенно важно для прогнозирования военно-политических действий.

Как показали войны и военные конфликты последнего десятилетия, объектом направленной информации становятся не только субъекты военно-политической деятельности (правительства, армии), но и население воюющих стран. Им предусматривается достижение информационного доминирования в основных сферах жизнедеятельности государства: экономической, политической, психологической, религиозной, научно-производственной, военно-прикладной, в международных и международных отношениях. Так, одним из элементов военной стратегии НАТО является проведение психологических операций для формирования общественного мнения, давления на руководство «стран-изгоев» и достижения морально-психологической поддержки своих интересов в ходе военных и других акций против них.

В ходе исследований психологических аспектов «информационной войны» на Западе активно разрабатываются методы управления восприятием человека и общества в целом. Большое внимание уделяется моделированию сознания и мыслительной деятельности, способам суггестологического (мыслительного внушения на расстоянии – без слов и без погружения в гипнотический транс) и семантического (манипулирование смысловым значением языковых единиц и культурных явлений) воздействия.

Анисимов О.С.

*Российская академия государственной службы
при Президенте РФ*

Интуитивно очевидно, что человечество как стратегический субъект требует и новых стратегий самоопределения, которые, по своему содержанию, обращены к «движению» в мире глобальной деятельности, охватывающему универсум. И

здесь проявляется весомость одной установки: нельзя игнорировать или противостоять универсуму безнаказанно. Человечество и человек обладает способностью строить «миры», воздействовать на части универсума. Но при доминировании или хотя бы приоритете эгоцентризма вызывается реакция отторжения самого универсума в виде катастроф и угрозы самоуничтожения человечества. Современные стратегии, разрабатываемые в национальных рамках и считающиеся применимыми

глобально, как правило, носят эгоцентрический характер. Это проявляется, в частности, в стратегическом устремлении на расщепление и вытеснение России из числа перспективных игроков на мировой арене. Если внутри России «вытеснительный» подход уже преодолен, то западные игроки в явной или замаскированной форме его сохраняют в своих разработках, пользуясь временными деструктивными ситуациями и не придавая достойного внимания и значимости усилиям нового российского руководства. Следует целостно рассмотреть все аспекты стратегий самоопределения и выявлять дефекты, обусловленные наивной эгоцентричностью национальных элит, их узкой самоопределенностью, психологической зашоренностью. Это касается, прежде всего, форм работы стратегических консультантов, как правило игнорирующих как национальный опыт культуры мышления, так и специфику этнопсихологического бытия того или иного народа.

Чкуасели В.О.

Институт прокризисных исследований

Уже первые шаги становления человечества в целом и России в частности в качестве стратегических субъектов свидетельствуют: когда нет определенных планов на будущее, принципов действия в настоящем и идеалов, то они – как и отдельный человек! - находятся в состоянии бездумья. В таком случае на место мировоззрения и мироощущения, определяющих жизненные позиции и программы конструктивного поведения, приходят непредсказуемые порывы и действия. Именно поэтому необходимо информационно обеспеченное и психологически взвешенное нахождение оптимального устройства России, с учетом как ее самобытности, так и универсальности. В России всегда превалировала идея духовного общества с «чувственной» этикой, с приверженным традициям совокупной «русской души» национальным самосознанием. Сейчас формируется целенаправленная мотивация гражданского общества. Но как эта идея связана с феноменом соборности – если понимать последнюю как форму христианского жизнеустройства России. К сожалению, значимость «соборной психологии» до сих пор не осознается во всей своей полноте. А может примерить такую психологию на все человечество – конечно, с большими модификациями? Выдвинуть проект некой «душевной ноосферы»? События в Нью-Йорке побуждают мыслить в данном направлении весьма интенсивно.

Лепский В.Е.: Вопрос поставлен очень серьезный. Но мне хотелось бы сконцентрировать внимание выступающих на более приземленных проблемах. В частности поставить акцент на новых – в первую очередь рефлексивных – аспектах стратегического управления.

Кара-Мурза С.Г.

*Российский исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере
Министерства промышленности, науки и технологий РФ*

В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется и возникают разрывы непрерывности, рефлексивный аспект управления приобретает ключевое значение. Задержка с анализом предыдущих состояний и решений нередко становится фатальной, поскольку система проходит «точку невозврата» и процесс по плохой траектории становится необратимым.

В России после 1992 г. произошло разрушение или глубокая деградация всех инструментов управления. Можно, например, говорить об утрате управлением «системной памяти», наличие которой и делает возможной рефлексю. Конкретным проявлением служит утрата среднесрочной и краткосрочной исторической памяти как политической элитой, так и населением. В техническом плане это выражается, например, в ликвидации простейших контрольных инструментов рефлексии (отчетных докладов, контрольных цифр и др.), деградацией хранилищ материальных носителей памяти (архивов и библиотек), практической недоступности простейшей статистики. Восстановление даже этих элементарных условий для полнокровного рефлексивного управления – сложная и принципиальная задача.

Причины такого глубокого поражения подсистемы управления фундаментальны и находятся в синергическом взаимодействии. Имеет место сочетание политических и мировоззренческих факторов, которые отличали режим переходного периода после 1992 г. (точнее, после 1988 г. в СССР). Этот режим возник, действовал и сохранялся через погружение общества в состояние перехода «порядок - хаос», когда осуществлялись подрыв механизмов рефлексивного управления и изживание самой «культуры рефлексии».

Одним из видимых результатов этого воздействия на управляющую систему было поразительное изменение мышления кадров, в котором стали господствовать аутизм и гипостазирование. Под аутизмом здесь понимается склонность исключать из тех моделей реальности, которые кладутся в основу принимаемых решений, все «неприятные» факторы. Например, ожидается заметный экономический рост с одновременным прекращением бурения на нефть и газ, разбуханием внешнего долга и планами резкого увеличения экспорта нефти.

Гипостазирование – это придание статуса важных сущностей чисто формальным, идеологизированным второстепенным свойствам и отношениям. Например, недопущение «тоталитаризма» (в виде элементов планирования) признается более важным, нежели обеспечение выживания страны.

В условиях кризиса, когда динамика всех процессов резко изменяется и возникают разрывы непрерывности, рефлексивный аспект управления приобретает

Ситуация усугубляется вторичными факторами. Во-первых, объект управления резко изменился, так что рефлексивный аспект требует применения нового понятийного аппарата и даже новой системы мер, однако из-за длительного подавления рефлексивной действительности кадры управления новых инструментов не освоили. Во-вторых, на высших уровнях управления резко (и часто негласно) изменены целевые функции, что должно было бы повлечь к пересмотру всей системы ограничений. Но этого не произошло, разрушительные силы, ранее не игравшие существенной роли, оказались в сложившихся условиях «отвязанными». В третьих, даже фундаментальные процессы стали резко нелинейными и протекают в виде череды словом и переходов, а управление исходит из привычных линейных моделей.

Деградация рефлексивного управления наложилась на пороговое состояние страны в ее индустриальном развитии – плотность техногенных факторов достигла того критического уровня, за которым элементы техносферы могут быть сравнительно легко превращены в средства разрушения. Произошла инверсия отношения «затраты-эффективность» в доступе к новым средствам массового поражения, а мышление управленца не изменилось.

И нельзя не прийти к тревожному выводу: состояние системы управления в России ныне таково, что оно будит и актуализирует латентные опасности и выводит на уровень потенциально смертельных даже те из них, которые могут контролироваться с ничтожными затратами.

Райков А.Н.

Аналитическое агентство «Новые стратегии»

Хочу изложить наши совместные с В.Е.Лепским соображения относительно стратегического управления. Это управление в наиболее сконцентрированном виде, когда явно выделяются цели, формируются пути их достижения и создается механизм обеспечения их реализации. Цели могут иметь достаточно сложную многоуровневую структуру – от очень далеких, труднодостижимых до конкретных, количественных. А механизм включает как психологически-мотивационные моменты, так и информационно-технологические.

Стратегическое управление носит рефлексивный характер, поскольку чаще всего оно используется для того, чтобы разобраться в сегодняшнем дне, взглянув на него из гипотетического будущего. Рефлексия позволяет оценить сегодняшний день с позиции завтрашнего. Она помогает руководству и сотрудникам организации (органа власти, фирмы и др.) увидеть сегодняшнего себя в «зеркале завтрашнего».

Само по себе планирование и прогнозирование будущего – это проходящее и мало эффективное увлечение. Но оно является хорошим способом для решения насущных задач, если его использовать рефлексивно.

В процессах принятия стратегических решений присутствуют как рациональные (нормативные) элементы, так и субъективные (подсознательные, латентные) мотивы, на что указал в своем выступлении А.В.Брушлинский. Чего должно быть больше – зависит от ситуации.

Нормативными элементами больше занимаются кибернетики, математики, лингвисты, специалисты по интеллектуальным информационным технологиям, семиотике, герменевтике, теории катастроф – все, кто пытается процесс как-то вербализовать, наглядно представить, найти и применить формализуемые когнитивные закономерности. Для этого они используют весь арсенал средств и методов, например, таких как регрессионный анализ, решение некорректных задач в нечетких пространствах и многое др.

Свои мнения люди не всегда могут выразить, кое-что скрывают, не все понимают. Подсознательными мотивами принятия стратегических управленческих решений больше занимаются поэтому рефлексивные психологи, психоаналитики. Их задача – организовать работу коллектива так, чтобы ее результат был естественным плодом работы всей команды и каждый сотрудник был мотивирован на реализацию этого результата.

Князева Е.Н.

Москва, Институт философии РАН

Курдюмов С.П.

Москва, Институт прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН

Рефлексивное управление, судя по всему, должно учитывать собственную природу сложных нелинейных систем, т.е., по сути, быть искусством мягкого управления.

Потому что:

- 1) Будущее открыто и непредсказуемо, но не произвольно. Существуют спектры возможных будущих состояний, структур-аттракторов. Мягкие линии возможного будущего предполагают способы специального, мягкого управления.
- 2) Мягкое управление – это управление посредством «умных» и надлежащих воздействий. Слабые, но соответствующие, так называемые резонансные, влияния чрезвычайно эффективны. Они должны соответствовать внутренним тенденциям развития сложной системы. Искусство мягкого управления состоит в способах самоуправления и самоконтроля. Главная проблема заключается в том, как управлять, не управляя, как малым резонансным воздействием подтолкнуть систему на один из собственных и благоприятных для

субъекта путей развития, как обеспечить самоуправляемое и самоподдерживаемое развитие.

- 3) Некоторые человеческие действия обречены на провал, не приводят к успеху, поскольку не согласованы с внутренними тенденциями развития сложной системы. Возможные изменения собственных свойств этой системы могут привести к трансформации спектров структур-аттракторов, ее эволюции, наборов возможных путей в будущее.
- 4) Необходима определенная топология воздействия: управляющее воздействие должно быть не только энергетически, но топологически правильно организованным. Важна топологическая конфигурация, симметричная «архитектура» воздействия, а не его интенсивность. Резонансное влияние – это влияние пространственно распределенное. Это – определенный укол среды в надлежащих местах и в определенное время.
- 5) Синергетика показывает, как можно многократно сократить время и требуемые усилия и генерировать, посредством резонансного влияния, желаемые и – что не менее важно – реализуемые структуры в сложной системе.

Малинецкий Г.Г.

*Институт прикладной математики
им. М.В. Келдыша РАН*

В настоящее время происходит возрождение интереса к рефлексивным процессам. Это связано прежде всего с новыми технологиями манипулирования массовым сознанием, кризисными явлениями в социально-психологической сфере, с переходом от hi-tech к hi-hume. Можно сказать, что удельный вес «виртуальной реальности» в массовом и индивидуальном сознании растет. Пространство смыслов, ценностей, ожиданий становится новой ареной противоборства игроков на политической сцене. С этим пространством связаны и основные угрозы, и основные надежды наступившего века.

В массовом сознании рефлексологов живет иллюзия, что математическая формализация этих представлений практически целиком связана с логико-вероятностными моделями, предложенными Владимиром Лефевром, с «алгеброй совести». Я же хочу обратить внимание на ряд новых задач, возникших в связи с проблемами рефлексивного управления, и на математический аппарат, которые здесь могли бы эффективно использоваться. С его помощью нам удастся оценить оптимальную глубину памяти и число тех образцов, исходя из которых разумно строить стратегию в изменяющейся среде. Этот подход свя-

зан с непосредственным применением представлений синергетики, концепции параметров порядка, статистического и динамического описания к ситуации выбора, в которую попадает общество. Можно обратить внимание на модели поляризации общественного мнения, обсуждаемые Г. Хакеном, и на представления «психологической синергетики», развивавшиеся В.Ю. Крыловым.

Ситуация здесь сродни явлению редукции в квантовой механике. Если до какого-то момента мы имели дело с вероятностями, то после процедуры наблюдения некоторые из переменных оказываются точно измеренными и это само по себе влияет на дальнейшую судьбу системы. В Институте прикладной математики разрабатываются также теории русел и джokerов. В их рамках удастся с единой точки зрения взглянуть и на эволюционные, регулярные периоды развития, и на переломные, кризисные. В регулярные периоды естественно поступить так: проанализировать возможные «нештатные» ситуации и наиболее разумные действия в случае кризиса, т.е. выполнить работу, которой должен заниматься, имея в виду вооруженную борьбу, генеральный штаб. Необходимость создания аналогичной структуры для управления риском природных и техногенных катастроф и бедствий, социальных нестабильностей давно и все еще безуспешно обосновывается МЧС России и Президиумом РАН. В концептуальном и методическом плане обеспечение такой структуры также связано с развитием и приложением теории рефлексивного управления. Это особенно ясно сейчас, когда действия небольшой группы лиц могут кардинально изменить историческую реальность, возможный набор стратегий и спектр наиболее важных угроз.

Синергетика и нелинейная динамика, на мой взгляд, могут сыграть в рефлексивном управлении не только роль поставщика аппарата, формализмов («математической мельницы»), но прежде всего роль «переводчика», связующего звена между теорией рефлексивности и множеством предметных областей.

Таран Т.А.
Киев, Национальный технический университет Украины «КПИ»

При рефлексивном управлении субъект подчиняется давлению извне независимо от своих желаний. Существенное значение при этом играет формирование завышенной самооценки, которая возникает, когда ожидания субъекта превосходят его желания, – доверчивость способствует успешности рефлексивного управления. Чем выше ожидания субъекта по отношению к внешнему миру, тем меньше у него свободы выбора, тем более он подвержен влияниям извне. В то же время ложная самооценка субъекта как «борца» с окружающей его действительностью также приводит к формированию

готовности подчиняться влияниям среды. Создание «нормативных образов» – еще один прием, способствующий успешному рефлексивному управлению. К нормативному поведению склонны люди с *заниженной самооценкой*.

Стремление к высшим этическим нормам ведет к совершенствованию личности и существенно затрудняет управление субъектом. Однако, если субъекту удастся навязать нормы, отличные от общепринятых (например, в тоталитарных системах), субъекты с заниженной самооценкой будут более подвержены влияниям внешней среды, – стремление к нормативному поведению приведет к выбору, имеющему наивысшую оценку на заданной ему шкале норм.

Смолян Г.Л.

Институт системного анализа РАН

Основные идеи и логика рефлексивного управления были впервые описаны в середине 60-х годов. В них рефлексия выступала в функции *осознания содержания* собственной активности и активности другого. Применительно к конфликту это функция взаимного отображения замыслов и действий противоборствующих сторон была представлена в развернутой форме, предусматривающей фиксацию главных переменных процесса принятия решений, которыми могли манипулировать конфликтующие стороны. К таким переменным, отображенным на «экране сознания» и участвующим в имитации рассуждения, были отнесены ситуация («планшет»), цель, и способ решения («доктрина»). Другими словами, смысл рефлексивного управления состоял в использовании возможностей субъекта «сознательно конструировать образы себя и других» (В.Лефевр).

Реализация развернутой формы рефлексии означала возможность воздействия не только на указанные выше обобщенные переменные, но и на другие составляющие процесса принятия решений: критерии оптимизации и выявленные альтернативы, источники информации о ситуации и противнике, оценку риска и даже на аналитические способности субъекта, возможности его обучения, среду его общения и др.

Спустя тридцать лет В.Лефевр и его американские коллеги обратили внимание на другую форму рефлексии как на процесс автоматической, *сознательно не контролируемой* генерации образов себя и других. Этот процесс, отличающийся от сознательного постижения себя и других, был назван *быстрой рефлексией*. Она может продуцировать поведение по схеме, по известным субъекту правилам или по привычке. Привычка есть более или менее самоподдерживающаяся склонность

или тенденция к следованию предустановленной или благоприобретенной форме поведения. Если правила усваиваются субъектами в основном сознательно, а следование правилам преднамеренно, то привычки проявляются самопроизвольно, они укоренены на подсознательном уровне. Но и правила и привычки ведут к одному и тому же выводу: в обстоятельствах X выполняется действие Y .

Природа поведения по схеме кроется в автоматическом (неосознаваемом) фиксировании и закреплении результата действия, неоднократно приводившего к успеху. Схема поведения запускается маломеняющимися (инвариантными) признаками конфликтной ситуации, усвоенными в опыте субъекта. Сознательно введя такой признак, мы можем легко спровоцировать действие по схеме (правилу, привычке).

В шахматах действия игрока, построенные по шаблону или в соответствии с привычкой действовать в типичной ситуации именно так, а не иначе, могут стать причиной поражения. Нередко такие действия инициируются противником.

Один из путей исследования процессов рефлексивного управления, опирающихся на функцию быстрой рефлексии, заключается в выявлении признаков ситуации, которые провоцируют поведение по схеме, правилам и привычкам. Исследовательская программа на этом пути может быть сколь угодно многоаспектной и сложной. Нетрудно построить экспериментальную ситуацию, например, запуска правдоподобных, но ложных слухов, наподобие газетной утки о скором запрещении хождения доллара в России, с целью спровоцировать определенные действия граждан (в постоянном конфликте граждане – власть). Однако здесь придется встретиться с проблемой границы моральной допустимости такого рода действий.

В реальном конфликте рефлексивное управление строится на основе обеих форм рефлексии. Весьма привлекательным может оказаться исследование взаимодействия развернутой и быстрой рефлексии, выявление ситуаций перехода от одной к другой.

Максимов В. И.

Институт проблем управления РАН

В результате систематического анализа проблемных ситуаций, проведенных совместно с З.К.Авдеевой, были выявлены «типичные структуры» – познавательные когнитивные модели подобных управленческих ситуаций в обобщенно компактном виде (когнитивные). Они определяют горизонты рефлексии проблемных ситуаций, от чего зависит эффективность управления их разрешением. Если иметь некоторый запас когнитивов

и удается их идентифицировать применительно к реальным жизненным ситуациям, то повышается возможность оперативно оценивать внешнюю и внутреннюю обстановку и быстро находить хорошее решение.

Видение проблем и способов их решения вырабатывается людьми самостоятельно, а также под воздействием других людей, формируемых ими в разное время идей, норм, традиций, опыта. *Кто ориентирует общество на видение проблем, тот им и управляет.* Интересы разных политических сил и их представления о желаемых вариантах развития событий не совпадают. Поэтому отдельные круги формируют собственные представления о том, что происходит и должно происходить – и тем самым влияют на ситуацию через распространение этого видения, направляя общественное восприятие проблемных ситуаций. При этом эти круги учитывают сложившиеся общественные когнитивы в своих интересах. Например, можно предугадать стратегические и тактические замыслы военных, если учесть заложенные в них «военной школой» схемы ведения боевых действий.

Общепринятые и авторитетные когнитивы делают субъектов управления уязвимыми для конкурентов, которые знают, как они работают. Часто мы принимаем на веру утверждения людей, которые считаются авторитетами или ищем подтверждения своего решения среди большинства окружающих, то есть изменяем субъективную картину мира, используя общепринятые когнитивы.

Таким образом, целью рефлексивного разрешения проблемной ситуации можно считать желаемое состояние общественной системы, отражающее волю управляющего системой субъекта и ожидания

Лепский В.Е.: После рассмотрения рефлексивных аспектов проблем управления предлагаю перейти к обсуждению места и роли рефлексивных процессов в политической деятельности, и здесь слово в первую очередь предоставляю гостям из дальнего и ближнего зарубежья.

Бирштейн Б.И.

Канада, доктор философии и экономики

Боршевич В.И.

Молдова, Кишиневский Муниципальный университет

Всплеск межэтнической напряженности в полиэтнических и поликультурных государствах и регионах – в Израиле (палестинская проблема), в Македонии

(проблема албанского меньшинства), в Молдове (приднестровская проблема), в России (события в Чечне), в Азербайджане (карабахский вопрос), в Индии (Кашмир), на Цейлоне («тигры» – тамилы) – ставит государственных деятелей, политиков, дипломатов, представителей международных организаций лицом к лицу с феноменами, относящи-

мися к традиционной сфере исследований этнопсихологов, социопсихологов, конфликтологов и представителей других наук, так или иначе связанных с изучением индивидуальных и коллективных субъектов.

Не будет преувеличением сказать, что распад таких государств, как СССР и Югославия, во многом был детерминирован элементарной этносоциальной и этнопсихологической безграмотностью правящих элит, их непосредственного окружения и особенно (как это ни прискорбно отметить) представителей средств массовой информации.

Жизнь убедительно показала, что такие «заумные» (с обывательской точки зрения) понятия как «межгрупповая дифференциация», «моноэтническая идентичность», «этнический статус», «когнитивные и афферентные процессы» и др. отнюдь не могут считаться лишь достоянием «высококолых» аналитиков и «теоретиков». Погромы, бомбежки, этнические «зачистки» мирного населения, потоки беженцев, разрушение памятников мировой культуры, развал национальных экономик – слишком большая цена за индифферентность, урезание субсидий и безответственное отношение к исследованиям и разработкам в науке о «человеке этническом».

Рефлексивный подход к анализу поведения и мышления людей является мощным концептуальным и методологическим инструментом познания и регулирования этносоциальных процессов. Незаслуженное его игнорирование не способствовало более глубокой разработке теоретической и практической базы для ранней диагностики, мониторинга и контроля социально-политических феноменов и конфликтов.

Бондаровская В., Сазонова Т.
Украина, Киев, Международный гуманитарный центр «Розрада»

Наш анализ предвыборной ситуации 2002 года в контексте развития массового политического сознания показал, что времена поверхностных избирательных кампаний, в которых реальное сознание рядового избирателя не принимается во внимание, проходят. Об этом говорят и результаты соответствующих социологических опросов. Так, например, на вопрос «В чем, по вашему мнению, состоит основной национальный интерес Украины?» 41% опрошенных ответили – в создании в Украине правового демократического государства, а на вопрос «Возможно ли вас заставить проголосовать на выборах за того политика или партию, за каких вы не хотите голосовать?» – 63% опрошенных ответили: «Нет, ни при каких обстоятельствах» (по материалам газеты «День»).

Нами были выделены следующие свойства рефлексивных процессов массового политического сознания перед выборами:

- Поскольку более правдивой и важной в переходной период выступала негативная информация, в массовом сознании сформировалась

быстрая реакция на нее; она вызывает поддержку во внутреннем мире рядового гражданина, лучше запоминается и ассоциируется с прошлым опытом.

- Позитив в массовом сознании отождествляется с утопией и несбыточной мечтой, а иногда вообще с неправдой; прослеживается еще один механизм – отдаление позитивных пропагандистских предложений от сознания населения.
- Зафиксирован завышенный интерес к вопросам более глобального характера в сравнении со своими личными потребностями и интересами. Так, фактор важности международных шагов Украины (ориентация на Запад, ориентация на Россию, вхождение в НАТО) выступали как более важные – 24,4 %, тогда как факторы, которые связаны с непосредственной жизнью и интересами граждан, выступают как менее важные (интересы каждого жителя, каждой семьи) – 2%.
- Обнаружены «рефлексивные качели», где на одной стороне находится массовое сознание граждан страны и работает рефлексивная реакция на созданные стимулы, а на другой – лидеры страны, которые создают политические программы.

В целом в украинском обществе доминирует «негативная рефлексия»; реакции на негатив действуют следующим образом «верю, потому что это страшно, больно, потому что это уже со мной было, моими родителями, отцами, страной, народом и поэтому это может снова повториться», и «позитивная рефлексия» на сегодня находится в более пассивном состоянии.

Лепский В.Е.: Рефлексивные процессы играют важнейшую роль и в современной экономике – это общепризнанно. Они лишний раз подчеркивают важность разработки экономической психологии, которую все активнее надо внедрять в практику обучения менеджменту.

Журавлев А.Л.
Москва, Институт психологии РАН

Потенциал рефлексивного подхода здесь задействован пока не в полной мере, включая изучение хозяйственного субъекта – индивидуального и группового, в том числе коллективного. Это правильно, и характеристиками такого субъекта могут быть названы, как минимум, следующие три: а) взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе (базовое качество совместности); б) способность группы проявлять различные формы совместной активности; в) способность группы к саморефлексии. В отличие от

первых двух групповая саморефлексия явно недостаточно изучена, поэтому значительно менее известна.

В настоящее время можно выделить несколько основных функций групповой саморефлексии.

Во-первых, это формирование в группе социального чувства «Мы», т.е. переживания членами группы своей принадлежности к ней, единства (процесса единения) со своей группой. Хорошо известно, что такое чувство возникает не сразу, а постепенно, в процессе включения личности в группу, одним из механизмов которого является групповая саморефлексия. Во-вторых, это формирование групповых социальных представлений о своей группе, ее когнитивных оценок, суждений, мнений и т.п., которые также требуют определенного времени. В-третьих, групповая саморефлексия настраивает членов группы на разные формы совместной активности, т.е. способствует формированию их психологической готовности к совместной активности, в целом, что наиболее важно в организации совместной деятельности группы, в частности. В-четвертых, групповая саморефлексия помогает членам группы всесторонне ориентироваться в социальной среде, в частности, оптимальнее адаптироваться к ней. Этому способствуют развиваемые групповой саморефлексией способности личности к более адекватным оценкам своей и чужих групп и социальному их сравнению.

Тягунов А.А.

*Тверской государственный
технический университет*

Анализ экономического поведения россиян в период проведения социально-экономических реформ показал, что фактическое пренебрежение субъектным подходом в управлении инвестиционными проектами и программами в пользу сугубо объектного становится неадекватным наличной социально-экономической реальности. Согласно объектному подходу, такое поведение населения должно удовлетворять условиям модели исключительно рационального человека, который как субъект инвестиционного рынка действует в соответствии с таинственными кривыми «спроса-предложения».

Субъектный, рефлексивный подход ориентирован на решение психосоциальных проблем в рамках любых экономических новаций и требует учета в прогнозировании инвестиционного поведения таких особенностей динамики менталитета россиян, как переход от чрезмерной доверчивости к легковерию и всеобщему недоверию.

В целом рефлексивная поддержка и управление при внедрении инвестиционных программ позволяет создать реальные предпосылки гуманизации деловой активности, прогнозировать социальные конфликты и тем самым решать вопросы экономической безопасности.

Евстифеева Е.А.

*Тверской государственный
технический университет*

Сегодня среди угроз экономической безопасности – снижение инвестиционной активности. Рост инвестиций, как известно, коррелирует с уровнем доверия к власти (государству, правительству и другим институциональным субъектам). В экономической практике ранжирование социально-экономической системы осуществляется с помощью индекса доверия, под которым понимается степень надежности институциональной среды. Доверие инвестора определяется и соблюдением принятых законов и правил государством или другой институцией.

Экономическое поведение в призме механизма доверия осмысливается как веровательная установка, ценностное измерение себя и Другого, ценностное отношение к себе и Другому, с учетом актуальной значимости Другого, его надежности, безопасности. Здесь имеется в виду нанесение ущерба, травмы друг другу в результате проявления доверия. Под ущербом может пониматься моральный, материальный, эмоциональный, экзистенциальный ущерб. Доверие всегда есть вера в Другого. Способность верить в Другого предполагает веру в себя, доверие к себе. Отношение к другому как к самому себе служит гарантом безопасности, способствует возникновению диалога, в том числе профессионального. Понимание того, что доверие – культурный феномен, также надо рефлексировать в пространстве экономических отношений.

Позняков В.П.

Институт психологии РАН

Внутри предпринимательской среды саморефлексия групповой принадлежности включает в себя, с одной стороны, выделение признаков, позволяющих обеспечить позитивную групповую идентичность («предприниматели – ведущая сила развития современного общества: это те, кто много работает, создает новые рабочие места, удовлетворяет потребности населения в товарах и услугах»). Предприниматели четко идентифицируют такие свои социально-психологические особенности, как энергичность, активность, опора на собственные силы, независимость и ответственность, уверенность в себе. В то же время, внутригрупповые отношения в самой предпринимательской среде характеризуются сравнительно низкой степенью взаимного доверия и взаимной помощи: внутри этой единой социальной общности каждый борется за себя в одиночку.

Психологическое сходство представителей предпринимательского слоя связано с фиксацией разобщенности в отношениях между ними. И здесь нередко проявляется кризис социальной идентичности: фактически имея статус предпринимателя и собственника, человек пси-

хологически не может принять и разделить ценности и нормы этой социальной группы, не чувствует себя в ней «своим».

Основаниями рефлексии предпринимателями своей групповой идентичности выступают, с одной стороны, социально-экономическая принадлежность (статус собственника средств производства, экономическая свобода и ответственность, работа на себя), а с другой – осознание психологического сходства представителей «своей» группы и различий от представителей «других» групп.

Реут Д.В.

*Москва, сетевой холдинг
"Креон"*

В связи с ростом информатизации общества коренным образом меняется соотношения значимостей внутренней структуры личности и структуры организаций, в которые эта личность включена. Личность все меньше зависит от внешних организаций. Пространство массовых коммуникаций становится основой инфраструктуры, опираясь на которую, личность получает доступ к ресурсам для воплощения все более широкого спектра своих замыслов. В результате меняется структура плацдарма, используемого личностью при рефлексивном анализе окружающей ситуации. Посредством информатизации человечество вступило на путь к пост-организационному обществу. На пути к рему меняется смысл, объем и значение самой категории УПРАВЛЕНИЕ. В развитом пост-организационном обществе управление утрачивает прежний смысл «игра в одни ворота», она замещается взаимной координацией по различным основаниям множества центров ответственности.

Лепский В.Е.: Что требует интенсификации рефлексивных процессов любого индивида, которому демонстрируется выбор из многих решений, а фактически навязывается безальтернативное поведение. В этом особо преуспевают некоторые средства массовой информации.

Матвеева Л.В.

МГУ им. М.В. Ломоносова

К сожалению, Вы правы. Под воздействием телевизионного потока информации происходит необратимое изменение картины мира человека. Смещаются акценты значимой и незначимой информации. Телевизионные компании, конструируя и модифицируя социальную реальность путем каждодневного ритмического создания виртуальных феноменов: стереотипов, установок, потребностей, отношений, стилей коммуникативных контактов, вносят в картину мира человека новое измерение – мнение подавляющего большинства социума.

Люди как правило неспособны рефлексировать данную составляющую коллективного сознания и начинают учитывать в своей каждодневной жизни мнение этого большинства.

Одной из серьезных задач в связи с этим – осмысление и социальное регулирование новых психологических реальностей, появившихся в результате бурного развития информационных и коммуникативных технологий. Можно выделить три таких вида: а) активность виртуальных «колдунов», создающих информационные яды, т.е. компьютерные вирусы, способные влиять не только на информационный продукт, но и на пользователя информационного продукта; б) деятельность хакеров – «пиратов» информационного пространства; в) завышенные притязания посредников и медиаторов информации – телеведущих, комментаторов, «политиков-телезвезд», для которых основным смыслом существования является манифестация себя в виртуальном пространстве и декларация определенных паттернов идей, отношений и установок (ярким примером существования такой отдельной роли в виртуальном пространстве являются фигуры С. Доренко и Е. Киселева).

Актуально поэтому описание особенностей виртуального информационного пространства и его взаимодействия с коллективным и индивидуальным сознанием членов общества. По своему происхождению такое пространство является результатом креативной деятельности человека и для поддержания своего существования требует творческой энергии интеллектуальной элиты общества. При этом оно характеризуется активностью, экспансивностью и технопсихизмом. Последствия взаимодействия активной информационной среды и социума будут зависеть от степени осмысления и прогнозирования тех процессов, которые могут происходить в результате таких взаимодействий.

Пронина Е.Е.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Новая массовая аудитория отличается от прежней толерантностью к неопределенности, антиномичностью мышления (способностью совмещать противоположные точки зрения), разрушением глобальности восприятия, наконец, внутренней неоднородностью. Это уже не поглощающая, а саморефлексирующая аудитория, которая осознает свои интересы, ценности и приоритеты, в состоянии различать пристрастность и целенаправленность информационного воздействия. Все очевидней становится ценность информации как таковой, независимо от сопровождающих её оценок и интерпретаций.

Многополярность мнений для современной аудитории – не столько самоценность, сколько одно из важнейших условий обеспечения необходимой полноты информации, ее разнообразия. К сожалению, сегодня позиции разных средств массовой коммуникации только выглядят

разными. Информация, даваемая ими – это фактически «одна на всех утечка информации», чего явно недостаточно. Например, до сих пор непонятно, что происходит с РАО ЕЭС, неясно, в чем именно будет состоять реформа образования и т.д. И беда не в том, что мало изданий, каналов, станций т.д. Беда в том, что слишком много одинаковых изданий, принадлежащих одному владельцу, одному лобби. Монополия на информацию – основная угроза для информационной открытости и информационной безопасности аудитории.

Достигнутый уровень рефлексии отражает в первую очередь эволюцию аудитории массовой коммуникации, превращение её из объекта воздействия в основного и ведущего субъекта. Сама система массовой коммуникации с необходимостью должна стать самоорганизующейся системой по типу Интернет, управляемой многочисленными действиями индивидуальных пользователей.

Любашевский Ю.Я.

Москва, НИПТ-Русская школа PR

Действительно, сегодня возникает глубокое противоречие между «информационной элитой», формирующей общественное и индивидуальное сознание, и основной массой населения, в том числе высоко обеспеченного и образованного, но не имеющей доступа к информационным технологиям. С этим противоречием связано почти неизбежное ущемление демократии. Оказывается, что для формирования сознания общества достаточно воздействовать на элиту. Целенаправленные усилия PR-сообщества изменяют сознание элиты, в результате оно существенно отличается от сознания общества. В этом случае элита отрывается от большинства и теряет эффективность влияния. Такое общество обречено на застой и гибель. Или на революцию.

Какова сейчас информационная защищенность, шире - информационная вооруженность России? Можно согласиться, что разрушены и информационной меч, и информационный щит России. Заменявший пропаганду PR, как это принято в демократических странах, находится на зачаточном уровне. Знаков серьезного исправления в этой области пока не видно.

Спасает то, что серьезной, «враждебной» и целенаправленной информационной войны против России никто не ведет. Все пакости делаем себе сами, политиков выбираем сами – Ельцина из США нам не присылали из США.

Может ли новая Россия вести серьезную информационную войну или осуществлять информационную защиту? Если не брать техниче-

кую сторону, то, безусловно, может. Наша сила в гуманитарной культуре, в национальных исторических традициях, в интеллектуальном богатстве, в том числе авторов многочисленных книг по различным аспектам информационной войны.

Петровский В.А.

Российская академия образования

Думаю, наш Круглый стол выявил значимость следующих обстоятельств:

1. Среди членов рефлексивного движения есть множество тех, кто себя в этом качестве не рефлексивует – и это пока в порядке вещей.
2. Есть и такие участники, которые вовлечены в некое «движение» и полагают, что оно – как раз «рефлексивное», то есть они рефлексивуют себя в качестве участников рефлексивного движения, хотя фактически таковыми не являются.
3. Желательно, что первые отрефлексивовали свою принадлежность к движению, а вторые – стали его участниками фактически.

Лепский В.Е.:

Круглый стол продемонстрировал глубокую востребованность и настоятельную потребность операционального знания в области рефлексивных процессов. Она актуализируется в ходе острых кризисов, угрожающих самому существованию человечества. И надо не только выяснять причины уже происшедшего, но инструментально ориентировать на выявление будущих угроз, а также искоренение их предпосылок. Именно эта идея придает нашему Круглому столу некую целостность.

Важнейшим «громоотводом» бед настоящего и будущего должно стать осознание человечеством, конструктивно ориентированными социальными группами, а также индивидами основополагающего факта субъектности собственного развития. Один из способов решения указанной задачи – ускорение темпов обучения рефлексивным процессам, развитие рефлексивных способностей, по самому своему определению обладающих самодерживающими, антидеструктивными механизмами когнитивного и аффективного характера. Мысль должна не только озаботиться условиями своего существования, но и сохранением самой жизни на Земле, приобретая новое онтологическое измерение, обогащая экзистенциальным содержанием более высокого порядка. В силу этого эффективная стратегия решений сегодня – это мораль благоговения перед жизнью.

Хочу поделиться некоторыми соображениями о необходимости поиска и создания новых форм организационной работы в области рефлексивных исследований и разработок.

В последние годы, благодаря инициативе Лаборатории психологии рефлексивных процессов Института психологии РАН и при поддержке его директора А.В.Брушлинского, сформировалось международное междисциплинарное сообщество специалистов в области исследования рефлексивных процессов и создания рефлексивных технологий.

Сообщество способно и готово принять активное участие в оперативном решении вставших перед человечеством сложнейших проблем выживания и развития, для чего необходимо создание адекватных организационных форм междисциплинарных исследований. В то же время надо признать, что без реальной поддержки государства, деловой и политической элит поставленные проблемы не решить и российский интеллектуальный потенциал останется невостребованным

Есть все основания утверждать, что предлагаемые участниками Круглого стола рекомендации найдут спрос у лиц, принимающих самые важные решения, у аналитиков и экспертов. Однако эти рекомендации – не чудодейственное и не одномоментное средство. Они требуют систематической и непрестанной работы ума, иными словами, активного соучастия всех субъектов в рефлексивных процессах самого высокого порядка.

Материалы Круглого стола подготовил
И.Е. Задорножнок

**РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ:
ТЕОРИЯ И ВОЕННЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ**

© Т.Л.Томас (США)

Управление по исследованию
зарубежных вооруженных сил
Форт Ливенворс, США**Введение**

Одна из главных целей для командующего в войне - вмешаться в процесс принятия решений противником. Эта цель часто достигается с использованием дезинформации, маскировки или какой-либо другой стратагемы*. Для России, один из таких методов – использование теории рефлексивного управления, который может использоваться против человеческих или машинных «процессоров принятия решения».

Рефлексивное управление определяется как способ передачи партнеру или противнику специально подготовленной информация, чтобы склонить его «добровольно» принять predetermined решение, желательное для инициатора действия. Теория была разработана в России давно, однако, она все еще подвергается дальнейшему совершенствованию. Недавнее доказательство этого – создание нового журнала «Рефлексивные процессы и управление», в состав редакционного совета которого вошли ученые, дипломаты, специалисты по проблемам безопасности стран и др. Теория рефлексивного управления сходна с известной в США идеей менеджмента восприятием, за исключением того, что это попытка скорее управлять, чем осуществлять соответствующий менеджмент субъектом.

Есть много примеров использования теории рефлексивного управления во время конфликтов, затрагивающих интересы России. Один

* О стратагемах смотри статью Бирштейна Б.И. и Боршевича В.И. в данном номере журнала. Прим. редакции.

из них, недавний и памятный связан с бомбардировкой рыночной площади в Сараево в 1995 году. В минуты бомбардировки CNN и другие программы новостей сообщили, что сербы минометным огнем убили большое количество невинных людей. Позже, анализы кратеров снарядов, которые взорвались на площади, наряду с другими свидетельствами, показали: инцидент происходил не так, как первоначально сообщалось. Эти свидетельства также вызвали сомнения относительно исполнителей преступного нападения. Одно лицо, не пожелавшее называть своего имени, в связи с данным исследованием заявило «Я не говорю, что сербы не совершали это злодеяние. Я говорю, что это не случилось способом, о котором было первоначально сообщено». Американец и канадец вскоре выразили ему поддержку. Это был русский полковник Андрей Демуренко, руководитель группировки сектора Сараево. Демуренко полагал, что инцидент явился превосходным примером рефлексивного управления, в котором инцидент был «сделан», чтобы создать впечатление: нечто случилось определенным способом, чтобы запутать лиц, принимающих решения.

В данной статье обсуждается военный аспект российской концепции рефлексивного управления и его роли как оружия в информационной войне, а также кратко рассмотрена интерпретация американскими авторами теории рефлексивного управления.

Природа рефлексивного управления

Теория рефлексивного управления существует много дольше, чем похоже на нее концепции информационной войны и информационных операций. Фактически, она появилась в советской военной литературе 30 лет назад. В то время В.А.Лефевр, который работал в этом контексте, а также в рамках теории рефлексивных игр, определил рефлексивное управление как «процесс, в котором один из противников передает другому основания для принятия решений» [1].

Разработка теории рефлексивного управления прошла четыре периода:

- исследовательский (с начала 1960-х до конца 1970-х);
- практико-ориентированный (с конца 1970-х до начала 1990-х);
- психолого-педагогический (с начала до середины 1990-х);
- психосоциальный (с конца 1990-х).

Концепция рефлексивного управления все еще остается несколько «чужой» для американцев. Однако русские военные используют ее не только на тактических уровнях, но также на стратегическом уровне в связи с внутренней и внешней политикой страны.

Существенно отметить, что концепция не всегда приносила пользу Советскому Союзу и России. Например, некоторые русские полагают,

что Стратегическая Оборонная Инициатива (СОИ) является классическим примером использования американцами рефлексивного управления. В этом случае США «заставили противника действовать согласно плану благоприятному для США». Делая так, США вынуждали Советский Союз держаться темпа американских достижений на арене СОИ (или, по крайней мере, быть на уровне ее достижений), а в конечном счете экономически истощить Советский Союз за счет траты денег на разработку соответствующего оборудования. В результате, некоторые русские теперь спрашивают себя: Отличается ли концепция информационной войны, как попытка США управлять противником, от теории рефлексивного управления? Смогла ли первая вынудить вложить громадные суммы денег в область, которая находится просто вне их технологической досягаемости в ближайшем будущем?

Советские и российские вооруженные силы на протяжении длительного периода исследовали приемы использования теории рефлексивного управления (особенно на тактическом и оперативном уровнях) как для маскировки (обмана), так и для дезинформации о целях, а также для управления процессами принятия решений противником¹. Например, русская армия имела уже в 1904 году школу военной маскировки, которая была расформирована в 1929 г. Эта Высшая школа маскировки заложила основы концепции маскировки и создала руководства для будущих поколений [2].

В течение вышеуказанных периодов в области рефлексивной теории проявилось много российских интеллектуальных «гигантов». В гражданском секторе это Г.П. Щедровицкий, В.А. Лефевр (теперь живет на Западе), В.Е. Лепский, Д.А. Поспелов, В.Н. Бурков и многие другие. Передовые теоретики в военном секторе – В.В. Дружинин, М.Д. Ионов, Д.С. Конторов, С. Леоненко и некоторые другие.

Один из гражданских теоретиков, В. Лепский, полагает, что текущее сотрудничество США и России в области рефлексивного управления будет перемещать отношения между странами от парадигмы информационной войны (конфронтации, борьбы) к парадигме партнерства («управляемой конфронтации»). Его мотивы благородны, и к этому следует относиться серьезно.

¹ Дезинформация – метод управления восприятием и информацией для дезориентации людей. Одни процедуры дезинформации весьма очевидны, другие неубедительны, третьи работают через отсроченные восприятие, слухи, повторение или аргументы. Определенные лица или специфические социальные группы могут служить как объекты дезинформации. Цель кампании дезинформации – влиять на сознание и умы людей. Сегодня, когда в России наличествует неустойчивая общественно-политическая и социально-экономическая ситуация, все население могло бы быть использовано как цель для вражеской кампании дезинформации. Это является главным опасением россиян.

С обеих сторон имеет место возрастающая реализация двух отмеченных Лепским парадигм, которые развиваются параллельно. Американские и русские теоретики объединяют свои усилия для создания теории предотвращения конфликта и сотрудничают в Боснии и Косово. В то же время обе страны независимо ведут работу над рефлексивным управлением в военной сфере.

Рефлексивное управление также рассматривается как средство информационной войны. Например, генерал-майор Н.И. Турко, преподаватель Академии генштаба Российской Федерации, установил прямую связь между информационными операциями и рефлексивным управлением. Он отметил, что наиболее разрушительное проявление тенденции полагаться на военную силу связано с возможным воздействием рефлексивного управления противостоящей стороной через соответствующее развитие теории и практики информационной войны [3]. Турко считает, что рефлексивное управление является информационным оружием, которое более важно в достижении военных целей, чем традиционная «огневая сила».

Эта точка зрения сформировалась в значительной степени под влиянием его убеждения, что американское использование информационного оружия в течение холодной войны сделало намного больше для поражения Советского Союза, чем любое другое оружие, а также послужило причиной его развала. Превосходный пример такого рода воздействий был приведен выше, в связи с американской Стратегической Оборонной Инициативой. Наконец, Турко упомянул рефлексивный управление как метод для достижения геополитического превосходства и как средство управления военными переговорами; данная область должна в наибольшей степени осознаваться странами, вступающими в такие переговоры.

Согласно Турко, теория рефлексивного управления действительно имеет геополитическое значение. Например, он и коллега описали оригинальную теорию сдерживания, при разработке которой использовались новые средства сглаживания конфронтации между крупномасштабными геополитическими группировками [4]. Эта теория привлекает средства информационной войны; а конкретнее угрозу причинения неприемлемых уровней разрушений при атаке информационных ресурсов государства или группы государств.

Один из наиболее сложных способов влияния связан с использованием методов рефлексивного управления против процессов принятия решений на государственном уровне. Формирование определенной информации или организация дезинформации для поражения специального информационного ресурса – лучшее средство для достижения этой цели.

В этом контексте информационный ресурс определяется как:

- информация и передатчики информации, включая метод или технологию ее получения, передачи, сбора, накопления, обработки, хранения и использования;
- инфраструктура, включая информационные центры, средства автоматизации информационных процессов, коммутатор коммуникаций, а также сети передачи данных;
- программирование и математические средства управления информацией;
- административные и организационные органы, которые управляют информационными процессами, научный персонал, создатели баз данных и знаний, а также персонал, обслуживающий средства информатизации [3, с. 257-258].

Российская политическая элита также использует рефлексивное управление в аналитических методологиях применяемых для оценки современных ситуаций. Например, во время одной из конференций в Москве, представитель администрации Президента Б.Н.Ельцина отметил, что при принятии решений Кремль уделяет внимание рефлексивным процессам. Таким образом, соображения Турко относительно центральной роли рефлексивного управления в российских концепциях информационной войны и потенциала использования рефлексивного управления против информационных ресурсов для дестабилизации геополитической обстановки являются двумя важными моментами для тех, кто принимает во внимание обдумываемые намерения.

По определению, «рефлексивное управление» происходит, когда орган управления передает управляемой системе побуждения и основания, которые послужат поводом достигнуть желательного решения [5]; его сущность содержится в строгой тайне. «Рефлексия» побуждает определенные процессы имитации рассуждений противника или его возможного поведения, заставляя его принять неблагоприятное для себя решение. Фактически, противник приходит к решению, основанному на представлении о ситуации, которую он сформировал, включая расположение отрядов и сооружений противоборствующей стороны, а также известных ему намерений активных элементов. Исходные идеи для принятия решений формируются прежде всего на основе разведывательных и других данных и факторов, которые основываются на устойчивом наборе концепций, знания, идей и, наконец, опыта. Этот набор обычно называют «фильтром», который помогает командующему отделить необходимую информацию от бесполезной, истинные данные от ложных, и так далее [5].

Главная задача рефлексивного управления

Цель рефлексивного управления – сформировать слабую связь фильтра и эксплуатировать этот фактор. Согласно теории рефлексивного управления, в течение серьезного конфликта два противодействующих участника (страны) анализируют свои собственные, а также воспринятые вражеские идеи, затем пытаются влиять друг на друга посредством рефлексивного управления. «Рефлексия» относится к созданию определенной поведенческой модели в системе, которая ищет возможности управлять (объективной системой). Это позволяет принять во внимание факт, что объективная система имеет модель ситуации, и предполагает, что она также предпримет попытку влиять на орган или систему управления.

Рефлексивное управление эксплуатирует мораль, психологический и другие факторы, а также персональные характеристики командующих. В последнем случае биографические данные, привычки и психологические различия могли бы использоваться в обманных действиях [5, с. 29-30]. В войне сторона с высоким качеством «рефлексии» (более способная к имитации мыслей другой стороны или предсказывать ее поведение) будет иметь лучшие возможности победить. Качество «рефлексии» зависит от большого количества факторов, наиболее важные из них - аналитическая способность, общая эрудиция и опыт, сфера знаний о противнике. Военный автор полковник С.Леоненко добавлял, что в прошлом стратагема были основным инструментом рефлексивного управления, но сегодня их заменили уловки и маскировка. В то же время, китайцы продемонстрировали, что стратагема могут использоваться так же эффективно, как уловки и маскировка в традиционном смысле.

Хотя формальная или официальная терминология рефлексивного управления в прошлом не существовала, противодействующие стороны фактически использовали ее интуитивно, когда они пытались идентифицировать и сталкивать мысли друг друга, а также планировать и изменять впечатления о себе, побуждая к ошибочному решению [5, с. 30].

Теорию Леоненко о различных качествах «рефлексивного управления» можно объяснять следующим образом. Если две стороны в серьезном конфликте – A и B – имеют противоположные цели, одна из них будет искать и уничтожать цели другой. Соответственно, если сторона A действует независимо от поведения стороны B , то ранг ее «рефлексии» относительно стороны B – равен нулю (0)². Если же сто-

² Понятие «ранг рефлексии» введено в 60-е годы в ранних работах В.А.Левевра (Прим. ред.)

рона А делает предположения относительно поведения стороны В (то есть, она моделирует сторону В), основанное на тезисе, что сторона В не берет во внимание поведение стороны А, то ранг «рефлексии» стороны А равен единице (1). Если сторона В также имеет первый ранг «рефлексии» и сторона А принимает во внимание этот факт, тогда сторона А имеет ранг «рефлексии», равный двум, и т. д.

В случае успешного проведения рефлексивное управление противником позволяет влиять на его военные планы и представления о ситуации, а также его действия. Другими словами, одна сторона может навязывать свои желания противнику и заставить его принять не соответствующее данной ситуации решение. Используются различные методы рефлексивного управления, включая «камуфляж» (на всех уровнях), дезинформацию, провокацию, шантаж, а также компрометация различных должностных лиц и чиновников. Таким образом, рефлексивное управление сфокусировано скорее на менее ощутимом субъективном элементе «военного искусства», чем на более объективной «военной науке». Достижение успешного рефлексивного управления требует глубокого изучения «внутренней природы» противника, его идей и концепций; Леоненко обозначил их как «фильтр», через который проходят все данные о внешнем мире. Успешное рефлексивное управление представляет точку кульминации информационной операции.

Определяемый таким способом «фильтр» является коллективным образом (названным «набором») предпочитаемых противником военных технологий и методов организации военных действий, к чему подключается и его психологический портрет. Вследствие этого «рефлексия» требует изучения чьего-то «фильтра» и использования его для собственных целей. В информационный век этот фильтр представлен человеческим и машинным (компьютерным) процессорами данных. Тогда встает наиболее важный вопрос: «Как одна сторона достигает более высокой степени «рефлексии» и, следовательно, более действенного рефлексивного управления над противником?» Это происходит прежде всего за счет использования широкого ассортимента средств для достижения неожиданного воздействия. В свою очередь, это достигается неожиданным использованием средств скрытности, дезинформации и избежания стереотипов (шаблонов)³.

Мнения военных экспертов: Ионов, Леоненко, Комов, Чаусов

Упомянутый ранее военный специалист генерал-майор М.Д.Ионов написал несколько статей на тему рефлексивного управления. Он был одним из первых военных теоретиков, оценивших значение рефлекс-

³ Дискуссия с российским военным чиновником в Москве, сентябрь 1998.

сивного управления, хотя сначала никто не был склонен слушать его. Понятия «рефлексивного управления» не было ни в одной советской военной энциклопедии, когда он начал писать в 70-е годы, поэтому оно просто не могло существовать! Вследствие этого в первых своих статьях, Ионов говорил об «управлении противником», а не о рефлексивном управлении.

Ионов понял также тесную связь между рекламной деятельностью и рефлексивным управлением («продают дырки, а не бублики» и «искушение прибылью») и необходимость комбинированного использования рефлексивных методов для организации рефлексивного управления [6].

Продвинутое понимание Ионовым рефлексивного управления может быть проиллюстрировано в ходе анализа одной из его статей 1995 года. В ней Ионов отметил, что цель рефлексивного управления - вынуждать противника предпринимать определенные действия, которые ведут к его поражению, влияя или управляя его процессом принятия решения. Ионов рассматривает это как форму высокого искусства, обязательно основанного на хорошем знании человеческого мышления и психологии, военной истории, представления о корнях специфического конфликта, способностях сопоставлять военные ресурсы.

В этом случае, контроль над противником осуществляется через ряд мер, связанных по времени, цели и месту, которые вынуждают принимающего решение отказать от своего первоначального плана, предпринимать невыгодные действия или реагировать неправильно на их очевидную невыгоду (например, при столкновении с контрнаступлением). Успешное использование рефлексивного управления становится более вероятно, если первоначальный план противника известен. Это облегчает для «управляющей стороны» задачу вынудить противника принять ошибочные решения, используя такие методы рефлексивного управления как запугивание, заманивание, дезинформация, обман, сокрытие и другие; они разрабатываются для сокращения времени принятия им решений, внося неожиданности в его алгоритмы [7].

Ионов отметил также, что используемые содержание и методы должны учитывать взаимосвязь между мыслительными процессами противника и основами его психологии. Они также должны быть реалистичными, поэтому вновь создаваемые методы следует рассматривать в контексте новых технологий. Наконец, поскольку в размышлении, целях, политике и этических подходах каждого государства существуют острые разногласия, постольку каждая сторона должна провести внутреннюю оценку, чтобы определить возможные результаты любого действия в соответствии со сложными критериями, отражающими характер конфронтации [7].

Ионов идентифицировал четыре основных метода для помощи в передаче информации противнику, чтобы способствовать организации контроля над ним. Они служат как контрольный список для командующих на всех уровнях:

Давление мощи, включая использование превосходящей силы, демонстрацию силы, психологические атаки, ультиматумы, угрозы санкций, угрозы риска (проявляющиеся через фокусировку внимания на иррациональном поведении руководства или делегировании полномочий безответственному лицу), военная разведка, провокационные маневры, испытания оружия, ограничение доступа противника или изоляция определенных областей, увеличение боевой готовности вооруженных сил, формирование коалиций, официальное объявление войны, поддержка дестабилизирующих ситуацию внутренних сил во вражеском тылу, организация ограниченных забастовок, вывод из строя отдельных вооруженных сил, «нагнетание» и рекламирование победы, демонстрация безжалостных действий и демонстрация милосердия к союзнику противника, который прекратил сопротивление [7].

Приемы представления ложной информации о ситуации, включая маскировку (показ слабости в сильном месте), создание ложных сооружений (показать «силу» в слабом месте), оставление одной позиции для укрепления другой, оставление опасных объектов («троянский конь»), сокрытие истинных взаимосвязей между подразделениями или создание ложных, поддержание секретности новых видов оружия, блеф по поводу оружия, изменение методов проведения операции или преднамеренная потеря важных документов. Провоцирование противника к поиску новых направлений эскалации или свертывания конфликта включает преднамеренную демонстрацию особой цепи действий; нанесение удара по опорному пункту противника, когда его там нет; подрывную деятельность и провокации, оставление открытыми маршрута для выхода противника из окружения; принуждение противника совершать карательные действия, приводящие к расходованию вооруженных сил, ресурсов и времени.

Воздействия на алгоритм принятия решения противником, включая систематическое проведение игр через которые воспринимаются типовые планы; публикацию преднамеренно искаженной доктрины; воздействие на элементы системы управления и ключевые фигуры путем передачи ложных данных об обстановке; действия в резервном способе совершения действий для нейтрализации оперативного мышления противника.

Изменение времени принятия решения может быть выполнено через неожиданное начало военных действий; передачу информации об обстановке аналогичного конфликта – работая над тем, что ему кажется

выполнимым и предсказуемым, противник принимает необдуманное решение, которое изменит способ и характер его операции.

Согласно Ионову, нужно оценивать человеческие цели для рефлексивного управления личностью или группой с учетом индивидуальной или групповой психологии, способа мышления и профессионального уровня подготовки.

В статье «Контроль над противником» (*Морской сборник*, июль 1995) Ионов утверждает, что необходима информация о состоянии вооруженных сил противника, характере их действий, и способностях управлять ими и, одновременно, остановка или задержка его встречного управления [8]. Ионов выдвинул в ней несколько четких принципов необходимых для «управления противником». Во-первых, рефлексивный характер желаемой реакции: командующие должны отчетливо представлять возможную реакцию противника на условия, которые ему желают навязать. Во-вторых, реакция будет проблематична, так как противник может обнаружить активность и предпринять свои собственные встречные меры управления. В-третьих, уровень технического развития оружия, и особенно разведывательного, имеет все возрастающее значение. Это делает все более вероятным разоблачение действия, направленного на дезинформацию противника.

Заключительный принцип – использование жестких форм давления на противника, особенно тех, которые принимают во внимание социальные элементы и статус интеллектуалов, а также психологические, этические и идеологические факторы. Преднамеренная жестокость к гражданскому населению или попавшим в плен в районах военных действий, декларация неограниченной войны подводных лодок (топить любые суда, включая принадлежащие нейтральным странам) и так далее служат превосходным примером последнего. Короче говоря, в представлении Иопова, рефлексивное управление – характерная не только традиционно советская, но также российская форма информационного или психологического нападения.

Полковник С.Леоненко в своих работах объединил информационные технологии и теорию рефлексивного управления. Он отметил, что компьютеры могут стать помехой использованию рефлексивного управления, благодаря упрощению обработки информации и вычислений. Противник легко «видит насквозь» мероприятия рефлексивного управления, противопоставляя силе простое использование компьютера. Скорость и точность компьютера в обработке информации обнаруживает мероприятия рефлексивного управления. Однако в ряде случаев это может фактически улучшить возможности для успешного рефлексивного управления, так как компьютеру недостает интуитивного рассуждения человека [5, с. 29].

Компьютерные технологии увеличивают эффективность рефлексивного управления, предлагая новые адаптированные к современной эре методы, которые могут служить тем же целям. Леоненко оценил новые возможности, которые предоставляет рефлексивному управлению использование компьютерных технологий, утверждая, что в современных условиях имеется потребность совершать действия не только против людей, но также против технических средств разведки и особенно систем управления оружием; эти средства бесстрастны в оценивании происходящего и не воспринимают персональных реакций.

Если система ведения информационных войн или операций не может воспринять персональных реакций, она неспособна оценить, что происходит. Означает ли это, что она обеспечивает только незначительными данными? Или это означает, что имеются два слоя рефлексивного управления: первый слой состоит из «глаз, носа, и ушей», датчиков, спутников и радаров, а второй из «интеллектуального программного обеспечения» – людей, которые собирают, обрабатывают и производят знания на основе полученной информации или принимают решения, основанные на ней? Но что случается, если «глазами, ушами, и носом» манипулируют? Как это влияет на решения и знания? Недавнее использование такого рода военной активности Югославскими вооруженными силами на Балканах обмануло сенсоры НАТО, в результате чего обстреливались фальшивые цели.

В итоге, мы все же оставляем некоторые решения за компьютером. Это означает, по Леоненко, что мы живем в много более пугающих условиях существования, чем полагаем: ведь фактически решения находятся в руках машин, которые «неспособны к оцениванию того, что происходит, и не воспринимают того, как персоны реагируют на происходящее».

Далее Леоненко отметил: представления о том «как противник думает», создается военной разведкой и коллективным образом (набором) сформированных концепций, знаний, идей и опыта. Этот «набор», который он называет «фильтром», помогает командующему отделять необходимую информацию от бесполезной. Тогда главная задача рефлексивного управления – выделить слабую связь в фильтре и найти возможности ее использования.

Рассмотренное представление рефлексивного управления хорошо согласуется с пониманием информационного оружия, данного русским майором Сергеем Марковым. Информационное оружие – это специально отобранная часть информации, способная к порождению изменений в информационных процессах систем (физические, биологические, социальные, и т.д., в данном случае – информационная

для принятия решения) в соответствии с намерением организации, использующей оружие. Соответственно, это вызывает изменения в информационных процессах противника, убеждая его принимать решения согласно проекту управляющего, что позволяет рассматривать информационное оружие как методологию управления противником. Определенное таким образом рефлексивное управление может применяться в контекстах моделирования и принятия решений в различных типах конфликтов (международные, военные и т.д.). Оно может также использоваться в социальных процессах и системах.

В настоящее время в России рефлексивное движение оказывает влияние на различные области знания: философию, социологию, психологию, педагогику, проблемы искусственного интеллекта и компьютерных наук в целом, военные дела, разведку и контрразведку, а также многие другие области [1]. Например, Ассоциация прикладной эргономики посвятила рефлексивным процессам специальное издание журнала «Прикладная эргономика» (# 1, 1994).

Об информационном воздействии рефлексивного управления писал русский военный теоретик полковник С.А.Комов, который, возможно, был наиболее плодовитым автором по тематике информационных войн в 90-е годы. На страницах журнала «Военная мысль» Комов подтвердил придаваемое Ионовым большое значение рефлексивному управлению, дав ему другое название – «интеллектуальные» методы информационной войны. Он перечислил основные элементы «интеллектуального» подхода к информационной войне, который описал как [9]:

- отвлечение внимания – создавая реальную или мнимую угрозу одному из жизненно важных дислокаций противника: флангам, тылу и т.д. во время подготовительной стадии военных действий, тем самым вынуждая его пересматривать здравый смысл своих решений;
- перегрузка – за счет часто посылаемых противнику больших объемов противоречивой информации;
- паралич – создавая восприятие специальных угроз жизненным интересам или наиболее слабым местам;
- истощение – заставляя противника выполнять бесполезные действия и таким образом приводя вооруженные силы к истощению ресурсов;
- обман – провоцируя противника передислоцировать вооруженные силы к угрожаемому региону во время подготовительных стадий военных действий;
- раскол – убеждая противника, что он должен действовать вопреки интересам коалиции;
- успокоение – заставляя противника полагать, что скорее осуществятся обучение предварительно спланированным операциям,

а не приготовления к наступательным действиям - и таким образом снижая его бдительность;

– устрашение – создавая восприятие непреодолимого превосходства;

– провокация – навязывая противнику совершение действий выгодных для вашей стороны;

– предложение – предлагая информацию, которая задевает противника юридически, нравственно, идеологически или в других сферах;

– давление – предлагая информацию, которая дискредитирует правительство в глазах населения.

Наконец, в статье капитана первого ранга Ф. Чаусова рефлексивное управление определяется как процесс умышленной передачи противостоящей стороне определенной информации, которая окажет влияние на принятия решения этой стороной, соответствующее переданной информации [10].

Более важным является то, что Чаусов обсудил риск, связанный с использованием рефлексивного управления. Чтобы обосновать методы использования вооруженных сил с учетом риска вводится числовая мера R_0 как различие между оценками гарантируемой эффективности, или E_g , и ожидаемой (ситуационной) эффективности или E_s . Оценка гарантированной эффективности представляет нижний предел показателя эффективности, достигаемый при любом типе действий противника и фиксированных действиях собственных вооруженных сил. Ситуационная эффективность имеет отношение к эффективности действия вооруженных сил, которая достигается через определенный тип действия основанного на решении командующего.

Чаусов сформулировал следующие принципы рефлексивного управления:

1) ориентированный на цель процесс, требующий полной картины всех необходимых методов рефлексивного управления;

2) «актуализация» планов, обеспечиваемых достаточно полной картиной интеллектуального потенциала командующих и обеспечивающего персонала (основанной на их реальных возможностях), особенно когда обстановка определяется глобальным информационным пространством;

3) соответствие целей, миссий, места, времени и методов проведения рефлексивного управления;

4) моделирование или прогноз состояния стороны во время выполнения действий;

5) антиципация событий.

Интерпретация российской теории рефлексивного управления в США

В.А.Лефевр остается главным авторитетом по вопросам рефлексивного управления в США, и, возможно, в мире. В его принципах пробовали разобраться и американские аналитики. Несколько лет назад американец Клиффорд Рейд продемонстрировал полное понимание теории рефлексивного управления в главе, которую он написал для книги *Советский Стратегический Обман*. Используя только советские источники, Рейд выразил сущность механизмов русского рефлексивного управления в следующих категориях рефлексивных взаимодействий [11]:

(1) Передача образа ситуации: обеспечивая противника ошибочным или неполным образом ситуации.

(2) Создание цели для противника: помещая противника в позицию, в которой он должен выбрать цель в нашу пользу (например, провоцируя противника угрозой, на которую он должен рационально реагировать).

(3) Формирование цели посредством передачи образа ситуации: симулируя слабость или создавая ложную картину.

(4) Передача образа собственного восприятия ситуации: обеспечивая противника ложной информацией или порциями правды, основанной на собственном восприятии ситуации.

(5) Передача образа собственной цели: финт баскетбольного игрока является классическим примером, где вы изменяете восприятие противника, когда он задумывается над тем, что вы делаете или вы собираетесь делать.

(6) Передача образа собственной доктрины: предоставляя ложный взгляд на процедуры и алгоритмы процесса принятия решения.

(7) Передача собственного образа ситуации, чтобы заставить противника сформировать его собственную цель: представляя ложный образ собственного восприятия ситуации с принятым дополнительным уровнем риска.

(8) Управление двусторонним противоборством третьей стороной.

(9) Управление противником, который использует рефлексивное управление: эксплуатируя возможности вскрытия как имитации инициаторов процесса рефлексивного управления.

(10) Управление противником, который использует доктрину теории игр.

Большинство аналитиков полагают, что с понятием «рефлексивное управление» близко связано американское понятие «менеджмент восприятия»; принципиальные отличия между ними сводятся к качественным различиям понятий «осуществлять менеджмент» и «управлять» (manage and control). В США о менеджменте восприятия писал

Е.Т.Нозава, аналитик фирмы Lockheed Martin Aeronautics, сравнивая различные взгляды на рефлексивное управление и противопоставляя соответствующую теорию научной философии Чарльза Сандера Пирса (Charles Sander Peirce (1839-1914) [12].

Нозава отметил, что русские специалисты обсуждают два различных типа рефлексивных школ мысли: одна касается рефлексивных процессов, другая – подмножества тех процессов, которые связаны с рефлексивным управлением, рассматриваемым здесь. Большинство американцев сталкиваются с трудностями, делая это различие. Нозава обращает внимания, что сравнение русской научной парадигмы рефлексивных процессов, как она описана Владимиром Лефевром и Владимиром Лепским, с концепциями Пирса показывает: они очень похожи в их предметном содержании и целях.

Возможно, семиотика Пирса более продвинута в своей теоретической концептуальной разработке, тогда как теория рефлексивных процессов в разрабатываемых практических приложениях.

Однако теория рефлексивного управления, разрабатываемая Лефевром и Лепским и включающая описание таких факторов, как «свобода воли», не имеет ничего эквивалентного у Пирса и представителей других школ западной мысли. Лефевр, согласно Нозава, объединяет концепции чувств, свободы воли и мышления с концепциями ситуационного осознания и реальности. Объединенные процессы стали известными как рефлексивные процессы, заполняющие пробел в ментальных науках, созданных бихевиоризмом.

Изучение материалов проведенного в Москве симпозиума «Рефлексивное управление» (октябрь 2000 г.) помогло бы раскрыть вероятные области дополнительных разработок. Можно предположить, что теория рефлексивных процессов является формой дальнейшего развития научной философии Пирса и что она легко заменяется этой философией.

Следующая таблица показывает соответствие рефлексивных процессов в соответствии с элементом научной философии Пирса:

Рефлексивные процессы	Научная философия
Ситуационное осознание	Явная сфера (ситуационное осознание)
Чувства	Эстетика
Свобода воли	Этика
Мышление	Семиотика
Реальность	Метафизика (реальность)

Хотя терминология различна, слова, описываемые категориями Пирса, имеют то же самое значение что и соответствующие слова в рефлексивных процессах. Однако, согласно Нозава, Пирс был более

точен в своих определениях, конструкция, лежащая в основании его теоретического знания, лучше разработана, при этом категории Пирса следует интерпретировать как научные, а не метафизические и теологические.

Современные примеры рефлексивного управления

Русские военные активно пытались использовать концепцию рефлексивного управления в недавнем прошлом. Например, во время захвата русского Белого Дома членами Парламента в октябре 1993, они, судя по всему, использовали рефлексивное управление, чтобы удалить парламентариев и их сторонников из здания, даже игнорируя явные указания президента Ельцина. Весьма интересно, как это было достигнуто. В течение нескольких дней президент Ельцин не был способен «сдвинуть своих противников с места». Более того, они даже отказались выходить наружу, чтобы обратиться к окружившим здание своим сторонникам, вероятно, потому, что в толпе были также представители МВД и они могли бы попытаться захватить их.

Поэтому службы безопасности разработали план рефлексивного управления. Согласно плану, в день грандиозной демонстрации в поддержку Белого Дома, милиция «позволила» протестующим использовать один из своих коммуникационных узлов. В это время, военные власти передавали по радио вводящие в заблуждение сообщения на бездействующей частоте. Создавалось впечатление, что сообщения были фактической беседой между двумя высокопоставленными чиновниками Министерства внутренних дел (МВД), которые обсуждали грозивший штурм Белого Дома.

Два чиновника обсуждали детали «операции», под которой подразумевалась разработанная атака, чтобы очистить здание от «оккупантов». Один из чиновников повторял неоднократно: «Неважно что, станет с чеченцем. Убейте его, если Вам потребуется». Фактически, ссылка была на Руслана Хасбулатова, спикера Парламента, который был чеченцем и одной из двух ключевых фигур «оккупантов» (другой – бывший вице-президент Александр Руцкой). В пределах нескольких минут после получения этой информации Хасбулатов и Руцкой появились на балконе Белого Дома и призывали толпу идти к телевизионной станции Останкино, чтобы захватить ее. Операция рефлексивного управления действительно сработала.

В результате Ельцин теперь имел достаточно оснований, чтобы действовать против Хасбулатова и Руцкого, основываясь на призывах последних к гражданскому неповиновению⁴. В действительности же

⁴ Так это было рассказано автору лейтенантом МВД в Москве в 1994.

два чиновника МВД оказали влияние на действия обоих лидеров и заложили в их головы идеи, которые обеспечили основы для принятия этого плана. Они сделали так, буквально «входя внутрь» мыслей лидеров.

Другой превосходный пример использования теории рефлексивного управления имел место во время холодной войны, когда Советский Союз попытался влиять на американское восприятие ядерного баланса.

Цель операции – убедить Запад, что возможности их ракет более грозны, чем они фактически были. Чтобы достичь ее, советские военные власти для обмана Запада представили для демонстрации фальшивки межконтинентальных баллистических ракет. Советы так разработали ракеты-фальшивки, чтобы боевые головки к ним казались огромными; подразумевалось, что ракета несет «множество боеголовок». В этом случае Советы просчитывали «реакции» своих противников, ясно понимая, что иностранные атташе регулярно посещают эти демонстрации, так как это была одна из возможностей легально получить военную информацию. Кроме того, поскольку Советский Союз не участвовал в ярмарках военного оружия, был специально проведен парад для офицеров разведок. Было известно, что после просмотра парада атташе подготовят детальные сообщения в Западные разведывательные органы об их «находках». Кроме того, Советы знали о том, что внимательно изучали парады и представители военно-промышленного комплекса Запада.

Однако, обман на этом не заканчивался. Советы также подготовили другие дезинформационные меры, чтобы когда западные разведки начали исследовать фальшивку межконтинентальной баллистической ракеты, то они могли бы находить косвенные доказательства ее существования и в дальнейшем сбиться с пути. В конечном счете, цель состояла в побуждении иностранных ученых копировать «продвинутую» технологию и завести их в тупик, потратив драгоценное время и деньги [13].

Заключительные соображения о рефлексивном управлении...

Русские гражданские и военные теоретики, несомненно, будут продолжать исследования проблем рефлексивного управления и соответствующих средств манипуляции и обмана. Например, Институт психологии Российской академии наук имеет лабораторию психологии рефлексивных процессов, которая детально изучает элементы и приложения «рефлексии». Изучаются также способы международного использования теоретических разработок для обеспечения безопасности и устойчивого развития человечества. В этом отношении Институт

психологии РАН выполняет положительную роль, что не должно быть незамеченным.

В информационный век и военные аналитики будут продолжать использовать эту концепцию, чтобы управлять противником на полях сражений. Наиболее сложным и опасным приложением рефлексивного управления остается его использование для воздействия на процессы принятия государственных решений при помощи тщательно подготовленной информации или дезинформации.

Доктрина информационной безопасности – одно из наиболее важных средств утращения или обороны, направленная против использования противником рефлексивного управления или подобных процессов против России, считают многие российские ученые; ее принятие в сентябре 2000 года – шаг в данном направлении. Согласно Турко и Прохожеву, информационная безопасность означает степень защищенности государства против преднамеренных и ненамеренных действий, которые могут вести к сбоям функционирования государственной и военной команд, разрушению системы управления.

Наиболее существенное из таких угрожающих действий – дезинформация, которая приводит к заранее спланированному результату посредством воздействия на общественное мнение или на лиц, принимающих решения, в соответствии с целями рефлексивного управления [3]. Диалектическое взаимодействие рефлексивного управления против государства и информационной безопасности как контрмеры с его стороны неизбежно оказывает существенное геополитическое воздействие на все стороны его жизни.

Таким образом, теория рефлексивного управления останется наиболее важной областью исследований в течение ближайшего и долгосрочного будущего для российских и других подобных международных групп.

Литература

1. *Lepsky Vladimir E. Reflexive Control in Multi-Subjective and Multi-Agent Systems / Proceedigs of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior. ARL-SR-64, May 1999, pp. 111-117.*
2. *Генерал Евгений Коротченко и полковник Николай Плотников. Информация - тоже оружие: о чем нельзя забывать в работе с личным составом / Красная звезда, 17 февраля, 1994, с.2.*
3. *Прохожев А.А., Турко Н.И. Основы информационной войны / Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 Century: Theory and Practice,» Moscow, February 1996, p. 251.*
4. *Турко Н.И., Модестов С.А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил, как механизм современной геополитики / Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21st Century: Theory and Practice,» Moscow, February 1996, p. 366.*

5. *Леоненко С.* Рефлексивное управление противником / Армейский сборник. № 8, 1995, с.28.
6. *Ионов М.Д.* Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика. Специальный выпуск. № 1. 1994. С. 44-45.
7. *Ионов М.Д.* On Reflexive control of the Enemy in Combat // Military thought (English edition) No.1 (January 1995), pp. 46,47.
8. *Ионов М.Д.* Control of the Enemy // Морской сборник (Naval collection) No.7 (July1995), pp. 29-31, as reported in FBIS-UMA-95-172-S, 6 September 1995, pp. 24-27.
9. *Котов С. А.* About Methods and Forms of Conducting Information Warfare // Military thought (English edition), No. 4 (July-august 1997), pp. 18-22.
10. *Чаусов Ф.* Основы рефлексивного управления противником // Морской сборник, 1999, с. 12. (The author would like to thank Mr. Robert Love of the Foreign Military Studies Office for his help in translating this and other segments of Chausov's article).
11. *Clifford Raid.* Reflexive Control in Soviet Military Planning // Soviet Strategic Deception, edited by Brian Dailey and Patrick Patker, (Stanford, CA: The Hoover Institution Press), pp. 293-312.
12. *Nozawa E.T.* Similarities and Differences Between Reflexive Control and Peircean Semiotic / Рефлексивное управление. Тезисы международного симпозиума. 17-19 октября 2000 г., Москва. Институт психологии РАН, 2000. С.40.
13. *Баранов Алексей,* Парад подделок / Московский комсомолец, 8 мая 1999, с.6 (as translated and entered on the FBIS web page, 11 May 1999).

**РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИНТЕРНЕТ-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ
(на примере шахматных игр)**© В.П.Зинченко (*Россия*)Российская академия образования,
академик,
доктор психологических наук

В этом небольшом эссе я намерен затронуть некоторые глубинные психологические особенности интернет-взаимодействий, среди которых важное место занимает специфика развертывания рефлексивных процессов.

Обратимся к конкретному примеру, связанному со спортивным состязанием, где важнейшим условием победы является вера в собственные силы. Я намеренно выбрал игру, поскольку игровой момент в той или иной мере присутствует во всякой деятельности. Без него она недостаточно эффективна, потому что просто скучна. Мера, конечно, важна, ибо когда она утрачивается, люди не только играют, но и заигрываются с природой, с техникой, друг с другом. Бедствием нашего времени стали игры с компьютером. Рассмотрим последнюю весьма дорогостоящую, захватывающую и зрелищную игру Гарри Каспарова с Голубым Глубокоуважаемым Шкафом (Deer Blue). Хорошо известно, что чемпион мира знает свои силы, верит в себя, характеризуется высоким уровнем притязаний. Все это имеет основания и подтверждается максимальным рейтингом, который он имеет, как теперь с оттенком пренебрежения принято говорить, в белковых шахматах. (Мне почему-то кажется, что человеческий дух, без которого невозможно никакое состязание, – это не белковое тело.)

Любую деятельность, а игровую в особенности, характеризует противоречивое единство переживания и знания, аффекта и интеллекта. Естественно, что подобное единство характеризует игру человека, а не компьютера. Именно в нем может быть заключен секрет успеха в

человеческих шахматах, а в нарушении его, как в разбираемом ниже событии, секрет поражения чемпиона мира Г.Каспарова. Гроссмейстер Ю.Разуваев характеризует шахматную игру как драматическую пьесу, к которой зрителей влечет интеллектуальное творчество и драматизм борьбы.

Скрипач В.Набокова в «Защите Лужина» сказал о шахматах: «Комбинации, как мелодии. Я, понимаете ли, просто слышу ходы».

Шахматист и пианист Марк Тайманов провел интересные параллели между шахматистами и композиторами: «...Рахманинов – это Алехин...А первый чемпион мира Вильгельм Стейниц – это, конечно, Бах. По глубине, по всеобъемлющей амплитуде и чувств, и мыслей. Смыслов – Чайковский, та же удивительная гармоничность. Спасский – Скрябин, Таль – Паганини: тот же демонический облик, фантазия безудержная. Фишер – Лист. Яркость замыслов, широта. Карпов – это Прокофьев, очень светлый, современный и виртуозный. А Каспаров – Шостакович, с колоссальным масштабом и динамичностью» [1]. Перечисленные пары сами по себе – лучшее свидетельство того, что шахматы это искусство.

О. Манделштам, наделявший глаз акустикой, наращивающей ценность образа, так описывал игру: «Угроза смещения тяготеет над каждой фигуркой во все время игры, во все грозное явление турнира. Доска пучится от напряженного внимания. Фигуры шахмат растут, когда попадают в лучевой фокус комбинации, как волнушки грибы в бабье лето» [2].

Разуваев приводит слова Г. Левенфиша: «Нельзя выиграть ничего не пережив. Чтобы выиграть ... игрок должен отдать себя целиком». После поражения в турнирной борьбе гроссмейстер, по выражению Б. Спасского, переживает «маленькую смерть» [3].

Непременным условием любого состязания является построение играющим образа противника. В шахматах в образ противника играющий встраивает и образ себя самого, но такой образ, каким он видится противнику. Это называется глубокой стратегией, планированием ходов на различную глубину. Планирование не только ходов играющего, но и ответных ходов противника. Проще говоря, это можно представить себе как два набора противостоящих друг другу матрешек, встроенных одна в другую. В каждом наборе чередуются матрешки играющего и противника. Согласно В.А. Лефевру [4], это ситуация рефлексивного управления (поведения, игры), а число матрешек в наборе определяет число рангов или уровней рефлексии, число просматриваемых ходов, глубину стратегии. Рефлексия и стратегия могут, конечно, быть как спасительными, так и разрушительными. Это классическая ситуация любого взаимодействия, будь то партнерство, кооперация, соперниче-

ство, конфликт, борьба, война и т. п., в котором трудно унять волнения, страсти. Поэтому шахматная игра издавна служила удобной моделью для исследования мышления вообще и оперативного в частности. Не только психологов интригуют способы выбора из огромного множества вариантов лучшего хода. Это та же проблема преодоления избыточности возможных способов и программ действия, порожденная невероятной сложностью игровой ситуации. А может быть, дело вовсе не в выборе, а в построении нового варианта? В пользу последнего говорят, правда, редчайшие случаи слепоты выдающихся шахматистов к очевидным, неслышанно простым решениям: «сложное понятней им», как, впрочем, и простым смертным.

В мышлении имеется свой способ преодоления избыточности. Его единицами становятся не отдельные варианты ходов, а целые позиции или их образы, в оценке которых используются и эстетические критерии.

В человеческих шахматах образ или активное символическое тело противника всегда конкретно, пристрастно. Образ построен достаточно детально еще до состязания. При этом функциональный, стратегический или оперативно-технический портрет противника всегда дополняется психологическим портретом, реальным или мнимым – это безразлично, но с точки зрения играющего вполне достоверным. Пользуясь терминами из области инженерной психологии, можно сказать, что играющий еще до игры имеет априорную аффективно окрашенную образно-концептуальную модель противника, если угодно, образ врага. По ходу игры происходит ее уточнение, перестройка, обновление. В.Б. Малкин рассказал мне, как в одной из партий Ю.Авербах, игравший с В.Корчным, в сложной позиции жертвует пешку. Соперник жертвы не принимает, а после игры на вопрос «почему?», ответил, что он доверяет Авербаху. Но доверял Корчной далеко не всем. Замечательно интересны впечатления гроссмейстера Котова о Фишере: «Фишер – грозная и неумолимая сила. Он перегибается через стол, нависает над вашими фигурами, глаза горят. Ощущение такое, будто перед вами колдующий шаман, священник, произносящий молитву».

Некоторые шахматисты предпочитают, сделав ход, уходить за кулисы, чтобы не давать лишних козырей таким мастерам-психологам, как М.М. Ботвинник, который постоянно во время игры наблюдал за противником, даже когда последний вставал и ходил по сцене. Это, между прочим, признак уважения к сопернику, а возможно, и подавления своего чувства превосходства над ним. В ответственной партии на такие чувства не остается времени. Разуваев вспоминает, как несколько лет назад в Париже в соревнованиях на быстрых шахматах был установлен большой экран, где крупно проектировались лица и руки иг-

рающих. Даже опытные профессионалы были удивлены, увидев свои переживания со стороны.

В ситуации игры с компьютером Г. Каспаров должен был построить образ такого противника, в котором сконцентрирован (впрочем, как и в нем самом) опыт игры шахматной элиты всего мира, в том числе весь опыт игры, все находки, весь стиль самого Каспарова, все его победы и все его поражения, то есть все сильные и слабые стороны его игры. Другими словами, Каспаров должен был противостоять деперсонализированному опыту всего шахматного мира, истории шахмат. К тому же этот мир был хладнокровно-расчетливым, бесчувственным и в этом смысле равнодушно-жестоким, безличностным, бесчеловечным, а значит, и лишенным любых человеческих слабостей. Знания в этом мире не только бесстрастны, но и безжизненны, как сказал бы С.Я. Франк. В такой мир нельзя заглянуть и увидеть в нем свое отражение, посмотрев на себя другими глазами.

Построить образ, символическое тело или модель такого монстра Каспаров оказался не в состоянии. Не исключено, что его подвело знакомство с милыми людьми его создателями. Они, конечно же, произвели на него – нормального человека – впечатление «коллекции чокнутых» (это выражение генерала Лесни Гроувза – военного главы атомного проекта в Лос-Аламосе), которые к тому же не являются шахматистами-профессионалами. Видимо, построить образ такого врага вообще представляет собой трудноразрешимую задачу. Метафоры здесь не работают, они не заменяют образа. Но точка отсчета для его построения, а возможно, и для выработки стратегии игры с таким противником имеется. Возьмем за подобную точку отсчета характеристику, которую О. Мандельштам дал машинной поэзии в 1922 г.:

«Чисто рационалистическая, машинная, электромеханическая, радиоактивная и вообще техническая поэзия невозможна по одной причине, которая должна быть близка и поэту, и механику: рационалистическая машинная поэзия не накапливает энергию, не дает ее приращения как естественная поэзия, а только тратит, только расходует ее. Разряд равен заводу. На сколько заверчено, на столько и раскручивается. Пружина не может отдавать больше, чем ей об этом заранее известно (курсив мой - В.З.). Машина живет глубокой и одухотворенной жизнью, но семени от машины не существует» [2, с. 277].

В человеческих шахматах противники подпитывают друг друга энергией (или, как вампиры, «высасывают», опустошают). Семя, о котором говорит О. Мандельштам, – это творчество и его непеременные спутники: эмоция, аффект, страсть. Здесь уместно вспомнить, разъяснение М.К. Мамардашвили относительно декартова понимания взаимоотношений страсти и действия: «страсть в отношении к чему-нибудь

есть всегда действие в каком-либо другом смысле. То есть без того, чтобы за этим не стояло действие или в этом не содержалось действие (или, скажем так: переместившийся сюда его очаг)» [5, с. 321]. Такие же отношения, которые связывают страсть и действие, связывают страсть, аффект с интеллектом. Если расшифровывать пустое словечко «единство», то страсть может рассматриваться как внешняя форма действия, интеллекта, а последние – как ее внутренние формы. Справедливо и обратное: действие, интеллект – внешние формы, а страсть – внутренняя. Все дело в точке зрения или в точке отсчета. Именно этой внутренней формы лишена интеллектуальная программа, противостоявшая Г. Каспарову.

Аналогичные соображения высказывал Василий Смыслов. В Интернет-шаматах очевидно нивелируется психологическая составляющая, которая присутствует в прямом единоборстве, когда гроссмейстеры встречаются за доской лицом к лицу. Многие великие шахматисты подавляли своих соперников энергетикой, эмоциональной силой. Интернет-шаматы в этом отношении больше напоминают искусство, чем жестокую спортивную игру.

Как иначе можно объяснить, что не самый выдающийся гроссмейстер голландец Пикет поочередно выиграл у трех фаворитов из России – Морозевича, Свидлера и, наконец, Каспарова? Не исключено, что Интернет-шаматы вычеркнули психологические и эмоциональные проблемы и помогут выявить «чистого шахматного чемпиона» [6]. Печальный прогноз.

Подготовка к матчу с бесстрастным противником должна быть принципиально иной (если сразу не занять позицию, что «против лома нет приема...»). Нужно готовиться не к борьбе с гением, в том числе и своим собственным, а к борьбе с чрезвычайно интеллектуальным идиотом (идиотом в греческом, не оскорбительном значении этого слова, то есть идеальным идиотом), для которого полностью закрыта аффективно-личностная, жизненная, смысловая сфера. Идиотом, хотя и рассчитывающим достаточно глубоко свое поведение, но неспособным на озарение или таинственную интуицию. Мы когда-то с А.И.Назаровым обыгрывали принятую аббревиатуру искусственного интеллекта ИИ, расшифровывая ее как ин-валидный интеллект. Думаю, что более адекватной будет другая расшифровка: ИИ – это идеальный идиот. Между прочим, следовало бы задуматься, почему у нас сохраняется традиция тратить неизмеримо большие средства на создание ИИ, чем на исследование и развитие нормального человеческого мышления. Адептам ИИ хорошо бы вспомнить, сколько миллиардов долларов стоило объяснение ИИ того, что человечество переходит в следующее тысячелетие.

Может быть, психологически полезной окажется попытка при построении образа деперсонализированного монстра придать ему персональные черты, субъективировать его, встроить в него пусть собирательный, но образ живого противника. Ведь мы же оживляем и даже поэтизируем Космос, заигрываем с ним. Со слепой силой действительно трудно иметь дело. Она вселяет ужас. Действительно, хочется воспользоваться ломом...

Проигрыш Каспарова в последнем матче имел в основном психологические причины. Уходя в защиту, он подчинился программе, что оказалось гибельным. По его словам погрузившись в детали, он утратил панорамность своего собственного мышления, а значит, если не потерял себя, то ослабил веру в свои силы. Такого противника нужно было бить «по седьмому варианту», то есть занимать не реактивную, а активную позицию. В следующем матче от Каспарова требуется «чистое творчество», пусть даже в хорошо известных классических позициях. Думаю, что гений все же может поставить идиота в тупик, загнать его в угол, чтобы, как говорит Разуваев, «Товарищ Pentium заметался в критической позиции, не зная, на каком ходе остановиться». Как ни странно, но от Каспарова (или другого храбреца) требуется не только предельное напряжение его интеллектуального и творческого потенциала, игровое настроение, чувство юмора, но и непоколебимая вера в себя. Все это вместе взятое даст ощущение свободы, силы, но не превосходства, которое непозволительно даже при условии высочайшего профессионализма и мастерства. Ибо оно чревато недооценкой противника, что и произошло с Каспаровым.

В заключение этого шахматного этюда позволю себе – профану в шахматах – сказать, что шахматы не только игра (работа, труд, усилие ума), но и кипение страсти. Шахматы – это, конечно, логика, но и интуиция, разумеется, не беспочвенная, а основанная на опыте, знании, таланте, гении. Иначе говоря, шахматы – это чудо, тайна, подобная музыке, балету, поэзии... И будет очень жаль, если эта тайна уйдет к компьютеру, который не получит от владения ею никакого удовольствия. И не раскроет ее, ибо идиоту она не интересна.

Литература

1. Газета «Комсомольская правда». 1999. 27 января.
2. *Мандельштам О.* Собрание сочинений (в 2-х томах). – М., 1990.
3. *Разуваев Ю.* Газета «Неделя». 1998. № 9.
4. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. Издание третье. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 136 с.
5. *Мамардашвили М.К.* Картезианские размышления. – М.: Прогресс, 1993.
6. Газета «Известия». 2000. 2 марта.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД И КИБЕРНЕТИКА ВТОРОГО ПОРЯДКА

КИБЕРНЕТИКА ВТОРОГО ПОРЯДКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ И НА ЗАПАДЕ *

© В.А.Лефевр (США)

*Калифорнийский университет, г. Ирвайн, США,
профессор*

1 . Кибернетика второго порядка

В начале 1960-х годов в кибернетике произошли удивительные изменения: исследователь, изучающий Вселенную, внезапно сам оказался объектом исследования. Язык системных представлений и когнитивные процедуры сами стали объектами изучения, такими же, какими раньше были морфологические и функциональные процедуры. Процесс «само-объективизации» шел независимо в Советском Союзе и на Западе. Это показывает, что кибернетика развивается согласно собственной имманентной логике независимо от сиюминутной моды, индивидуальных предпочтений отдельных ученых или культурных стереотипов. С другой стороны, различия в советском и западном подходах представляют интерес для сравнения. Их интеграция позволит нам увидеть более ясно общую структуру проблем, методов и схем, которые составляют кибернетику.

Понятие «само-объективизации» носилось в воздухе на московских философских и кибернетических семинарах начала шестидесятых. Кажется, я был первым, кто сформулировал ясно эту идею (Лефевр, 1965). В это время я работал в закрытом военном институте, занимающемся автоматизацией принятия решений. Проблема «само-объективизации» встала передо мной не только в абстрактной философской форме, но и как проблема, связанная с описанием взаимодействия военных систем. Я разработал специальный формализм под названием «рефлексивный анализ» и ввел понятие «рефлексивное управление», которое удобно использовать для изучения информационного воздействия на систему, способную осознавать и себя, и систему, оказывающую воздействие.

В 1967 году мне удалось опубликовать в открытой печати книгу под названием «Конфликтующие структуры», в которой были описаны

* Перевод статьи В.А.Лефевра, опубликованной в сборнике POWER, AUTONOMY, UTOPIA. New Approaches toward Complex Systems / Edited by Robert Trappl, Plenum Press. 1986.

основные результаты моей работы. Позволю себе процитировать два пассажа из этой книги:

Мы выделим особый класс объектов, которые назовем «объектами, сравнимыми с исследователем по совершенству».

Рассмотрим, например, командующего армией как исследователя, который желает исследовать лежащий перед ним объект – армию противника. Он может начать рассматривать этот объект как обычный: например, построить конфигуратор, состоящий из двух проекций: на одной будет отражаться пространственная локализация элементов противоположащей армии, на другой – функциональная структура, но этого далеко недостаточно для решения стоящих перед ним задач.

Самым главным, с точки зрения командующего, является отражение замыслов противоположной стороны и выяснение того, в какой степени вскрытые пространственные и функциональные структуры являются «естественными», а в какой они специально предназначены противником для того, чтобы он, исследователь-командующий, отразил их в своем конфигураторе именно такими. В этом случае исследователь должен отразить «внутренний мир» объекта. Для этого он должен владеть специальными средствами, которые мы будем называть рефлексивными. Различие между объектом и исследователем, столь четкое обычно, в этом случае исчезает. Сторонний наблюдатель, исследующий процесс исследования объектов и, как правило, отождествляющий себя с исследователем, попадает в затруднительное положение. Действительно, как ему быть, если объект сам является исследователем! Наблюдатель может становиться в этом случае на «патологическую» позицию: смотреть на все происходящее с точки зрения объекта (рассмотреть исследователя с точки зрения объекта!) (Лефевр, 1967, с. 9-10).

Сложный организм предстает перед нами как особый симбиоз различных структур, выполненных в одном и том же материале. В одном «морфологическом теле» выполнено несколько различных функциональных структур, каждая из которых живет своей собственной жизнью... Мы можем проиллюстрировать свою мысль примером,

Рис. 1

который встречается во многих популярных книгах по психологии.

На рис. 1 приводятся два изображения, которые выполнены из одних штрихов: с одной стороны – это профиль, с другой – это мышь. Мы можем прочесть этот рисунок дважды, и то, что мы видим, определяется нашей схематизацией.

Теперь пусть читатель представит себе, что мышь и профиль, каждый в отдельности, живут своей собственной жизнью. Пусть они (а не внешний наблюдатель)

смотрят на себя, «ощущают» свою целостность и, кроме того, пытаются изменять конфигурацию своих органов. Мышь, например, извивая свой хвост, тем самым топорщит кожу на шее у профиля. Чтобы существовать, чтобы оставаться мышью и профилем, они должны выполнять определенные обязательства друг перед другом. Кроме того допустим случай, когда один из них может измениться так, что сохранит свои необходимые признаки, но разрушит своего партнера.

Мы построили абстрактный объект, в котором из единого материала выполнено несколько различных исследователей-конструкторов. Процесс «видения» объекта мы замкнули на сам объект (Лефевр, 1967, с. 17-18).

Эта идея объекта-исследователя аналогична афоризму фон Ферстера, приведенному в предисловии к собранию его сочинений Франциско Варелой (von Foerster, 1981, p. xvi):

Кибернетика первого порядка – это кибернетика наблюдаемых систем. Кибернетика второго порядка – кибернетика наблюдающих систем.

Я буду использовать термин «кибернетика второго порядка» именно так: это набор понятий и методов для исследования «наблюдающих систем». Идеи кибернетики второго порядка играли совершенно разную роль в Советском Союзе и на Западе. В Советском Союзе с их помощью формировались методы влияния на процессы принятия решения противником в условиях военного конфликта.

Понятие «рефлексивного управления» использовалось для описания и планирования такого влияния (см., например, книги заместителя начальника Генерального штаба, В.В. Дружинина, 1972, 1976, 1982). На Западе же кибернетикой второго порядка занималась маленькая группа исследователей, облакающих свои работы в достаточно эзотерическую форму.

Западная кибернетика второго порядка разработала более развитую эпистемологию, в то время как Советская превзошла Запад в ясных формулировках и способности решать специфические задачи.

2. Само-отнесенность и само-рефлексия

Наиболее значительное отличие между Западным и Советским подходами заключается в том, что Запад был занят биологическими проблемами, а Советский Союз - психологическими. При изучении механизмов репродуцирования биологических систем одна из главных проблем состоит в том, чтобы объяснить существование абсолютно адекватного «образа себя» внутри системы, избежав при этом парадоксов само-отнесенности.

При описании психологической рефлексии не возникает проблемы адекватности между образом и оригиналом. Главная задача заключается в том, чтобы найти способы регистрации различий между ними.

Таким образом, для биолога проблема само-представления связана с классической задачей само-отнесенности, в то время как для психолога она связана с классической проблемой неадекватности рефлексии. Это ведет к различным путям конструирования формализмов:

ЗАПАД

Постулируется возможность адекватного само-представления
Выводятся законы само-представления

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Постулируются законы само-представления
Рассматриваются все возможные отображения
Выводятся ограничения для адекватного само-представления

3. Формализмы

Наиболее известная в Западной кибернетике попытка создать формальный вычислительный аппарат для описания само-отнесенности принадлежит Франциско Вареле (*Francisco Varela, 1975*), который модернизировал для этой цели «Законы форм» Спенсера Брауна (*Spencer Brown, «Laws of Forms», 1969*). Система аксиом выбирается таким образом, чтобы существовала само-отнесенность. Вселенная, спрятанная за за этой системой аксиом представляет собой лист бумаги, на которой живет индивид-оператор-объект оперирования, который способен существовать в копиях и образовывать различные плоские конфигурации. Правила «эквивалентности» трансформации задаются таким образом, чтобы достигалось «равенство», интерпретируемое как «реализация» само-отнесенности.

Мое представление систем с рефлексией дано в книге «Конфликтующие структуры» (*Лефевр, 1967, 1973*). Кратко, формализация заключается в следующем. Вводятся символы $T, x, y, z, +$, и $()$. T есть «реальность», x, y, z , взаимодействующие индивиды; $+$ знак объединения элементов, а скобки используются для отделения «внутренних миров». Вселенная (вместе с индивидами, которые ее отражают) представляется полиномом. Например, в момент времени t_0 Вселенная была:

(0) $S_0 = T$, т.е. «реальность», с точки зрения внешнего наблюдателя.

Затем в момент времени t_1 индивид X «осознал» Вселенную:

(1) $S_1 = S_0 + S_0 x = T + Tx$, где Tx есть реальность T , с точки зрения X .

В момент времени t_2 индивид Y произвел акт осознания:

(2) $S_2 = S_1 + S_1 y = T + Tx + (T + Tx)y$, где $(T + Tx)y$

означает, что у Y есть образ реальности (T) и образ реальности, с точки зрения X (Tx).

И, наконец, в момент времени t_3 индивид Z произвел акт осознания:

(3) $S_3 = S_2 + S_2 z = T + Tx + (T + Tx)y + (T + Tx + (T + Tx)y)z$,

где $(T + Tx + (T + Tx)y)z$

означает, что у Z есть образ $T + Tx$ и образ $T + Tx$ с точки зрения Y .

Зададим теперь вопрос, каковы формальные правила преобразования Вселенной из одного состояния в другое в вышеприведенном примере.

Эти преобразования могут быть описаны как процедуры умножения полиномов с булевыми коэффициентами:

$$S_1 = T(I + x)$$

$$S_2 = T(I + x)(I + y)$$

$$S_3 = T(I + x)(I + y)(I + z).$$

Таким образом, у нас есть полиномы двух типов: одни фиксируют состояния рефлексивных систем, и другие - операцию осознания. (Под-

робное описание этих проблем дано в моей книге «Конфликтующие структуры».)

Сравнивая выражения, изображающие простейшие акты само-представления в «законе форм» и в рефлексивном анализе, можно сделать вывод: в законе форм элементарный акт связан с вычислительной процедурой, а в рефлексивном анализе такой процедуры нет. Вследствие этого, каждая конфигурация в законе форм имеет свое собственное значение, а полином, представляющий рефлексивную систему, не имеет. С другой стороны, синтаксическая структура формул в рефлексивном анализе имеет психологическую интерпретацию, а в законе форм акты само-представления не имеют биологической интерпретации. Следовательно, в западной кибернетике доминантной идеей стала идея вычисления, а в Советском Союзе – идея структуры.

4. Кибернетический куб

Чтобы представить кибернетику как интегрированную область исследования, я построю «кибернетическое пространство» в виде куба, три ребра которого будут соответствовать трем фундаментальным «идеям-координатам»: структуре (X), вычислениям (Y) и рефлексии (Z).

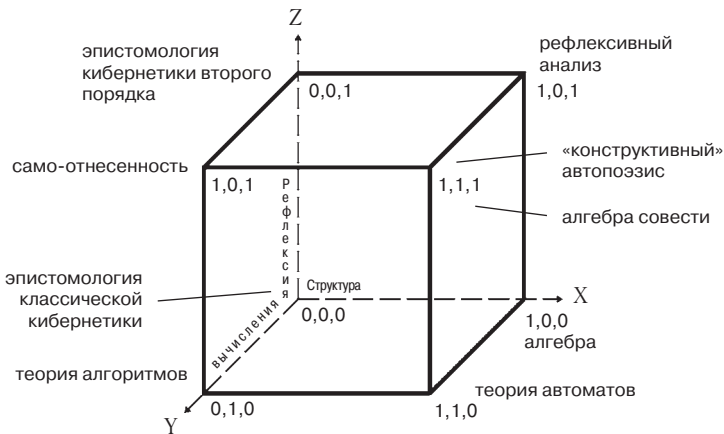

Рис. 2

1. Традиционной кибернетике соответствует грань XY . Доминирующими на этой грани являются идеи структуры и вычислений: общие эпистемологические проблемы (0,0,0), алгебра (1,0,0), теория алгоритмов (0,1,0) и теория автоматов (1,1,0). В этой области нет существенных отличий между советской и американской кибернетикой.

2. Проблемы, связанные с само-отнесенностью, лежат на грани YZ . Понятие структуры на этой грани не имеет онтологической интерпрета-

ции (оно не используется ни для чего, что отличалось бы от процесса вычисления). Эта область хорошо развита в американской кибернетике и совсем не развита в советской.

3. Рефлексивный анализ соответствует грани XZ. Здесь понятие вычислений не имеет онтологического смысла, отличного от процедуры структурирования информации. Эта область хорошо развита в советской кибернетике и не развита в американской.

4. Кибернетика второго порядка лежит на верхней грани. Но американская и советская кибернетики находятся на различных ребрах куба и дополняют друг друга.

5. Точка (1,1,1) соответствует синтезу всех трех фундаментальных понятий. Мы можем найти тут автоматы с семантикой, у которых есть биологическая или психологическая интерпретация. Появление кибернетики второго порядка есть появление нового измерения - рефлексии, но оно вводилось по-разному в Советском Союзе и на Западе. В Советском Союзе идея рефлексии была объединена с идеей структуры, в результате чего появился рефлексивный анализ. На Западе идея рефлексии была объединена с идеей вычислений, в результате чего в кибернетику проникло понятие само-отнесенности.

5. Синтез

Кибернетический куб позволяет предсказать дальнейшее развитие кибернетики: синтезирование всех трех идей - структуры, вычислений и рефлексии. Один из первых шагов состоял в построении «алгебры совести».

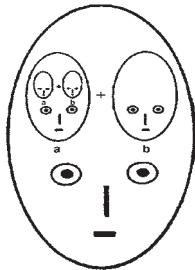

Рис. 3

Ее главная идея может быть пояснена рис. 3. Внешний овал это индивид, у которого есть образы: себя (внутренний овал а), своего партнера (внутренний овал b), и своих отношений с ним (знак +). У образов тоже есть образы (маленькие овалы) и т.д. Все вместе они образуют рефлексивную структуру, изоморфную экспоненциальной формуле:

$$a + b$$

$$a \quad + \quad b$$

$$a \quad ,$$

которая, с другой стороны, представляет собой функцию. Мы получили, таким образом, графический объект (формулу), которая может быть интерпретирована как процедура вычисления. Этот метод позволяет представлять одновременно и сознание индивида, и его поведение (подробное описание дано в книге «Algebra of Conscience», *Lefebvre, 1982*). Другой шаг в сторону объединения трех основных идей кибернетики был сделан Варелой (*Varela, 1979*), Матураной и Варелой (*Maturana*

and Varela, 1980) и Зелены (Zeiny, 1980) в развитии теории автопоэзиса, в части, связанной с моделированием биологических систем.

Ветви кибернетики второго порядка, развиваемой в Советском Союзе и на Западе, как мы уже отмечали, дополняют друг друга. И как следствие, синтез трех основных идей – структуры, вычислений и рефлексии – будет также означать синтез советской и западной кибернетики.

Литература

1. Баранов П.В. (1976). Рефлексивное управление и рефлексивная структура решений в играх двух лиц со строгим соперничеством. / Проблемы принятия решений, Москва.
2. Баранов П.В., Трудолюбов А.Ф. (1969а), Об одной игре человека с автоматом, проводящим рефлексивное управление / Проблемы эвристики. М.: Высшая школа.
3. Баранов П.В., Трудолюбов А.Ф. (1969b). О возможности создания схемы рефлексивного управления, независимой от сюжета экспериментально-игровой ситуации / Проблемы эвристики. М.: Высшая школа.
4. Баранов П.В., Трудолюбов А.Ф. (1977). Рефлексивные процессы в играх на сетях зависимостей / Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. Москва.
5. Дружинин В.В., Конторов Д.С. (1972). Идея, алгоритм, решение. М.: Военное издательство.
6. Дружинин В.В., Конторов Д.С. (1976). Вопросы военной системотехники. М.: Военное издательство.
7. Дружинин В.В., Конторов Д.С. (1982). Конфликтная радиолокация. М.: Радио и связь.
8. Лефевр В.А. (1962). О способах представления объектов как систем. / Логика научного исследования (Матер. конференции). Изд. Киевского университета.
9. Лефевр В.А. (1965). О само-организующихся и само-рефлексивных системах и их исследовании / Проблемы исследования систем и структур. М.: Академия наук СССР.
10. Лефевр В.А. (1967). Конфликтующие структуры. М.: Высшая школа; 2-е изд. 1973, М.: Советское радио.
11. Lefebvre, V. A. (1969b). Janus-Kosmologie, Ideen des exakten Wissens, No.6.
12. Lefebvre, V. A. (1970). Das System im System, Ideen des exakten Wissens, No. 10
13. Lefebvre, V. A. (1972). A Formal Method of Investigating Reflective Processes, General Systems, Vol.XVII.
14. Lefebvre, V. A. (1973). Auf dem Wege zur psychographischen Matematik, Ideen des exakten Wissens, No.6.
15. Lefebvre, V. A. (1975). Iconic Calculus: Symbols with Feeling in Mathematical Structures, General Systems, Vol. XX.
16. Lefebvre, V. A. (1977). The Structure of Awareness: Toward a Symbolic Language of Human Reflexion. Beverly Hills: SAGE Publications.
17. Lefebvre, V. A. (1982). Algebra of Conscience: A Comparative Analysis of Western and Soviet Ethical Systems. Dordrecht, Holland: D.Reidel Publishing Company.
18. Lefebvre, V. A. and G. L. Smoljan. (1969a). Algebraische Darstellung menschlicher Konfliktsituationen, Ideen des exakten Wissens, No. 1.
19. Лепский В.Е. (1969). Исследование рефлексивных процессов в эксперименте на матричной игре с нулевой суммой / Проблемы эвристики, М.: Высшая школа.
20. Maturana, H. R. and F. Varela (1980). Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht, Holland: D.Reidel Publishing Company.

21. Spencer Brown, G. (1969) *Laws of Form*. London: George Alien and Unwin.
22. Тоом А.Л. (1973). Способы принятия решений в одном классе игр // *Известия АН СССР. Техническая кибернетика*, № 3.
23. Тоом А.Л. (1976). Несимметричная коммуникация, фокализация и управление в играх / *Семиотика и информатика*, № 7.
24. Тоом А.Л. (1978). О роли знаковой ситуации в играх / *Семиотика и информатика*, № 10.
25. Тоом А.Л. (1981). На пути к рефлексивному анализу художественной прозы / *Семиотика и информатика*, № 17.
26. Toom, A. L. and A. F. Trudoliubov. (1974). *Reflexive Wechselbeziehungen im Kollektiv, Ideen des exakten Wissens*, No. 3.
27. Трудолобов А.Ф. (1972). Решения на сетях зависимостей и рефлексивные многочлены / IV Симпозиум по кибернетике, Тбилиси.
28. Шрейдер Ю.А. (1973). К построению языка описания систем // *Системные исследования*. М.: Наука.
29. Шрейдер Ю.А. (1975). Сложные системы и космологические принципы // *Системные исследования*. М.: Наука.
30. Шрейдер Ю.А. (1983). Особенности описания сложных систем // *Системные исследования*. М.: Наука
31. Varela, F. (1975). *A Calculus for Self-Reference, General Systems*.
32. Varela, F. (1979). *Principles of Biological Autonomy*. North Holland, New York.
33. von Foerster, H. (1981) *Observing Systems*. USA: Intersystems Publications.
34. Zeleny, M., Ed. (1980) *Autopoiesis, Dissipative Structures, and Spontaneous Social Orders*. Boulder, CO: Western Press

Диалог В.А. Лефевра с С. Биром

С. Бир: По поводу различения психологической и логической само-отнесенности, меня всегда интриговало, в чем же разница? Вы (поворачивается к Лефевру) говорили об этом. Я никогда не был в России; я натолкнулся на эту проблему в ходе нескольких встреч, которые мы организовывали на тему само-отнесенности. Очень странно, что здесь есть несовместимость. Некоторые люди подходят к само-отнесенности с логической точки зрения, другие – с психологической. Мне трудно даже подключаться к такой дискуссии. Поэтому мне было бы интересно узнать, что Вы думаете о том, как они относятся друг к другу?

В. Лефевр: Я приведу пример. Рассмотрим социальный или культурный портрет святого. Вопрос: знает ли святой, что он святой? Конечно, если святой полагает, что он святой, с культурной точки зрения, он не святой. Значит ответ на вопрос, может ли индивид считаться святым, зависит от того, кто наблюдатель. Чтобы описать себя, организм должен иметь адекватный образ себя (логическая само-отнесенность). Но святой, чтобы оставаться святым, не должен думать, что он святой (психологическая само-отнесенность).

Перевод с английского Викторины Лефевр

ОТОБРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В МАТЕМАТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ РЕФЛЕКСИВНОГО ВЫБОРА

© Т.А.Таран(Украина)

Национальный технический университет
Украины «КПИ»,
профессор, доктор технических наук

Введение

Поступки человека трудно предсказуемы, однако в привычных ситуациях он обычно демонстрирует некоторые устойчивые схемы поведения. Схемы складываются на основании индивидуального опыта, который формирует уникальные когнитивные структуры личности. Однако люди, живущие в социальной среде, помимо индивидуального, имеют и общий опыт. Социальная среда устанавливает культурные нормы поведения, которые образуют общепринятую систему ценностей. Поэтому, несмотря на индивидуальные различия, люди, находящиеся в одной и той же ситуации, проявляют некоторую общность поведения, обусловленную нормами, принятыми в данной социальной среде. Устанавливаемые культурой нормативные схемы поведения создают возможность предсказания поведения людей в некоторых ситуациях. Этот уровень предсказуемости недостаточен, чтобы предсказать чужую судьбу, но достаточен для прогнозов течения повседневной жизни [1].

В психологии выделяют два способа существования человека: реактивный и рефлексивный [2]. При первом способе человек живет в мире непосредственных связей и не выходит за их пределы. При втором возможен выход за пределы привычной жизнедеятельности в результате осознания обыденной жизни и появления нового отношения к ней. Не всегда этот выход изменяет жизнь человека к лучшему; примером тому могут служить тоталитарные секты, где человек осознанно принимает нормы, весьма отличные от общепринятых, и начинает жить, руководствуясь ими. В [3] рассмотрены типовые механизмы

рефлексивного управления, используемого в тоталитарных сектах, а также способы, с помощью которых членам секты навязываются необычные нормы жизни.

Данная работа основана на математических моделях [4–8], описывающих рефлексивное поведение субъекта в ситуации выбора. Формальный анализ математической модели позволил сформулировать основные принципы рефлексивного управления, совпадающие по своей интерпретации с психологическими исследованиями в области рефлексии. Интерпретация формальных результатов выявляет, какие личности более подвержены влиянию извне, а какие – менее; как самооценка и предыдущий опыт человека влияют на его подверженность рефлексивному программированию и управлению. В частности, исследуется, как в моделях рефлексивного выбора различаются феномены рефлексивного программирования и рефлексивного управления.

Многозначные булевы системы норм

Будем рассматривать рефлексивную модель нормированного поведения [7, 9], под которым понимается поведение, регулируемое некоторой системой культурных норм.

Система норм строится следующим образом [7, 8]. Рассматривается множество альтернативных действий, между которыми происходит выбор. Каждая альтернатива оценивается на множестве биполярных конструктов – шкал с позитивным и негативным полюсами. Полагаем, что позитивный полюс (1) соответствует некоторой *норме*, а негативный полюс (0) соответствует ее противоположности, которую называем *антинормой*. Например, на шкале *выгодно – невыгодно* позитивным полюсом может быть *выгодно*, негативным – *невыгодно*, на шкале *честно – нечестно* позитивный полюс – *честно*, негативный – *нечестно*. Тогда двоичный выбор между позитивным и негативным полюсами (т.е. между 1 и 0) может интерпретироваться как выбор между *нормой* и *антинормой*.

Декартово произведение таких шкал образует частично упорядоченное множество различных комбинаций *норм* и *антинорм*. Эти комбинации мы назовем *слабыми нормами*. Если обозначить каждую *норму* 1, а *антинорму* – 0, то каждой *слабой норме* соответствует булев вектор. Так, слабой норме *<выгодно, нечестно>* соответствует вектор (1, 0), а *<невыгодно, честно>* – (0, 1). Комбинацию, состоящую из одних позитивных полюсов, будем называть общей *Нормой* (в нашем примере – это *<выгодно, честно>*), а комбинацию, состоящую из одних негативных полюсов, будем называть общей *Антинормой* (*<невыгодно, нечестно>*). Такое упорядоченное множество образует булеву решетку $\langle L, \leq \rangle$, в которой общая *Норма* – единица ($\sup L = 1$), а общая *Антинорма* – нуль

решетки ($\inf L = \mathbf{0}$). Промежуточные значения – слабые нормы $x \in L$ – лежат между *Антинормой* и *Нормой*: $\mathbf{0} < x < \mathbf{I}$.

Отношение порядка $x \leq y$ на множестве *слабых норм* будем интерпретировать так: *норма* x – **более** *слабая норма*, чем y , т.е. y – **более** *сильная норма*. Тогда общая *Норма* – наиболее сильная из всех *норм*. На такой булевой решетке можно определить *логику норм* [9], которая изоморфна многозначной булевой логике $B_n = \langle L, \vee, \&, \neg \rangle$ с операциями дизъюнкции $x \vee y \equiv \sup\{x, y\}$ и конъюнкции $x \& y \equiv \inf\{x, y\}$, где $x, y \in L$. Операция отрицания $\neg x$ соответствует дополнению x в решетке L .

Выделенным истинностным значением логики норм является *Норма*: \mathbf{I} . Значение импликации $x \rightarrow y$ определяется как точная верхняя грань значений $\neg x, y$: $x \rightarrow y = \neg x \vee y = \sup\{\neg x, y\}$. Импликация будет принимать значение, равное \mathbf{I} , во всех случаях, когда $x \leq y$, т.е.:

$$|x \rightarrow y| = \mathbf{I}, \text{ если и только если } x \leq y.$$

Каждое действие, которое субъект может выбрать в некоторой ситуации, получает оценку на шкале норм¹. Модель рефлексивного поведения отражает готовность субъекта к выбору действия, удовлетворяющего определенному подмножеству норм. Поэтому в дальнейшем под *альтернативой* мы будем понимать ту или иную (слабую) норму на булевой шкале норм. Введение многозначных оценок, каждая из которых имеет противоположную ей оценку на булевой шкале норм, позволяет исследовать некоторые особенности альтернативного выбора. В работе [9] исследован механизм влияния психологической установки на формирование интенций субъекта; условия, при которых сбываются ожидания субъекта по отношению к внешнему миру; влияние самооценки на выбор субъекта, а также условия, при которых выбор диктуется давлением среды. Эти результаты дают возможность оценить готовность субъекта к выбору той или иной альтернативы и степень свободы выбора, на основании которых можно в некоторой степени предсказать поведение субъекта. Предсказуемость дает возможность управления. В данной работе мы рассмотрим полученные результаты с точки зрения управляемости.

Модель рефлексивного выбора

Основные результаты, полученные при исследовании многозначной булевой модели рефлексивного выбора, сводятся к следующему [9]. Рассматривается модель субъекта, который должен сделать выбор од-

¹ Отображение множество действий \Rightarrow множество норм, где множество норм – булева решетка, можно рассматривать как нечеткое множество с функцией принадлежности, принимающей значения на булевой решетке норм. Однако, мы не будем придерживаться терминологии нечетких множеств, рассматривая только операции на значениях функции принадлежности.

ного из возможных действий. За каждым действием стоит множество соображений, которые могут включать как соображения выгоды, полезности, безопасности, так и моральные ценности: добро и зло, честность и нечестность и т.п. Эти соображения формализуются в нашей модели оценками действий на шкале норм. Функция готовности субъекта к выбору имеет вид [6]:

$$A1 = (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1. \quad (1)$$

Переменная $a1$ описывает давление среды к выбору одной из альтернатив. Это реальное давление среды, которое не осознается субъектом, но ощущается на подсознательном уровне. Представление субъекта о давлении среды описывается переменной $a2$. Это его психологическая установка, которая складывается на основании предыдущего опыта субъекта и проявляется в том, что у субъекта есть некоторые ожидания относительно внешнего мира в сложившейся ситуации. Переменная $a3$ описывает планы субъекта к выбору одной из альтернатив, т.е. его интенции или желания, которые он хотел бы осуществить. $A1$ – это та альтернатива (оценка действия на шкале норм), которую субъект готов выбрать.

Полагаем, что переменные формулы (1) принимают любые значения на булевой решетке норм $\langle L, \leq \rangle$ независимо друг от друга: $A1, a3, a2, a1 \in L$. Выражение $A2 = (a3 \rightarrow a2)$ в формуле (1) интерпретируется как «образ себя» для субъекта A , т.е. его самооценка. Если субъект не имеет никаких планов или интенций, то его готовность к выбору $A1$ не зависит от $a3$ и описывается значением $a2 \rightarrow a1$, которое называем *примитивным выбором*.

Если готовность субъекта к выбору совпадает с его интенциями, т.е. $A1 = a3$, то выбор субъекта называем *реалистическим* [4]. В этом случае субъект совершает выбор осознанно, в соответствии с собственными желаниями, и может претворить свои планы в действия. Для рефлексивного управления субъектом нужно, чтобы его желания совпадали с давлением среды, тогда он будет осознанно выбирать то, к чему склоняет его внешний мир.

Условия реалистического выбора определяются как все решения уравнения

$$(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a3. \quad (2)$$

Это означает, что в условиях реалистического выбора интенции субъекта зависят только от ожидаемого и реального давления среды, т.е. $a3 = f(a1, a2)$. Иными словами, внешняя среда и психологическая установка (ожидаемое давление мира) субъекта формируют его интенции, которые он способен претворить в действия.

В [7] доказано, что субъект имеет возможности сделать реалистический выбор, если его интенции лежат между реальным давлением

мира и примитивным выбором:

$$a1 \leq a3 \leq a2 \rightarrow a1. \quad (3)$$

В [9] тот же результат получен как готовность субъекта, который стремится выбрать наиболее сильную норму из всех возможных в сложившейся ситуации. Полученные результаты приводят к выводу: **если человек стремится к наилучшему для себя поведению, то это приводит к реалистическому выбору.**

Этот вывод согласуется с основной концепцией психологии личностных конструктов Келли: *психологические процессы человека направляются по тем каналам, в русле которых он предвосхищает события* [11]. Человек, в инстинктивном стремлении избежать разочарования, неприятностей и страдания, стремится заглянуть в будущее. Каждый раз, когда человек оказывается перед выбором, он стремится выбрать такую альтернативу, которая обеспечивает ему наилучшую основу для предвосхищения событий. Выбор может быть однозначным или допускать некоторую неопределенность, которая может быть разрешена в будущем. Эти две возможности и определяют границы реалистического выбора: человек может просто подчиниться давлению среды или выбрать более сильную альтернативу, не превосходящую, однако, примитивного выбора по своей оценке.

Действительно, из (3) видно, что наилучший реалистический выбор, который может сделать субъект, определяется примитивным выбором:

$$a3 = a2 \rightarrow a1 = \neg a2 \vee a1 = \sup \{ \neg a2, a1 \},$$

т.е. как наиболее сильная норма из $\neg a2$ и $a1$. Таким образом, субъект, ожидая от мира давления в сторону $a2$, рассматривает противоположную возможность $\neg a2$ и выбирает наилучшую альтернативу из $\neg a2$ и $a1$.

Этот результат совпадает с тезисом Келли об истолковании: *каждый человек предвосхищает события путем истолкования их повторений* [11]. Под истолкованием понимается такая интерпретация событий и явлений, в которой они приобретают смысл для человека. Самое простое, что может сделать человек в той или иной ситуации, – просто подчиниться давлению среды, реализуя реактивный способ существования. Но стремление к улучшению своего положения приводит к возможности выбора.

В нашей модели возможности выбора определяются как давлением мира, так и психологической установкой субъекта, т.е. его прошлым опытом. Переменная $a2$, которой придается смысл психологической установки субъекта, как раз и описывает истолкование субъектом давления внешнего мира. Конкретное истолкование основано на предыдущем опыте субъекта – это его интерпретация давления внешнего

мира, которая содержит некоторые оценки событий, как позитивные, так и негативные.

Человек отмечает признаки, характерные для этого давления и не характерные для него, соответствующие нормам и не соответствующие им. Тем самым он находит оценку на шкале норм. Основной процедурой истолкования является выявление сходства и различия. Стараясь предвосхитить события, чтобы избежать неприятностей, субъект рассматривает и противоположную альтернативу. Он создает конструкты, по которым он выделяет подобные элементы и отмечает противоположные им элементы. Эти биполярные конструкты играют роль шкал, из которых строится система норм.

Таким образом, сталкиваясь с проблемой выбора, человек всегда рассматривает две противоположные оценки. Если одна из них, a_2 (та, к которой он склоняется), имеет для него смысл позитивной оценки, то противоположная ей, $-a_2$, – негативной. Часто она отражает его опасения и страхи, т.е. нежелаемый результат выбора. Из «двух зол» человек выбирает меньшее: ту альтернативу, которая сильнее («лучше») на шкале норм.

Для несравнимых элементов $-a_2$ и a_1 примитивным выбором будет некоторая наиболее слабая норма z , которая сильнее обеих норм: $-a_2 < z$, $a_1 < z$. Иными словами, в этом случае субъект ищет такую альтернативу, которая на его шкале ценностей сильнее обеих альтернатив $-a_2$ и a_1 . Это дает ему возможность ограниченной свободы выбора: если $a_1 < a_2 \rightarrow a_1$, то он может реализовать любую интенцию – от подчинения давлению среды до примитивного выбора. Любая интенция, лежащая между нижней границей a_1 и верхней $a_2 \rightarrow a_1$ – примитивным выбором, может быть претворена в действие.

Если же мир склоняет субъекта к выбору *Антинормы*, а примитивный выбор – выбор *Нормы*, то субъект обладает полной свободой выбора: $0 \leq a_3 \leq I$. Нетрудно показать, что существует единственная возможность полной свободы выбора на булевой решетке норм: если $a_1 = 0$ и $a_2 = 0$. Полная свобода – это неопределенность выбора: выбор субъекта непредсказуем.

Если примитивный выбор субъекта совпадает с давлением среды: $a_1 = a_2 \rightarrow a_1$, то реалистический выбор субъекта детерминирован влиянием среды: $a_1 = a_3$. Тогда субъект осознанно подчиняется давлению внешнего мира: у него формируются такие интенции, которые совпадают с давлением среды.

Нормативное поведение

Значение $A_1 = I$ означает готовность субъекта к выбору *Нормы*, т.е. готовность к выбору наилучшей альтернативы. Будем называть *нор-*

мативным такое поведение, когда субъект выбирает общую *Норму* на булевой решетке норм.

В нашей модели, если мир склоняет субъекта к выбору *Нормы*: $a1 = I$, то у субъекта формируется соответствующая готовность: $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow I = I$ (так как любое значение $a3 \rightarrow a2 \leq I$). Субъект всегда готов выбрать *Норму*, если мир склоняет его к этому. Более того, по определению импликации, $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = I$ тогда и только тогда, когда $a3 \rightarrow a2 \leq a1$, т.е. давление среды не обязательно равно *Норме* – субъект проявляет готовность к выбору *Нормы* в тех случаях, когда его самооценка $(a3 \rightarrow a2)$ ниже, либо адекватна влиянию внешней среды. Отсюда следует вывод.

Аксиома выбора *Нормы*: Субъект всегда готов выбрать *Норму*, если его самооценка занижена или адекватна влиянию внешней среды.

Если же субъект в момент выбора имеет завышенную самооценку относительно давления внешней среды: $a3 \rightarrow a2 > a1$, то $A1 \neq I$, т.е. он не может быть готов к выбору *Нормы*, то из этого можно сделать вывод, что он более склонен к подчинению внешним обстоятельствам. Действительно, если $a3 \rightarrow a2 = I$ и $a1 \neq I$, то $A1 = a1$, т.е. субъект, имеющий «нормативную» самооценку, всегда готов к подчинению давлению среды.

Самооценку субъекта формируют его желания и ожидания: $a3 \rightarrow a2$. Если $a3 \leq a2$, т.е. если желания не превышают ожиданий, то самооценка будет равна *Норме*: $a3 \rightarrow a2 = I$.

По всей видимости, субъект, желания которого не превышают его ожиданий, имеет самооценку «нормального человека» (привыкшего действовать в стабильной, хорошо известной ему ситуации – он знает, чего можно ждать от окружающего его мира, и не хочет ничего большего). Такой субъект более склонен к подчинению внешней среде, если она предъявляет к нему неадекватные (неожиданные и нежелаемые) требования. Он неспособен выбрать *Норму*, если только мир не склоняет его к этому.

Таким образом, к нормативному поведению склонны субъекты с адекватной внешнему давлению ($a3 \rightarrow a2 = a1$) и заниженной самооценкой. В первом случае субъект способен оценить, как он будет выглядеть, если подчинится давлению среды, т.е. трезво оценить ситуацию и свои возможности. Опуская случай адекватности, получаем, что субъект с заниженной самооценкой более склонен к выбору *Нормы*, нежели субъект с завышенной самооценкой.

Этот результат на первый взгляд может показаться парадоксальным: к нормативному поведению склонны люди с заниженной самооценкой. Однако он согласуется с учениями об этике. Как отмечается в

[12], сознание правильности своего поведения воспринимается человеком как благо, что способствует повышению душевного комфорта, благодаря формированию положительной моральной самооценки у субъекта. «Фактически речь идет о большем: положительная самооценка есть лишь субъективное проявление достигаемого самосовершенствования, что с точки зрения ряда важнейших этических учений составляет наибольшее благо для человека. Парадокс состоит в том, что моральное самосовершенствование не обеспечивает, а затрудняет положительную самооценку, ибо чем выше моральное развитие, тем строже требования к себе. (Никакой святой не способен почувствовать себя святым)» [12].

Это также соответствует исследованиям В.А. Лефевра [6]. Для субъекта, который всегда стремится к выбору наилучшей альтернативы, характерны желания, имеющие наивысшую оценку – *Норму*. В этом проявляется его стремление к совершенству. Тем не менее, оценка «образа себя» у совершенного субъекта никогда не равна *Норме* (в двузначной логике – 1), т.е. никогда не соответствует совершенству. Как только субъект начинает считать себя совершенным, он перестает им быть. Рефлексивная модель отражает этот феномен: заниженная самооценка означает стремление к совершенству и осознание своего несовершенства.

Это стремление описывается математически тем, что заниженная самооценка не равна *Норме*: $a3 \rightarrow a2 < I$, если желания превышают ожидания ($a3 > a2$), т.е. собственный, уже достигнутый опыт. Отсюда следует важный вывод: **субъектом с заниженной самооценкой трудно управлять. Субъекты с завышенной самооценкой легче поддаются влиянию среды.**

Рассмотрим теперь противоположную ситуацию: когда субъект способен выбирать наилучшую альтернативу, т.е. *Антинорму*.

Если мир склоняет субъекта к выбору *Антинормы*: $a1 = 0$, а субъект воспринимает это как давление как *Норму*: $a2 = I$, то он всегда выбирает *Антинорму*.

Действительно, из (3) следует, что $0 \leq (a3 \rightarrow I) \rightarrow 0 \leq I \rightarrow 0 = 0$, и неравенство превращается в строгое равенство: $(a3 \rightarrow I) \rightarrow 0 = 0$. Принимая *Антинорму* за *Норму*, субъект всегда будет выбирать *Антинорму*. Это соответствует аксиоме «вреда доверчивости» Лефевра [6].

Отсюда следует важный принцип рефлексивного управления: чтобы заставить человека выбрать *Антинорму*, необходимо создать у него впечатление о ней, как о *Норме*.

Данный принцип соответствует ситуации элементарного обмана: желаемое выдают за действительное, и, если мы поверим этому, то попадаем на обман. Такое рефлексивное управление «одноязыковое»:

обнаружив обман, мы перестаем доверять обманщику, и заставить нас подчиниться его воле уже гораздо труднее. Новый опыт приводит к тому, что оценка давления мира a_2 уже не равна Норме, и субъект получает некоторую свободу выбора: $0 \leq a_3 \leq -a_2$.

Однако возможности заставить человека выбрать *Антинорму* гораздо шире. Значение $A_1 = (a_3 \rightarrow a_2) \rightarrow 0 = 0$, если «образ себя» для субъекта $A_2 = a_3 \rightarrow a_2 = I$; тогда $A_1 = I \rightarrow 0 = 0$. Самооценка субъекта завышена: он видит себя, выбирающим *Норму*, и проявляет готовность к выбору *Антинормы*, считая это «нормальным» поведением. Отсюда следует вывод: человек с завышенной самооценкой, соответствующей *Норме*, будет склонен подчиниться давлению мира к выбору *Антинормы*.

Равенство $a_3 \rightarrow a_2 = I$ выполняется при условии $a_3 \leq a_2$, т.е. завышенная самооценка появляется, когда желания субъекта не превышают его ожиданий. Следовательно, чтобы сформировать у субъекта завышенную самооценку в момент выбора, нужно создать у него такие ожидания, которые превышают его желания.

Таким образом, аксиому **выбора Антинормы** можно сформулировать следующим образом.

Аксиома выбора Антинормы: Субъект готов подчиниться давлению мира к выбору *Антинормы*, если его желания ниже ожидаемого им давления мира, либо совпадают с его ожиданиями.

Теперь можно сформулировать еще один принцип рефлексивного управления.

Для того чтобы заставить человека выбрать *Антинорму*, необходимо создать у него завышенную самооценку в ситуации выбора. Для этого достаточно создать у него ожидания, превышающие его желания.

Ожидания должны превосходить желания – вот главный принцип рефлексивного управления. Нужно обещать как можно больше. Например, вся коммунистическая пропаганда была основана на страстном непрерывном ожидании «светлого будущего» – коммунизма. Этот принцип не забывают и современные политики, особенно в период предвыборных кампаний.

Влияние психологической установки на выбор

Психологическая установка субъекта в ситуации выбора проявляется как ожидаемое им давление внешнего мира a_2 . По отношению к реальному давлению ожидание может быть заниженным: $a_2 < a_1$, адекватным: $a_2 = a_1$ или завышенным: $a_1 < a_2$. От ожидаемого давления существенно зависит поведение субъекта: совместно с реальным давлением, оно формирует верхнюю границу реалистического выбора. Если ожидания субъекта занижены по отношению к внешнему миру или адекватны

ему: $a2 \leq a1$, то $a2 \rightarrow a1 = I$. Тогда субъект имеет частичную свободу выбора (если только $a1 \neq I$) и может реализовать свои интенции к выбору более сильных норм, чем давление среды: его выбор ограничен сверху только выбором Нормы: $a1 \leq (a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 \leq I$.

Если же субъект имеет завышенные ожидания, т.е. $a1 < a2$, то $a2 \rightarrow a1 \neq I$, и тогда он не может реализовать своих интенций к выбору Нормы: $a1 \leq a3 \leq a2 \rightarrow a1 < I$. Действительно, если $a1 < a2$, и $a1 < \neg a2 \vee a1$, то $a1 \vee a2 < \neg a2 \vee a2 \vee a1$, т.е. $a1 \vee a2 < I$, а поскольку $a1 < a2$, то $a1 \leq a3 \leq a2 \rightarrow a1 < I$.

Таким образом, имея завышенные ожидания по отношению к внешнему миру, субъект никогда не может выбрать Норму. Завышенные ожидания ограничивают свободу выбора и приводят к фрустрации, что создает предпосылки к рефлексивному управлению. Если создать у субъекта установку к выбору Нормы ($a2 = I$), то тем самым у него будет сформирована готовность к подчинению давлению среды, так как любое давление извне он будет воспринимать как более сильную норму, чем та, которой он стремится избежать. Действительно, если $a2 = I$, то $\neg a2 = 0$, и любое значение $0 \leq a1$. В этом случае $A1 = a1$, т.е. субъект обрабатывает любое влияние среды, если оценивает его как Норму. Отсюда следует еще один принцип рефлексивного управления.

Субъект, который любое давление окружения воспринимает как Норму, всегда готов подчиниться этому давлению, причем осознанно.

Этот принцип проявляется в создании «нормативных» образов в тоталитарных системах. Например, в советской идеологии «нормативный» образ был канонизирован в моральном кодексе строителя коммунизма, где перечислялись его положительные качества – нормы. Произведения литературы и кино создавали художественные воплощения этих норм. Окружающая действительность должна была восприниматься сквозь призму этих канонизированных образов как Норма. Любое критическое отношение к действительности пресекалось и искоренялось – с «отдельными недостатками» полагалось бороться так, чтобы критика не могла поколебать завышенную оценку реальности.

Рефлексивное управление субъектом

Рефлексивное управление будем понимать как формирование у субъекта готовности к подчинению давлению внешнего мира: $A1 = a1$. Цель рефлексивного управления – заставить субъекта подчиниться влиянию извне. Как отмечалось выше, возможны два типа управления: рефлексивное программирование и рефлексивное управление [3]. При рефлексивном программировании субъект подчиняется внешнему влиянию независимо от своего желания. В этом случае $A1 = a1$ и $A1 \neq a3$. При

рефлексивном управлении он подчиняется этому влиянию осознанно, т.е. рефлексивное управление направлено на формирование таких интенций, которые совпадают с давлением среды. В этом случае $A1 = a1 = a3$.

Из (1) следует, что реалистический выбор субъекта детерминирован давлением внешнего мира, если

$$(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a1. \quad (4)$$

Рассмотрим случай, когда давление среды совпадает с желаниями субъекта: $a3 = a1$, т.е. субъект подчиняется давлению среды осознанно. Тогда

$$(a1 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a1, \quad (5)$$

т.е. $(a1 \& \neg a2) \vee a1 = a1$. Это равенство (правило поглощения [10]) будет выполнено в любой решетке. Следовательно, **если желания субъекта совпадают с давлением внешнего мира, он всегда готов ему подчиниться.**

Таким образом, важнейший принцип рефлексивного управления: **создать желания, соответствующие внешнему воздействию.** Психологические методики рефлексивного управления субъектом направлены именно на то, чтобы человек сам захотел изменить свой способ существования, и постарался изменить его так, как подсказывают ему обстоятельства или его «наставник» (психотерапевт в клинических случаях). Этот этап – разрыв сложившейся ранее жизнедеятельности; он необходим как для рефлексивного управления, так и для программирования.

В такой ситуации самооценка субъекта определяется его опытом и давлением среды: $A2 = a3 \rightarrow a2 = a1 \rightarrow a2 = \sup\{-a1, a2\}$.

Рассмотрим случай, когда $a1$ и $a2$ несравнимы, т.е. давление среды и предыдущий опыт субъекта лежат «в разных плоскостях», т.е. субъект оказывается в непривычной для него ситуации. Тогда либо $\neg a1 \leq a2$, и $A2 = a2$, либо $\neg a1 \geq a2$ и $A2 = \neg a1$, т.е. $\neg a1 \leq A2$ – самооценка субъекта равна, либо выше значения, противоположного давлению мира. Иными словами, субъект видит себя человеком, который не поддается влиянию среды, противостоит ему. Ожидания не соответствуют реальной ситуации, оцениваются на разных шкалах – предыдущий опыт «не работает». Тогда, если у субъекта формируется самооценка, как у человека, противодействующего внешнему миру, создаются интенции к подчинению давлению среды. Субъект чувствует себя «борцом», противостоящим внешнему миру.

В советские времена этот принцип широко использовался в идеологии. Идея постоянной борьбы: с врагами, с буржуазной идеологией, с влиянием Запада, со стихийными бедствиями, битвы за урожай, за культурный быт и т.п. – позволяли держать в повиновении огромные массы людей. Формирование массового сознания «борцов» с окружающим

миром позволяло довольно удачно манипулировать людьми, затрудняя реальную оценку существующего положения вещей.

Отсюда следует также естественность такого феномена, что большинство людей, которыми трудно управлять, не чувствуют себя «борцами» с окружающим их миром. Они просто живут в этом мире по своим принципам, которые, как правило, не декларируют; однако, если наступает момент, когда от них требуется принять решение, они принимают его на том основании, что «не могут иначе» – и реально противостоят давлению мира.

Отсюда следует еще один важный принцип рефлексивного управления: *для того чтобы заставить субъекта осознанно подчиниться давлению мира, необходимо создать у него ожидания, несравнимые с давлением, и сформировать самооценку, противоположную реальной оценке давления мира.*

Если ожидания субъекта ниже: $a2 < a1$, или выше $a2 > a1$, чем реальное давление мира, то $a2$ и $-a1$ несравнимы. В этом случае $A2 = a3 \rightarrow a2 = a1 \rightarrow a2 = \sup\{-a1, a2\}$, т.е. $-a1 < A2$ и $a2 < A2$ – самооценка выше значения, противоположного давлению мира, и выше ожиданий субъекта. Иными словами, субъект подчиняется давлению мира, если его ожидания неадекватны давлению мира, но желания совпадают с этим давлением.

Как видим, возможности рефлексивного управления субъектом довольно обширны и неоднозначны. Самое главное условие – неадекватность самооценки давлению среды. Тогда можно сформировать желания, соответствующие влиянию извне. Причем, можно показать, что **субъект с заниженными ожиданиями относительно внешней среды имеет тенденцию подчиняться тем влияниям, которые превышают его ожидания, а субъект с завышенными ожиданиями – тем, которые ниже его ожиданий.**

Реактивный выбор: рефлексивное программирование

Рассмотрим ситуации, когда субъект подчиняется давлению среды, даже если он не имеет к этому интенций. Такой субъект просто реагирует на давление мира, вопреки своим желаниям совершая тот выбор, к которому мир склоняет его. В этом случае $A1 = a1$ и $a1 \neq a3$, т.е.:

$$(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a1, \text{ и } a1 \neq a3. \quad (6)$$

Пользуясь определением импликации, (6) можно переписать как $\neg(a3 \rightarrow a2) \vee a1 = a1$. Это равенство будет выполняться, если $\neg(a3 \rightarrow a2) \leq a1$, что возможно только в том случае, если самооценка субъекта $a3 \rightarrow a2$ и давление среды $a1$ несравнимы. Такая ситуация возможна, если субъект оказывается в незнакомой обстановке, относительно которой у него нет опыта; он боится «потерять лицо» и принимает те правила, которые ему диктует среда.

Выражение $\neg(a3 \rightarrow a2) \leq a1$ можно переписать в виде: $a3 \& \neg a2 \leq a1$, откуда следует, что $\neg a2 \leq a1$ и $a3 \leq a1$. Первый случай отражает описанную выше интерпретацию: субъект испытывает страх, ожидая негативных последствий от среды. Во втором случае, поскольку, по предположению, $a1 \neq a3$, то $a3 < a1$: у субъекта нет желания противостоять ситуации, его желания ниже, чем давление среды, поэтому он готов подчиниться этому давлению, независимо от своих желаний. Отсюда следует вывод: **субъект подчиняется давлению среды и не может реализовать свои интенции, если его интенции ниже давления среды: $a3 < a1$.**

Этот вывод соответствует принципам *рефлексивного программирования*, когда человеку навязываются заранее предопределенные точки зрения, позиции, мнения с целью формирования у него готовности к принятию новых форм жизнедеятельности. Для этого, например, можно создать субъекту такие условия жизни, чтобы свести его желания к минимуму, т.е. к таким желаниям, которые не превышают его повседневного опыта. Человек ведь не только реагирует на воздействия среды, – он и сам способен к изменению окружающего его мира, если имеет для этого желание. Задача рефлексивного программирования – исключить подобные интенции.

Тогда основной принцип рефлексивного программирования таков: *человек не должен желать ничего лучшего*. С одной стороны, это могут быть столь хорошие условия, что человек «о лучшем и мечтать не смеет». С другой стороны, наоборот, это могут быть настолько скудные условия существования, когда желания человека сводятся к удовлетворению его насущных потребностей (например, существование в исправительных лагерях и колониях, условия быта в советском обществе, в тоталитарных сектах), – тогда людям «не до политики», их помыслы сводятся к повседневным проблемам выживания. Разумеется, у таких людей легче сформировать и завышенные ожидания: когда условия жизни совсем плохи, можно поверить любым обещаниям. И в том, и в другом случае человек будет легче поддаваться рефлексивному программированию.

Реактивный способ существования

Рассмотрим условия, при которых выбор субъекта совпадает с его ожиданиями. Тогда должно выполняться условие: $(a3 \rightarrow a2) \rightarrow a1 = a2$. Нетрудно показать, что это равенство выполняется при условии:

$$A1 = a2, \text{ если } a3 \leq a1, \text{ и } a1 = a2. \quad (7)$$

Таким образом, **ожидания субъекта сбываются, если они совпадают с давлением мира и его желания не превышают его ожиданий.**

Это условие, при котором рефлексивное управление приобретает стабильную форму. Субъект живет реактивной жизнью, в стабильной среде, предсказуемой благодаря тому, что «правила игры» хорошо известны. Опыт его предыдущей жизни совпадает с реальностью. Чтобы благополучно существовать в такой среде, нужно просто не желать ничего лучшего. Давление среды и ожидания субъекта не обязательно должны соответствовать *Норме*, – им может соответствовать любая оценка на шкале норм. Важна адекватность восприятия. Субъект, адекватно оценивающий давление среды, но не желающий ничего лучшего, будет отрабатывать команды среды, как нечто само собой разумеющееся. Это ситуация, соответствующая реактивному способу существования.

Литература

1. *Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1998.
2. *Рубинштейн С. Л.* Человек и мир / Проблемы общей психологии. М.: Педагогика. 1976. С. 253 – 381.
3. *Лепский В.Е., Степанов А.М.* Рефлексивное управление в тоталитарных сектах // Рефлексивное управление / Сб. статей. Международный симпозиум. 17-19 октября 2000 г. Под ред. В.Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. с. 122 – 133.
4. *Lefebvre, V.A.* Sketch of Reflexive Game Theory. 1998, Proc. of Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behaviour. (August 18 – 20, Los Alamos, New Mexico, USA). 1998. pp. 1-40.
5. *Lefebvre, V.A.* The Cosmic Subject. Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology Press, 1997, 166 p.
6. *Lefebvre, V.A.* The Fundamental Structures of Human Reflexion. The Structure of Human Reflexion: The Reflexional Psychology of Vladimir Lefebvre. Peter Lang Publishing, 1990, pp. 5-69.
7. *Taran, T. A.* Many-Valued Boolean Model of the Reflexive Agent // J. Multiple Valued Logic. OPA N.V. Gordon and Breach Science Publ. 2001. Vol. 7. pp. 97 – 127.
8. *Taran, T. A.* The Formalisation of Ethical Values in Models of Reflexive Behaviour, Proc. of Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behaviour. (August 18 – 20, Los Alamos, New Mexico, USA). 1998. pp. 95 – 108.
9. *Таран Т.А.* Многозначные булевы модели рефлексивного выбора // Рефлексивное управление / Сб. статей. Международный симпозиум. 17-19 октября 2000 г. Под ред. В.Е. Лепского. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000.
10. *Биркгоф Г.* Теория решеток. М.: Наука, 1984, 568 с.
11. *Келли Дж.* Психология личности. Теория личных конструкторов. С.-Пб.: Речь. 2000.
12. *Шрейдер Ю.А.* Лекции по этике. – М.: МИРОС, 1994. 136 с.

**Третий международный научно-практический
междисциплинарный симпозиум
«РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ»
Москва, 8-10 октября 2001 г.**

РЕШЕНИЕ

По инициативе Института психологии РАН (лаборатория психологии рефлексивных процессов) и при содействии Дипломатической академии МИД России 8-10 октября 2001 года в Москве был проведен III Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление».

В симпозиуме приняли участие около 200 человек из России, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Украины, Болгарии, Канады, США. Среди участников – ученые из области гуманитарных и естественных наук, специалисты из сфер политики, дипломатии, государственного управления, журналистики, информатизации и др.

1. Основные цели и задачи симпозиума

В психологии и социологии, в политических науках, в военном деле, экономике и многих других областях знаний требуется описывать в объективных терминах не только материальный, физический параметры систем, но и субъективный аспект, сущность которого состоит во взаимодействии людей. Методы объективного описания систем вместе с их субъективными внутренними мирами и составляют предмет рефлексивных исследований. Роль субъектов могут выполнять отдельные люди, группы людей, организации и целые страны. Отдельные отражения могут быть связаны как с индивидуальными психологическими процессами, так и с макрокультурной перцепцией, создающей, например, у страны обобщенный образ себя. Такое многообразие и предопределяет междисциплинарный характер симпозиума.

Основная задача симпозиума – привлечь внимание ученых из разных областей знаний, специалистов-управленцев и широких кругов общественности к значимости использования рефлексивного подхода для преодоления ряда стереотипов, тормозящих стабилизацию мировых процессов, а также развитие России. Обсуждены актуальные вопросы: политики, экономики, образования, культуры, безопасности, информационных войн, борьбы с терроризмом и миротворчества, информатизации, построения гражданского общества и др.

2. Программа симпозиума

На пленарных заседаниях упор делался на рефлексивные аспекты развития человечества и России. Особое внимание было уделено проблемам нравственности и морали в процессах управления и развития. Горячую дискуссию спровоцировали вопросы, поставленные на Круглом столе «Проблемы стратегического управления и развития России (рефлексивные аспекты)»:

1. Что такое стратегическое управление?
2. Каким требованиям должен удовлетворять стратегический субъект?
3. Стратегические субъекты в России?
4. Что мешает становлению стратегических субъектов России?
5. Что способствует становлению стратегических субъектов России?

На симпозиуме работали семь секций:

1. Субъект. Рефлексия. Деятельность.
2. Рефлексивные процессы: математические модели и синергетика

3. Рефлексивные процессы в политике. Информационные войны, терроризм и миротворческая деятельность
4. Рефлексивные процессы в экономике
5. Рефлексивные процессы в системах поддержки управленческой деятельности
6. Рефлексивные процессы в массовых коммуникациях
7. Развитие рефлексивных способностей

Было заслушано около 100 выступлений.

На симпозиуме прошла презентация первого номера международного научно-практического междисциплинарного журнала «Рефлексивные процессы и управление».

3. Оценка сложившейся ситуации

Участники III Международного междисциплинарного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление» выражают озабоченность в связи с недостаточным осознанием государственными деятелями, деловыми кругами, общественными объединениями мирового сообщества глобальных угроз для безопасности человечества при вхождении в XXI век.

- (1) Стихийные процессы включения в жизнь человечества продуктов научно-технического прогресса, подгоняемого запросами общества потребления, сделали человечество заложником лавинообразно нарастающих угроз для его существования. Сегодня безопасность и развитие человечества оказалась в зависимости не только от национальных концепций, военных доктрин государств и действий их лидеров, но также от целей и нравственных ограничений отдельных группировок и лиц.
- (2) Реализация технических проектов развития Глобального Информационного Общества без одновременного конструктивного решения вопросов обеспечения информационно-психологической безопасности создает новые реальные угрозы для населения Земли. Отсутствие таких решений или их запоздалая реализация могут привести в процессе развития глобальных компьютерных сетей, цифровых и интерактивных технологий в электронных средствах массовой информации и неконтролируемого распространения мультимедийной продукции к подрыву психического и физического здоровья населения Земли. Особую озабоченность вызывает возникновение условий, существенно облегчающих применение некорректных компьютерных психотехнологий в целях манипуляции общественным мнением, навязывания поведенческих установок и в качестве инструмента широкомасштабного экологического террора, что способно привести даже к необратимым изменениям генофонда биосферы.
- (3) Основные концептуальные документы по вопросам обеспечения безопасности имеют, как правило, «оборонный» характер, в силу чего обрекают человечество на постоянное отставание от новых источников угроз, исходящих от асоциальных группировок и отдельных людей, в частности террористических организаций и отдельных террористов. Необходим новый упреждающий подход, сущность которого заключается в раннем прогнозировании, «переигрывании» асоциальных субъектов, в создании условий жизнедеятельности, способствующих формированию механизмов саморегуляции, предотвращающих появление такого рода угроз. Необходимо создание нового инструментария поддержки процессов стабилизации и развития мирового сообщества, прогнозирования и нейтрализации угроз. Традиционные структуры обеспечения международной и национальной безопасности не готовы к действиям в новых условиях. Им понадобится время, которым не располагает человечество и отдельные страны. Решать проблему необходимо всем миром, мобилизацией интеллектуальных ресурсов, на основе новых форм коллективной работы, гибкого взаимодействия государственных и общественных и коммерческих структур.

Рефлексивный подход может быть использован как методологическая и методическая основа организации междисциплинарных работ, направленных на стабилизацию и развитие мирового сообщества на основе установления взаимопонимания и доверия всех видов субъектов, использования новых механизмов согласования их интересов, интеграции при сохранении самобытности и автономности.

В последние годы, благодаря инициативе лаборатории психологии рефлексивных процессов Института психологии РАН, сформировалось международное сообщество специалистов в области исследования рефлексивных процессов и создания рефлексивных технологий (более 500 высококвалифицированных специалистов, многие из которых являются лидерами других сообществ).

Сообщество способно и готово принять активное участие в оперативном решении вставших перед человечеством сложнейших междисциплинарных проблем выживания и развития. Необходимо создание адекватных организационных форм и понимание государственными деятелями и лидерами международных организаций важности использования новых подходов для решения проблем обеспечения безопасности и развития человечества.

4. Конкретные рекомендации симпозиума

(1) Обратиться в Президиум Российской академии наук с просьбой рассмотреть вопрос об организации и поддержке междисциплинарных фундаментальных работ в области исследования рефлексивных процессов и управления.

(2) Поддержать предложение участников симпозиума о необходимости создания Международного института рефлексивных технологий – МИРТ.

Основные цели Института:

- 1) Разработка рефлексивных технологий установления взаимопонимания и доверия различных типов субъектов мирового сообщества (государств, этносов, сообществ, граждан и др.).
- 2) Разработка рефлексивных технологий стратегического управления и развития мирового сообщества с участием и учетом интересов разнообразных типов субъектов (государств, этносов, сообществ, граждан и др.).
- 3) Разработка рефлексивных технологий обеспечения защиты субъектов и отношений между субъектами (в частности, государствами) от скрытого вмешательства других субъектов.
- 4) Разработка технологий «пробуждения» и поддержки рефлексии различных типов субъектов, в том числе граждан и населения Планеты в целом; формирование культуры стратегических субъектов.
- 5) Разработка гуманитарных технологий информатизации общества (включая СМИ) на основе рефлексивного подхода.
- 6) Осуществление международной экспертизы (рефлексивного анализа) ситуаций, конфликтов, документов и др.
- 7) Координация международных работ в области разработки рефлексивных технологий.

Создание по инициативе России Международного института рефлексивных технологий может способствовать решению актуальных российских проблем:

- ✓ Создание в России организаций, способных оперативно мобилизовать интеллектуальный потенциал для продуктивного решения актуальных междисциплинарных проблем обеспечения безопасности и развития России. Вчера еще модные «Центры стратегических ...», судя по результатам их работы, не смогли ассимилировать и создать адекватные поставленным проблемам технологии. Сегодня в России практически отсутствуют организации типа «фабрик мысли» (в США их яркий представитель – «РЭНД корпорейшн»), потребность в них очевидна, и не только в связи с новой волной терроризма.

- ✓ Мобилизация интеллектуального потенциала России для создания новых гуманитарных технологий, ориентированных на стабилизацию мировых процессов и организацию развития мирового сообщества, а также на решение актуальных проблем развития России. Российский интеллектуальный потенциал «заиграет» в лучах успехов и славы, если удастся создать «организационную оправу», адекватную его потенциям и актуальным практическим проблемам.
- ✓ Привлечение в Россию инвестиций на разработку интеллектуальных технологий.
- ✓ Создание в России привлекательных условий для интеллектуальной элиты, формирование предпосылок к переходу от «утечки мозгов» к эмиграции «мозгов» в Россию.
- ✓ Становление России как ведущего мирового экспортера гуманитарных технологий.

Просить организаторов симпозиума выступить инициаторами создания Международного института рефлексивных технологий, привлечь к его деятельности в качестве участников или аккредитованных партнеров - ученых, менеджеров, экспертов, а также предприятия, фирмы и организации, необходимые для достижения поставленных целей.

Рекомендовать международным, государственным, коммерческим и некоммерческим структурам, фондам и общественным организациям, отдельным гражданам поддержать доступными способами инициативу создания и деятельность Международного института рефлексивных технологий.

(3) Рекомендовать организаторам симпозиума и участникам организовать подготовку и издание учебных и популярных материалов по проблематике исследования рефлексивных процессов и управления.

(4) Устроителям симпозиума и организациям, заинтересованным в развитии рефлексивных исследований, обратить внимание на необходимость привлечения молодежи к данной проблематике (студентов, аспирантов, молодых специалистов и ученых и др.).

(5) Просить организаторов симпозиума подготовить серию публикаций для информирования широких кругов ученых и специалистов, заинтересованных в знаниях о развитии проблематики рефлексивных исследований.

(6) Симпозиум высоко оценил научный уровень и практическое значение Международного научно-практического междисциплинарного журнала «Рефлексивные процессы и управление» и рекомендует его широкое распространение в России и за рубежом.

(7) Симпозиум выражает благодарность Оргкомитету симпозиума, руководству Института психологии РАН, Дипломатической академии МИД России, Национального расчетного банка за прекрасную организацию мероприятия, создание атмосферы доброжелательности, глубокого междисциплинарного взаимопонимания и взаимобогащения, пробуждение состояния социальной востребованности у участников, раскрытие новых горизонтов профессионального развития и самовыражения.

Симпозиум просит организаторов продолжить традицию и провести в следующем году IV Международный симпозиум «Рефлексивные процессы и управление».

Председатель Организационного комитета III Международного симпозиума,
заведующий лабораторией психологии рефлексивных процессов
Института психологии РАН,
доктор психологических наук
В.Е.Ленский

**Междисциплинарный научно-практический семинар
«РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ»**

8 октября 2001. Круглый стол «Проблемы становления рефлексивных субъектов» (Материалы опубликованы в данном номере журнала).

30 ноября 2001. Круглый стол «Информация, психология, дипломатия» (Дипломатическая академия МИД России). *Ведущие:* Кашлев Ю.Б., Лепский В.Е.
Программа семинара:

Кашлев Ю.Б. Становление глобального информационного общества и место в нем России

Лепский В.Е. Гуманитарная парадигма внешней политики России в XXI веке

Извеков Н.Н. Информация и дипломатия

Брушлинский А.В. Психология и дипломатия

Галузов Э.А. PR в международных отношениях

Курдюмов Б.Г. Проблема информационной безопасности в международных отношениях

Федоров А.В. Чем плоха международная информационная безопасность?

Рубан Л.С. Система коллективной безопасности и современный миропорядок

Анушимов О.С. Рефлексивная культура в международных согласовательных процессах

Машлыкин В.Г. О современном информационном терроризме

Кикоть В.И., Мельник И.К. Информационно-психологическая и физическая безопасность сотрудников дипломатических представительств

Абаев Л.Ч. Рефлексивный анализ и моделирование международных конфликтов (на примере продвижения НАТО на Восток)

Матвеева Л.В. Особенности межкультурных коммуникаций в СМИ

Степанов А.М. Возможно ли несанкционированное информационное влияние на психофизиологическое состояние дипломатических работников?

Галкин В.Е., Кретов В.С., Фролов И.В. Использование субъектно-ориентированного подхода при создании базового информационно-аналитического комплекса «Дипломат»

Сборник материалов данного заседания семинара находится в печати.

16 января 2002. «Рефлексивные процессы и управление (кибернетический аспект)». Выездное заседание в форме круглого стола, организованного совместно с Секцией кибернетики Центрального Дома Ученых Российской академии наук. *Ведущий* В.Е.Лепский.

Выступающие: Бахур А.Б., Беляев И.П. (дтн), Бурков В.Н. (дтн), Ерешко Ф.И. (дтн), Зенкин А.А. (д.ф.-м.н.), Кара-Мурза С.Г. (дхн), Кузнецов О.П. (дтн), Малинецкий Г.Г. (д.ф.-м.н.), Петровский В.А. (д.психол.н.), Райков А.Н. (дтн), Распортуев С.П. (дтн), Степанов А.М. (дмн), Цыгичко В.Н. (дтн).

31 января 2002. «Исследование рефлексивных процессов – основа интеграции наук в XXI веке». Выездное заседание в форме симпозиума в рамках Всероссийской конференции Российского психологического общества «Психология и ее приложения».

Ведущие: Лепский В.Е. (Москва, ИП РАН, дпн), Шаров А.С. (г. Омск, ОГПУ, дпн)

Рефлексивные процессы и управление. Тезисы III Международного симпозиума 8-10 октября 2001 г., Москва / Под редакцией [А.В.Брушлинского] и В.Е.Лепского — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. — 242с.

В первой части рассматривается общеметодологическая проблематика, затрагивающая соотношенность ключевых категорий субъекта, рефлексии и деятельности; особое внимание уделяется их онтологическим аспектам.

Излагаются результаты последних рефлексологических исследований, особенно связанных с конкретизацией задач рефлексивного управления (Журавлев А.Л., [Носов Н.А.], Смолян Г.Н., Солнцева Г.Н. Шаров А.С. и др.).

Во второй части основное внимание уделяется математическим моделям рефлексивных процессов и синергетике, в первую очередь формализации различных аспектов рефлексивного выбора и моделирования социальных процессов (Зенкин А.А., Князева Е.Н., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Петровский В.А., Таран Т.А. и др.).

В последующих частях рассматриваются особенности рефлексивных процессов в современной сверхдинамичной политике, проблемы международной безопасности и терроризма, а также миротворческой деятельности.

Анализируются рефлексивные процессы в экономической активности хозяйствующих субъектов различного ранга и в системах поддержки управленческой деятельности.

Особое внимание уделяется месту рефлексии в массовых коммуникациях и в информационных войнах.

Заключительный раздел посвящен докладом по организации обучения и инновационным методам развития рефлексивных процессов.

Lefebvre V. Algebra of Conscience. Dordrecht/Boston/London.: Kluwer Academic Publ. — 2001

Воспоминания автора.

Как родилась идея написания книги?

Вышло второе англоязычное издание моей книги «Алгебра совести». Если бы я рассказывал о ней в Америке, то говорил бы совсем не так, как мне хочется рассказать это вам, потому что моя душа расколота на две части - российскую и американскую, в соответствии с жизнен-

ным опытом. Поэтому давайте я сначала попробую сказать так, как я говорил бы в Америке.

Вот моя книга. Вы видите ее. Она вышла в очень хорошем издании, я старался написать ее ясным языком. Книгу можно заказать, как вы знаете, в любом

университетском магазине, а кроме того, наложенным платежом по названному вами адресу.

Ее можно использовать по-разному. Преподаватели университетов могут сделать как минимум три специальных курса по этой книге. Первый курс, который по ней можно читать, связан, главным образом, с этическими системами. Я думаю, такой курс привлечет студентов, начиная с третьего года обучения, а продвинутых студентов и ранее. Второй курс требует несколько более серьезной подготовки. В нем можно изложить формальную теорию морального выбора. Этот курс должен заинтересовать студентов философских факультетов. В его рамках можно провести несколько интересных дискуссий о том, как люди принимают решения в условиях моральных дилемм. Наконец, третий курс носит более специальный характер и связан скорее с математическими аспектами этой работы. Часть курса должна быть посвящена рефлексивным моделям, их связи с самореференцией, а другая часть – с динамическими системами, с тем, как производить моделирование субъективного выбора в нелинейном случае.

Второе использование этой книги состоит в том, что она может быть полезна специалистам по искусственному интеллекту, которые стремятся создавать системы, способные решать не только утилитарные, но и моральные проблемы.

Вот примерно так я бы рассказывал об этой книге в Америке. Идейная часть заняла бы гораздо меньше времени, потому что людям некогда, и они хотят знать, каким образом эта вещь может быть использована.

Здесь же я хочу рассказать об основных идеях, которые отражены в этой книге, а также о ее замысле.

Как возник этот замысел? Прежде я должен немного рассказать о себе.

В 1974 году я эмигрировал в Америку. Для тех, кто не ехал в Израиль, путь туда в то время лежал через Рим. Сначала люди попадали в Вену. Из Вены эмигрантов поездом посылали в Рим, и все ждали разрешения на въезд в ту или иную страну.

В 1974 году еще только начиналась эмиграция в Америку, Канаду, Австра-

лию, европейские страны; еще не было никаких правил, мы ничего не знали.

В Риме я жестоко отравился. «Скорая помощь» в беспамятном состоянии доставила меня в госпиталь Святого Евгения, госпиталь для бедных. Я попал в огромную палату, где лежало человек двадцать, все в тяжелом состоянии. Некоторые из них умирали. Я был в плохой форме и очень слаб, и меня опекали два других больных. Один был фашистом и воевал под Сталинградом. А второй был коммунистом и тоже воевал под Сталинградом. Оба были в плену в Советском Союзе, оба выжили. И вот эти двое, фашист и коммунист, оказались в каком-то смысле самыми близкими мне людьми. Я вдруг понял, что перед лицом смерти меня совершенно не волнуют политические взгляды этих людей. В этот момент возникло какое-то прозрение, что существует нечто более глубокое, чем политические взгляды.

Я бы не хотел, чтобы у вас возникло впечатление, что это было религиозное чувство, я скорее ощущал открытие инженера: вот так мы все устроены, наша конструкция такова, что наши политические взгляды, наши дискуссии в какой-то момент оказываются несущественными, а управляют нами скрытые от нас силы. Я стал думать о том, что же это за силы? И главная идея сводилась к тому, что это нечто «автоматоподобное», то, что мной сознательно не управляется. Было бы большим преувеличением сказать, что я тогда начал над этим работать, но мысль стала тлеть.

Потом мы уехали в Америку. Были трудное устройство, плохое знание языка, непонятный мир вокруг. На первых порах удалось устроиться помощником преподавателя русского языка в университете в Лос-Анджелесе. Я продолжал свои размышления.

И вот у меня как-то возникла одна конструкция. Я расскажу о ней без всякой математики. Бывают, вы знаете, карикатуры, когда в голове у человека нарисован человек, в его голове - еще человек и т.д. Они часто встречаются. И вот мысль, которая появилась, заключалась в том, что такие картинки могут быть использованы одним необычным образом – как вычислительные схемы.

Если некоторые числа (на самом деле это – не числа!) поставить в соответствие каждой такой мордочке и предположить, что эти мордочки связаны некоторыми функциями, можно сразу построить очень простую психологическую модель человеческого существа. Просчитать всю эту картинку – и будет некоторый акт поведения. Это была первая идея. Тот просчет, который относится к мордочке, нарисованной внутри себя самой, – описывает образ себя, а просчет, относящийся к образу другой мордочки, – к тому, что человек думает о другом.

Я сразу же понял, что эти вычисления внутри самой большой мордочки есть аналог порождения внутренних эмоций. Это была вторая идея. И, наконец, третья идея: необходимо найти не «возможные», а истинные функции. Я не хотел тратить жизнь на анализ «возможных» подходов: заниматься математикой, придумывать функции, как это делается очень часто. Дальше возникают интересные теоремы, которые можно доказывать и которые в конце концов выбрасываются, потому что не объясняют реальных отношений. Я поставил задачу найти единственные функции, потому что если эта идея верна, то вряд ли здесь есть большой набор функций. Самонаблюдение и дискуссии с одним приятелем, очень религиозным человеком, в конце концов привели к некоторой гипотезе, какими именно эти функции могут быть.

Первая модель была чисто булевой: значения переменных – значения этих мордочек: «1» и «0». Интерпретация поведения была «этической»: «1» соответствует «выбору добра», а «0» – «выбору зла».

Вычисления, которые соответствуют внутреннему выбору, проводятся по тем же самым правилам, и их результаты порождают аналоги внутренних переживаний.

Дальнейшие размышления привели к мысли, что возникает не одно, а два «соответствия»! «Так» - и как раз «наоборот»! Тут у меня возникло математическое ощущение, что могут быть два различных алгоритма. Вернее, две различных интерпретации одного и того же алгоритма: некая операция (для

одних людей) соответствует конфронтации, и та же самая операция (для других людей) - союзу. Так возникла идея двух этических систем. Оказалось, что эти операции несимметричны вот в каком смысле: если предположить, что субъект обладает способностью произвести выбор отношения к другому субъекту, то при выборе одной из этих операций его образ всегда был лучше, чем при выборе другой. Это означало, что, выбрав одну из этих операций, он будет подниматься в собственных глазах, а выбрав другую, не будет. Далее появилась теорема: если субъект поднимается в собственных глазах, выбрав это отношение с другим человеком, то он и на самом деле становится лучше, то есть формула, описывающая его поведение, чаще выдает «единицы», чем в том случае, когда он выбирает другую операцию. И в данный момент мне стало более или менее ясно, что это – некая важная формула, что существуют две этические системы, и «машина» вообще никак не связана с какими бы то ни было практическими проблемами, на которые направлена активность субъекта! Выбор отношения к другому диктуется не пользой, не какими-то практическими целями, а только регуляцией образа самого себя, стремлением повысить этический статус образа себя.

При этом возникла еще одна теорема. Оказалось, когда субъект поднимается в собственных глазах, выбирая некоторое отношение, то если мы просчитаем картину ситуации в его голове, она реже примет значение «1». Итак, в результате выясняется: выбирая некоторое отношение к другому, субъект создает «плохую» ситуацию! Он сознательно помещает себя в такую ситуацию, стремясь тем самым подняться в собственных глазах. А это, естественно, можно интерпретировать как некий формальный аналог жертвенного поведения.

Данная идея совершенно нова, потому что жертвенное поведение обычно рассматривается как альтруистическое. То есть жертва осуществляется «во имя» близкого человека, идеи, высшего духа... А здесь оказывается, что единственный смысл жертвенного поведения в том, чтобы гасить негативные импульсы в образе себя, то есть напрашивается гипотеза,

что человек старается минимизировать чувство вины.

И вот история с бумажными человечками как раз и есть литературное пояснение к тому механизму, который был в этой модели. Не то, что я сначала придумал эту историю, а потом стал искать какие-то «формализмы», ей соответствующие. Нет, она вторична. Но я стремился наиболее ясно и достаточно компактно объяснить вот такую идею: один герой поднимается в собственных глазах, когда он идет на жертвенный союз, другой поднимается, когда он идет на жертвенный конфликт. Почему это происходит?

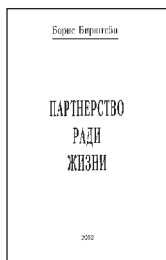
В напечатанной в данном номере журнала статье я уже привел пример с дилеммой «бумажных человечков».

Позже выяснилось, что есть еще три

типа формальных персонажей. Первый – это «святой», субъект, который идет на жертву, однако видит себя не идущим на жертву, а исполняющим свой долг, работу. Следующий – «обыватель», человек, который не идет на жертву и знает это. И еще «лицемер». Это человек, который не идет на жертву, но видит себя идущим на нее.

Независимо от этих словесных интерпретаций мы можем вычислить этические статусы персонажей. Оказалось, что наивысший статус – у «святого», потом идет «герой», потом – «обыватель», а самый низкий статус у «лицемера».

Довольно быстро я написал книгу. За четыре месяца.

Борис Бирштейн. Партнерство ради жизни.
Изд-во: Universul, 2002 – 127 с.

Автор книги – доктор философских и экономических наук, президент Североамериканской Академии информатологии, почетный член многих научных сообществ. Книга поистине злободневна, но и глубоко научна. В первую очередь своим главным тезисом: мировому партнерству альтернативы нет.

Конечно, автор доказывал его и ранее. Более того, будучи вовлеченным в практическую деятельность, он наглядно представляет высокую эффективность механизмов рефлексивного управления во многих сферах жизни. Но после 11 сентября этот высокоценный интеллектуальный капитал должен быть освоен всеми! – именно об этом беспокоится Борис Бирштейн. Именно к осознанию необходимости предотвращать угрозы призывает он читателей. А в числе последних не только ученые, но и государственные деятели, дипломаты, работники неправительственных организаций.

«Говоря о партнерстве в борьбе с терроризмом, я, прежде всего, рассматриваю линию сотрудничества США - Россия. И не только потому, что вчерашние участники «холодной войны» стали по одну сторону обороны. Дело тут и в опыте противостояния терроризму, накопленному Россией» (с. 6). И данный опыт должен носить международный характер, что предполагает поднятие уровня самопознания и познания других. Того, чем, собственно, и занимается теория рефлексивных процессов. Россия же в этом плане – наиболее востребованный «боец» как раз в «поствоенном пространстве», отмечает Борис Бирштейн (с. 48-49), не опасаясь, что эти определения похожи на «железное дерево» или «горячий лед». Нет, автор исходит из убеждения, что XX век наделил Россию удивительным опытом по созданию сверхсложных ситуаций и эффективному преодолению их. Учитывая это, считает автор, она может

выступать неким глобальным учителем. Пора критически осмыслить ее опыт, в том числе с остро критических позиций, и применить его позитивные уроки. Этим во многом и призвано заниматься международное сообщество рефлексологов. Чтобы «тайны» русского характера, как способа рефлексивного отражения общественного сознания, стали «конструктивными силами» поддержки стабильности в глобальных масштабах. Ключевые черты этого характера – величие духа, открытый взгляд в будущее, всемирная

отзывчивость, убеждает автор.

А рецензию на умную и страстную книгу Б.Бирштейна хотелось бы завершить словами великого отечественного поэта, пронизательного дипломата и глубокого социального мыслителя Ф.И. Тютчева.

«Единство, – возвестил оракул наших дней, -
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять ее любовью, -
А там увидим, что прочней...

Э.Г.Задорожнюк

доктор исторических наук

Нам помогает

НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАСЧЕТНЫЙ БАНК

КБ «Национальный Расчетный Банк» осуществляет:

- расчетно-кассовое обслуживание предприятий и организаций различных форм собственности и видов деятельности, а также физических лиц;
- валютное обслуживание внешнеэкономической деятельности клиентов;
- куплю-продажу иностранной валюты в наличной форме, валютный дилинг;
- переводы в иностранной валюте без открытия счета;
- операции с драгоценными металлами;
- инкассацию денежных средств, платежных и расчетных документов;
- документарные операции;
- предоставление в аренду индивидуальных сейфов и абонентских ячеек;
- кредитные операции (кредитование в рублях и иностранной валюте под залог, вексельное кредитование, кредитование поставки товаров клиенту по факту отгрузки, страхование рисков, операции «РЕПО», «овердрафт»);
- неторговые операции (в том числе организация схем обслуживания клиентов торговых организаций через открытие операционных касс и пунктов обмена валюты на территории клиента);
- операции с векселями, в том числе выпуск и продажа собственных векселей;
- все виды операций с различными видами ценных бумаг;
- моделирование оптимальных финансово-расчетных схем;
- финансовый консалтинг, оптимизация налогообложения клиентов.

Тел.: (095) 917-05-00

Факс: (095) 917-06-90

30 января 2002 года трагически погиб великий Ученый и Человек — Андрей Владимирович Брушлинский. Он родился 4 апреля 1933 года и всего год не дожил до своего 70-летия.

После окончания школы с золотой медалью, а затем и отделения психологии философского факультета МГУ, Андрей Владимирович выбрал своей главной темой научной жизни — психологию мышления. Опираясь на разработанный им и применяемый в настоящее время десятками ученых континуально-генетический (недизъюнктивный) метод, всесторонне исследуя мышление как прогнозирование, продолжая разработки своего учителя С. Л. Рубинштейна, он уже в первых своих работах добился весомых научных результатов, значимых и для теории рефлексивных процессов. Более того, Андрей Владимирович стоял у истоков рефлексивного движения и многое сделал для его признания широкими научными кругами в России и за рубежом как бессменный директор Института психологии РАН (с 1989 года), как член-корреспондент РАН, как ведущий психолог страны.

Но диапазон его научных исследований был куда шире. Разработка многосторонней проблематики человека как субъекта, общая теория субъекта и его социальности признаны не только психологами, но также философами, социологами, представителями гуманитарных и естественных наук. Одно из последних свидетельств этому — его яркие, поистине ключевые выступления на Ломовских чтениях в Институте психологии Российской академии наук и на заседаниях Российского психологического общества незадолго перед своей трагической кончиной. Он призывал на них мобилизовать весь потенциал психологии, чтобы успешнее решались многие научные проблемы и общественные задачи, чтобы людям легче было жить.

Сам Андрей Владимирович являл собой пример беззаветной преданности науке — не только науке самой по себе, но и ее вкладу в общественное благосостояние России. И он преуспел в том и другом, что было отмечено премией С. Л. Рубинштейна в 1992 году и премией Президента Российской Федерации в 1999 году. Не менее важно то, что он наставлял в этом и многих своих учеников, в числе которых уже десятки и сотни кандидатов и докторов психологических наук.

Автор более десятка вышедших и готовящихся к изданию фундаментальных книг, сотен научных статей, научный руководитель множества научных проектов.

Главный редактор «Психологического журнала», Андрей Владимирович задавал высокую планку и нашему журналу, являясь одним из его учредителей. Воздействие присущей ему гуманности и высокой требовательности, широкого кругозора и умения проникать в суть изучаемого явления ощущали на себе все психологи страны, сопредельных государств, над которыми Андрей Владимирович сохранял единое научное пространство, зарубежные коллеги. Он разрабатывал многие стороны теории рефлексивных процессов, не игнорируя, а как раз усиливая этическую составляющую мышления, требуя выстраивать рефлексивное управление на надежной и морально приемлемой основе.

Наш долг — сохранить память о нем. Выполнить его заветы. И не допускать повторения такого несчастья, когда гибнут лучшие. А для этого нужно сохранить и чувство гнева. Ибо, по словам поэта, «Кто не знает печали и гнева — Тот не любит Отчизны своей». И не бережет лучших ее людей. После столь горькой потери психологам придется мобилизоваться и понять, что же с нами происходит — и не допускать покушения на самое совесть и честь нашей науки.

Мировое сообщество рефлексологов, редсовет и редколлегия журнала «Рефлексивные процессы и управление» выражают глубокую скорбь по поводу безвременной гибели великого Ученого и Человека.

ПАМЯТКА ДЛЯ АВТОРОВ

Все материалы от авторов принимаются только в электронном виде по e-mail или на дискете. Объем статьи – до 12 страниц (редактор Word, шрифт Times New Roman, размер 12, через 1,5 интервала, рисунки отдельными файлами). Литература в конце статьи с цифровыми ссылками на нее в тексте. К статье прилагается аннотация объемом 150-200 слов, отражающая следующие аспекты:

- проблема (задача), поставленная в статье;
- существующие подходы к её решению (могут и не быть);
- новизна подходов автора;
- полученные результаты.

К статье прилагается также краткая информация об авторе, фотография автора (файл в формате TIFF), адрес, телефон, факс, адрес электронной почты (e-mail обязателен).

Контакты с авторами в процессе доработки статьи осуществляются в основном по электронной почте.

Преимущество отдается статьям, в которых получены новые результаты.

ПРИБРЕТЕНИЕ ЖУРНАЛА

Оперативная информация об условиях приобретения журнала представлена в Интернете на сайте

www.reflexion.ru

За дополнительной информацией следует обращаться в редакцию журнала.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Рапопорт А. (Канада)

Что такое рациональность?

Лефевр В.А. (США)

Просчеты миротворчества.

Задохин А.Г. (Россия)

Образ Америки в русском национальном сознании и российско-американские отношения.

Лепский В.Е., Степанов А.М. (Россия)

Рефлективные процессы в культовых организациях.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

№ 1, январь – июнь 2002. Том 2

Издательство «Когито-Центр»

ИД № 05006 от 07.06.01

Подписано в печать 23.04.02

Формат 60 x 90 1/16. Усл. печ. л. 8,5

Тираж 1500 экз.